

Николай Хрипков

Каникулы - собачье время

Повесть

18+

Николай Иванович Хрипков

Каникулы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70492591
SelfPub; 2024*

Аннотация

Человек раздавлен, унижен, над ним совершили гнусное преступление. Разве можно жить с этим? Можно, если отомстить своим обидчикам. Он, униженный и оскорбленный, задумывает месть изощренную и страшную. И уже почти дошел до конца. Но останавливается. Он не может. Потому что он человек. Но и жить с этим тоже не может.

Содержание

3. В ПРИВОКЗАЛЬНОМ ПАРКЕ	6
4. ЧЕТВЕРКА ВЫХОДИТ НА ТРОПУ	14
5. В ЗАПАДНЕ	24
8. ПРЕДЛАГАЕТСЯ ДВА ВАРИАНТА	34
9. КАПИТАН ВСЁ РАЗРУЛИЛ	36
11. И СНИТСЯ НАМ	48
12. ИДЕТ К СЕРЕГЕ	55
13. СЕРЕГА, КОНЕЧНО, ЗА	57
14. И НА ПОМОЙКЕ НАЙДЕШЬ ЖЕМЧУЖНЫЕ ЗЕРНА	65
15. ВОТ И УВИДЕЛИСЬ	68
16. ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО ОТКАЗАТЬСЯ	74
17. ИХ НИКТО НЕ ВИДЕЛ	77
18. СОЧУВСТВИЕ ВСЕМ УЧИТЕЛЯМ	85
19. СЕРЕГА ЕЩЕ И МЕНТ	90
20. НУЖНО ЖЕЛЕЗНОЕ АЛИБИ	97
21. ЗАСВЕТИТЬСЯ В МАЛИНОВКЕ	102
22. В ОХОТНИЧЕЙ СТОРОЖКЕ	113
23. МОГ БЫ И ЗАДУШИТЬ	121
24. У НИХ НОВЫЙ КОМПАЬОН	133
25. КОГДА КРОВАТНЫЙ СКРИП ПРИЯТЕН	142
26. ЕЩЕ ОДИН КОМПАЬОН	158
27. КАСТРИРУЮТ НЕ ТОЛЬКО КОТОВ	174

28. И КАМНИ НЕ ПРИВЯЗАЛИ

207

29. ВОТ И ВСЁ

216

Николай Хрипков

Каникулы

3.В ПРИВОКЗАЛЬНОМ ПАРКЕ

Пахом мельком взглянул на часы. Но от Стаса это не укрылось, и он дернул вверх головой, знак, означающий «сколько там уже натикало? Не пора ли нам пора? Как бы не опоздать?»

– Не волнуйся! Еще целых полчаса. Можно не торопиться!

– И чего он так долго стоит в этой глухомани? В крупных городах постольку не стоял. Плетемся еле-еле.

– Говорили, что бригада меняется, тепловоз другой прицепят. Ну, то сё, пятое-десятое. Ну, ладно тебе! Не парься! Всё лучше, чем в вагоне. Или уже соскучился по вагонным нарам? Или тебе еще не надоели эти морды? Тут все-таки, какая-никакая природа. Свежий воздух. Никого вокруг. Лепота!

Улыбаясь, Пахом театральным жестом показал на корявые клены, плотные заросли акации, высокий бурьян, таивший в себе темноту.

– Ну, да, – согласился Стас. – Пахнет мочой и гнилью.

– Не порть мне лирического настроения, пожалуйста! Давай побудем лириками!

Пахом отшвырнул пустую бутылку в кусты и открыл о край скамейки очередную, и стал медленно потягивать пиво, то и дело запрокидывая голову и шумно вздыхая.

– А пиво клёвое! И воблочка ништяк! У нас такой не найдешь.

– А заметил, сколько здесь озер? Озерный край. И рыбаков сколько!

– Послушай, Стас! А давай назад автостопом? А то один и тот же маршрут дважды... И снова поездом. Еще и в тот же самый вагон билеты продадут. И на те же самые места.

– И с теми же самыми балбесами окажемся рядом, которые будут говорить то же самое.

Они дружно рассмеялись. Чокнулись бутылками.

– Решено, корифан! Отдыхать, так с музыкой. Но вот с деньгами напряг, Пахомушка. Стипендия расстаяла, как дым.

– Подколымнем! В наши-то годы!

2. ВСТРЕЧА НА ПОЛЯНЕ

Со стороны перрона донесся стук колес.

– Стас! А там случаем не наш дернулся? Вот будет дорово!

– Сейчас глянем! Подержи-ка мою бутылку! Я махом!

Стас сунул Пахому недопитую бутылку. Пахом поставил ее рядом с собой.

– Смотри сам не вылакай! Я быстренько!

Пахом стал насвистывать незамысловатую мелодию, изредка прикладываясь к горлышку бутылку. Закурил. Стас не возвращался. Ветерок шелестел листвой.

– Блин! Что он там?

Пахом заметно занервничал. Неужели без него уехал? За-

прыгнул в уходящий поезд. Нет, Стас так не сделает. Друга он не бросит. Пахом глянул на часы. До отправления оставалось меньше десяти минут. Он допил Стасову бутылку. Забросил пустышку в кусты. И решительно спрыгнул со скамейки. Прошел несколько шагов. Остановился. А вдруг Стас пойдет другой тропинкой, и они разминутся? Как же быть?

– Стас! – крикнул он и прислушался. Тишина.

А может быть, он его ждет на перроне? Ну, что за дела? Пахом еще прошел несколько шагов по тропинке. Опять остановился и опять крикнул. И снова никакого отклика. Куда он подевался?

«Ладно, – решил Пахом. – Ждать уже нет времени!» Он решительно направился вперед и вышел на небольшую полянку. Впереди маячили четыре фигуры, одна была женская. Точнее, девушка. Гоп-компания сразу не понравилась Пахому. Мелькнула даже предательская мысль повернуть назад, пойти к перрону другим путем. Он остановился в нерешительности.

А может, страхи его напрасны. Гуляет молодежь по парку. Чего он боится? Пахом медленно направился к ним. В центре стоял среднего роста паренек лет шестнадцати с большими выпученными глазами и большим носом.

Рядом с ним стоял длинный сухопарый и тоже носатый пацан, рот которого кривился в ухмылке. Он что-то постоянно подпевал, ухал, крикал, не умолкая ни на минуту. Одет он был в джемпер и голубую рубашку.

Третий всё время улыбался и поглядывал то на одного, то на другого, как бы стараясь найти у них поддержку или ожидая приказа, который он тотчас же бросится выполнять. Четвертой была девица, низенькая, востроносая, с большими темными очками, которые закрывали половину ее лица, оставляя видимым только маленький тонкогубый рот. «И к чему очки? – подумал Пахом. – Когда никакого солнца нет! Понты кидает местная крутая молодежь. Но нужно держаться поосторожней! Может, обкуренные какие». Девица нажевывала жвачку и тоже кривила тонкие губы. Наверно, у местной молодежи криворотие считается признаком крутости. Глухомань всегда отличается дебилизмом. Пахом оглянулся по сторонам.

3. ДО ТОГО, КАК ВСЁ СЛУЧИЛОСЬ

Какая самая счастливая пора в жизни студента? Да это вам любой скажет! Когда сессия сдана с первого захода. В кассе получена стипендия. Конечно, если вы бюджетник. Упаковал в огромную сумку вещи. А это в основном грязное белье, которое мамка будет отстирывать дня три, пара общих тетрадей с неполным собранием конспектов (типа, будет их перечитывать, как прилежная Маша на каникулах), две-три книжки, которые, как и тетради, ни разу не будут открыты за каникулы, ну, и всякая мелочовка. Посидели по русскому обычаю на чемоданах. Ну, брат, пора в дорогу. А в душе такая звонкая радостная пустота! Я свободен! Только что не поешь! Вот и еще сделан один шаг по лестнице, ведущей вверх

к вожделенному диплома и другой самостоятельной неведомой жизни, которая несколько пугает своей непредсказуемостью. Да ладно! Что же о будущем сейчас напрягаться? Оно же всегда так! Предполагаешь одно, а непременно получится иное. Как говорится, загад не бывает богат. Или: хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Или: человек полагает, а Бог располагает. Тьфу ты! Пахом чертыхнулся. Что это его так растянуло на русскую народную мудрость! Стареешь, значит, брат. Скоро и ворчать начнешь по любому поводу, а самое главное, без всякого повода. А потом еще и философствовать начнешь! А в твоём возрасте это вредно. Вот выйдешь на заслуженный отдых, окружишь себя доверчивыми наивными внуками и будешь делиться с ними своим богатым жизненным опытом. А пока рановато!

Со Стасом они учились на разных факультетах. Стаса тянуло к программированию еще со школьной скамьи. В девятом классе он написал игрушку, не вполне пристойную. А поскольку в школе кабинетная система, то он установил ее на все школьные компьютеры и даже на некоторые личные ноутбуки преподавателей. Вначале учителя удивлялись: чего это ученики все перемены сидят по классам, а не гуляют, где попало, как это заведено с незапамятных времен. Не учебники же они читают? Один из игроков слишком громко включил динамики, чтобы и остальные присутствующие в кабинете знали, какую ступень игры он проходит в данный момент. Учитель зашел в кабинет и его внимание привлек-

ли характерные стоны и вскрики. Первая мысль была самая страшная: неужели кто-то того самое? Сидмин потом ходил по всем кабинетам и удалял срамную игрушку, правда, оставив ее на собственном ноуте. А учителя решили, что эту – как они выражались – «пакоость» кто-то скачал из интернета и занес в школу. Пахом же чуть ли не с детсадовских лет привлекали всякие конструкторы, с которыми он возился целыми днями. В школе он стал самым продвинутым роботостроителем. Школьные робо-игрушки он наделял новыми возможностями, чем каждый раз удивлял учительницу математики, которая по совместительству вела и факультатив по робототехнике.

В старших классах они сидели за одной партой, ходили в гости друг к другу, порой кто-нибудь оставался ночевать у друга, если засиживались допоздна. Да и родители не отпускали. Поступили в один и тот же университет, хоть и на разные факультеты, попросили, чтобы их вместе поселили в общежитии, ездили туда-сюда, то есть домой и из дома вместе. Интересы у них тоже совпадали. Брали плацкарт, причем выбирали самый дешевый поезд, который останавливался чуть ли не у каждого столба. Подумаешь, потеряешь несколько часов в дороге, зато сэкономишь. Покупали билеты в день отъезда, чтобы не оплачивать предварительную плату. И вообще оказалось, что совместное проживание экономней, чем раздельное. Родители им особо помочь не могли. На сэкономленные деньги покупали пиво, которые и потягивали в дороге, беляши и

пирожки. Но брать их лучше на остановке, а не в поездном буфете, где всё дороже.

Они хотели отправиться на подработку. Какой-то шустрый старшеклассник, которого редко кто видел на занятиях, формировал стройотряд аж на Шикотан, обещая золотые горы. Девчата пойдут на рыбзавод, пацаны на стройку. Послушали других. Говорили, что этот шустряк поймееет с них хороший навар. Уж он-то точно в накладе не будет. Деньги, что они заработают непосильным трудом, по большей части уйдут на уплату неблизкой дороги. Плюс питание в дороге. Как загорелось, так быстро и потухло. Решили ехать домой. В конце концов, можно подработать и дома. У Пахома была идея, над которой он хотел покумекать. Кажется, должно получиться что-то неординарное. Уже чертежей и схем было полчемодана. То есть теоретически почти готово. Стас задумал написать новую программку, но для этого нужно было свободное время, которого в универе никогда не бывает в избытке. Поэтому каникул ждали. Притопали на вокзал, отзвонились родителям:

– Всё, мамуля, о'кэй! Скоро посадку объявят. Накрывай поляну!

Выпили по пивку, пожевали резиновых беляшей. Ну, вот и поезд. Хватают объемные сумки и в подземный переход. Вышли точно к своему вагону. Покурили и в вагон. Вперед! Труба зовет! На мамину вкусную стряпню, борщи, салаты, жаренную картошечку. Отъедаться на весь год вперед, отрас-

тить пузцо, которое, как у верблюда, будет кладезем жиров. Валяться в постели до обеда! Никуда не надо спешить, бежать, дергаться. В университетском городке это так изматывает, этот бешенный ритм! В твоей комнатке тишина, если ты сам, конечно, ее не нарушишь, даже слышно, как секундная стрелка настенных часов совершает рывками круг за кругом. Вечерний телевизор, который смотрят родители, не в счет. Вечерами можно устраивать встречи друзей, посидеть где-нибудь, радуя утробу, как в Париже на авеню... да кто ее знает эту авеню! Лепота! А чего еще человеку надо?

4. ЧЕТВЕРКА ВЫХОДИТ НА ТРОПУ

Пахом поднял руку над головой и спросил:

– Вы не видели, тут такой парнишка не проходил, повыше меня ростом? В футболке. Светловолосый.

– А чо? – спросил лупоглазый. – Чо он тебе?

– Да с поезда мы. Сейчас отправление. А он ушел и не возвращается. Волнуюсь.

Пахом старался быть дружелюбным и миролюбивым. Он улыбнулся.

– Так вы его видели? – переспросил Пахом. – Или нет?

Вся четверка дружно заржала. Они не смеялись, а именно ржали, громко и отрывисто. «Психи какие-то!» Пахом растерялся. Он не знал, что дальше говорить. А, может, под кайфом?

– Ладно, я пойду ребята! – сказал он. – Поезд должен вот-вот. Я пойду. Пока!

Коротышка, сделав удивленное лицо, спросил:

– Куда пойдешь?

– Ну, я же сказал, что у меня поезд отправляется. Могу опоздать.

– А! – протянул коротышка и насмешливо поглядел на товарищей, потом снова на него. Усмехнулся.

Пахом подошел поближе. Они занимали всю тропинку. Слева и справа стояли стеной непроходимые кусты акации и еще какого-то кустарника с острыми шипами, который вцепится и не отпустит. Через него не пройдешь.

– Я пройду? – спросил Пахом. – Мне туда!

И тут же понял, что его не пропустят. Для них встреча не закончилась, и они не намеревались его никуда пропускать. Стало тоскливо. Но о плохом не хотелось думать.

– Иди! – сказал лупоглазый, который у них был за главного, потому что они то и дело поглядывали на него и ждали, что он скажет.

Заржали. Пахом повернулся и пошел назад. Сдерживал себя, чтобы не побежать.

– Эй, ты! Ты чего?

Пахом не оглядывался. Хотя чувствовал спиной, всеми потрохами, что они идут за ним следом. И кажется, догоняют.

Грязный мат сзади.

– Куда пшел? Стоять!

Пахом ускорил шаг. Лоб покрылся испариной. Он быстро вытер пот тыльной стороной ладони. Топот за спиной. Он побежал. Но запнулся о корень, переползавший через тропинку, и растянулся во весь рост, еще и ткнулся лицом в землю. Его больно пнули между лопаток. Наступили на спину.

– И куда мы бежим? Спортсмен что ли? Спринтер?

Удар по голове. Хорошо, что успел закрыть руками голо-

ву, понимая, что это самое опасное место. Хотелось уйти под землю.

– В другой стороне вокзал! Тебе же на поезд надо. Чего молчишь? А?

Его опять пнули в бок. Пахом перевернулся набок и подобрал под живот ноги. Поза эмбриона. Самая защищенная.

– Да! На поезд надо. Если он уже не ушел.

– А чего ты побежал в другую сторону. Или ты пьяный или тупой? Чо молчишь?

И опять пнули. Кажется, на этот раз девица, потому что удар был не плоский, а точечный. И небожно.

– Там вокзал! А не там? Чо молчишь? А?

Опять пнули. Но пинали несильно. И Пахом понял, что бить его и калечить они не будут. По крайней мере, пока.

– Перепутал я. Стороны перепутал.

Опять заржали. Ему стало жутко.

– Ты чо, дебил? Чо молчишь? Чо за падло говорить с правильными пацанами, дебил? Чо, дебил? Ну, чо молчишь?

– Да! Дебил! Я дебил.

– А чо тогда развалился, раз дебил? Если дебил, тогда вставай на ноги. Чо боишься что ли? Вставай!

– На поезд мне надо. Я с поезда.

– Вставай! Уйдет твой поезд. Чо лежишь?

Пахом медленно поднялся. Сначала встал на четвереньки, ожидая в любое время удара, потом поднялся на ноги, прикрывая руками пах. И поднял взгляд на своих преследовате-

лей. Они стояли спереди и сбоку.

Четверка с любопытством разглядывала его. Он старался не глядеть им в лицо.

– У меня нет денег, ребята, с собой. Там в поезде оставил. Давайте я принесу. Я быстро. Там у меня деньги. Я с собой немного брал. Вот пиво купили, попить, пока поезд стоит. А там у меня есть деньги.

Заржали. Долговязый даже стал подражать лошади. У него получалось.

– Иго-го! Иго-го!

От этого лошадиного ржання другие развеселились еще больше. И тоже стали ржать, как лошади. Иго-го!

4. ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Лупоглазый ткнул его кулаком в грудь. Впрочем, не больно. Довольно хмыкнул.

– У тебя бабла много? А?

– Ну, так есть немного. Издержались на билеты, то се, – проговорил Пахом миролюбивым тоном. – Есть немного.

– Чо студенты? А?

– Ну да, в общем. Так.

Снова ржут. Девушка показала оттопыренный большой палец. Этот жест вызвал новый взрыв хохота. Иго-го!

– Значит, ученые? А?

– Да нет! Мы студенты.

– Пасть завали! Я тебе ясно задал вопрос, ученые или нет? А?

Лупоглазый ощерился и закрипел зубами, потом стал рычать. Другие тоже зарычали. Ррр!

– В какой-то степени. Что-то вроде того...как бы...

Пахом бормотал всякую чушь и оглядывался, но осторожно, чтобы не перехватили его взгляд и не догадались, с какой это он целью оглядывается. Тогда снова начнут бить. Поблизости могла валяться какая-нибудь палка. Да вон же! У самых кустов, в шагах десяти. Теперь как-то надо, не вызывая подозрения, двигаться в эту сторону. Хороший такой толстый сук! Если таким отоварить со всей силой, мало не покажется. Вооруженному уже не будет страшна эта четверка. Только нужно подобраться к палке. Главное не торопиться.

– Это... у нас сессия была. Вот сдали! А теперь домой на каникулы, – бормотал Пахом, медленно отступая к кустам, где лежало оружие, которое могло спасти его от этих уродов.

Он подходил всё ближе и ближе.

Когда до палки оставалось не более пяти шагов, Пахом стремительно бросился к ней, схватил и замахнулся. Не ожидавшая подобного четверка медленно попятилась назад. Лупоглазый широко раскрыл рот.

– Ну, отошли суки! Бошки поразбиваю! Отшли, я говорю!

Они явно не знали, что им делать дальше. Вид у Пахома был очень агрессивный и настроен он был решительно. А получать увечья четверка не желала, это никак не входило в их планы. Вот другим их наносить – это завсегда пожалуйста!

Как ветром, сдуло с их наглых рож издевательские ухмыл-

ки. Ожидаяще посмотрели на лупоглазого.

– Отошли, я сказал, суки! – завопил Пахом. – Я за себя не отвечаю. Поубиваю, мамой клянусь! Оглохли! Отходим! Еще! Дальше! Дальше, я говорю! Еще отходим!

Они сдвинулись с тропинки. Стали пятиться.

– Кто шевельнется! Убью на хрен, суки! – лютовал Пахом и убедил себя, что непременно убьет.

Он махнул палкой.

Повернулся к стене акаций спиной и стал боком продвигаться вперед, внимательно наблюдая за ними и готовый при малейшем шевелении пустить свое оружие в дело. Они больше не ухмылялись, только лупоглазый тихо бормотал (у него вообще рот никогда не закрывался. Если он не говорит, то что-нибудь мычал, напевал, насвистывал):

– Ты чо? Мы же так! Мы ничего! Не надо палкой! Положи ты ее!

Он даже попытался улыбнуться, но улыбка у него получилась кривая и он стал похож на древнегреческого сатира, но уже не страшного.

– Бойтесь, уроды! Стоять на месте! Кто шевельнется, сразу прибью! Застыли, я говорю! Не шевелиться!

Угроза подействовала. Четверка стояла, не шевелясь, и испуганно глядела на Пахома. Пахом побежал. Но остановился и обернулся назад. Четверка стояла на месте. Лупоглазый испуганно глядел на него. Никто не ржал и даже не улыбались. То-то же! Уроды!

– Вот так-то! – прошипел Пахом и дальше пошел быстрым шагом, то и дело оглядываясь. Четверка по-прежнему стояла на месте. Значит, напугались. Значит, и на вас есть управа. Значит, вас можно не бояться.

Открылась полянка. К стволу старого клена был привязан Стас. Руки его были за спиной, обхватывали ствол и связаны сзади. Глаза Стаса были прикрыты. Но он был жив. Во рту красный кляп. «Почем красный? – подумал Пахом. – Может быть, от крови? Может быть, они выбили ему зубы?» Пахом стоял на месте и пристально вглядывался в лицо Стаса. Почему Стас оставался неподвижным?

– Стас! погоди! Я сейчас! Я развяжу!

Он бросился к клену и стал развязывать ремень. Но узел был слишком тугой и никак не подавался. Пахом наклонился и зубами вцепился в ремень, стараясь вытянуть его из петли. Ремень потихоньку двинулся и стал распутываться. Узел потихоньку подавался. Ремень слабел.

Стас застонал. Покачал головой.

– Что они сделали с тобой, уроды? Они били тебя? Ты чего молчишь, Стас? Говри!

Он выдернул кляп. Стас снова застонал.

Тут перед глазами Пахома вспыхнуло яркое и красное. Потом потемнело. Он ослеп и погрузился в темноту, густую и непроходимую. «Да что же это такое? Где я сейчас?» Жуткая боль в затылке. Пахом упал набок, потеряв сознание. Ударивший отбросил толстый сук.

– Здорово я его прилабунил? – рассмеялся Дрищ. Так звали долговязого. Фамилия его была Дрищенко.

– Здорово отымили борова! – сказал лупоглазый. Его звали Филиппом. Филипп Филиппов.

Все заржали. Иго-го!

– Живой студент? А?

Голова раскалывалась. Он потрогал голову. Мокро. Кровь. Но хоть живой.

– Зачем ты от нас убегаешь? Мы же хорошие, – сказал долговязый Дрищ. – От нас не надо убегать.

Он мерзко захихикал. А потом снова заржал. И все следом заржали. Иго-го-го, как лошади. Пахом оглядел четверку с ненавистью. Отвернулся.

– Ух, как мы смотрим, – сказал маленький, которого звали Макс. – Смотрите, как он нас смотрит.

Макс наклонился и почти носом к носу пристально посмотрел Пахому в глаза. Пахому стало неприятно. Он опустил голову.

– Тебя как зовут? – спросил Филипп. – А?

– Какая разница! Тебе зачем?

– Ты не хочешь с нами знакомиться? – удивленно произнес Филипп. Но удивление было наигранным. – Мы тебе не нравимся? А?

– Но он же студент, ученый, – сказала девица. Ее звали Саней. Она была в очень узких джинсах и в футболке.

– С академиками за руку здороваются. Да?

– Ой! Я забыл! – воскликнул Филипп. Он надул щеки и с громким звуком, который издают в туалете, сдул их. – Он же у нас академик! А мне лапу пожмешь, академик? А?

Он протянул Пахому узкую ладошку. Ногти у него были длинные с черной бахромой грязи. На безымянном пальце кольцо.

Пахом с ненавистью посмотрел на его ладонь, почти девичью. И отвернулся, показывая, как он их презирает и ни в какие игры с ними играть не будет, как бы они их ни навязывали. Пошли они куда подальше!

– Ладно! – сказал Филипп. – Давайте оприходуем академика! А?

Дрыщ подошел к Стасу. Он стал снимать с него джинсы. Стас простонал и тут же получил по морде. Дрыщ оттянул его голую задницу и спросил, оглядывая всех:

– Ты будешь первым, Филипп? Как обычно?

Филипп расстегнул ширинку и стал дрочить член. Потом пристроился сзади к Стасу и стал его насиловать. Все ржали. Иго-го!

– Суки! Ублюдки! – прохрипел Пахом. И тут же больно получил по морде от Дрыща. А потом еще.

– Здорово мы его на хор поставили! – заржали они после изнасилования. – Иго-го!

– А ты Санька будешь? А?

– Буду! – кивнула девица и стала насиловать Стаса пустой бутылкой. Потом ей надоело. Она зашвырнула бутылку в ку-

сты.

Стас валялся весь в крови и тихо стонал.

– Он там не сдох? – спросил Филипп. – Посмотрите!

– А тебе что его жалко, Филипп?

– Жалко у пчелки. А пчелка на ёлке.

Филипп приблизился к Стасу и занес ногу, чтобы пнуть его по лицу. Неожиданно Стас дернулся и вцепился зубами в его ногу. Филипп бешено завопил и стал колотить Стаса кулаками по голове. Остальные бросились ему на помощь и забыли про Пахома, который стал медленно подниматься.

– Беги, Пахом! – прокричал Стас. – Они тебя тоже. Беги!

Последнее, что увидел Пахом, как Филипп перочинным ножиком колет Стаса. Пахом побежал. Сзади утихал хохот.

5. В ЗАПАДНЕ

Он выскочил на перрон. Ни души! Да что же это такое? Пахом понесся к переходному мостику. Там должны быть люди!

Когда он уже был наверху, услышал голоса снизу:

– Вон он! По переходке бежит!. Дрыщ! Давай по путям!

Тогда он от нас не уйдет! Мухой!

Черт! Что же он так лохонулся? Теперь он в западне. И почему ни души кругом? Где менты? Поезда? Где люди?

Дрищ заходил по переходке спереди. Троица подпирала сзади. У Филиппа был нож. Санька шла с бутылкой. У Дрища была увесистая палка, у Макса арматурина. Шансов у Пахома не было никаких. Разве что сигануть с переходки и разбиться о рельсы. Может быть, так и стоило сделать, зная, что его ожидает впереди от этих беспредельщиков? Первым приблизился Филипп, ухмыляясь.

– А ты быстро бегаешь! Спортсмен что ли? А?

И ударил его кулаком по лицу. Удар был не очень сильный. Но Пахом почувствовал, как из носа потекла теплая кровь, стекая на подбородок и капая на одежду. Он провел ладонью по лицу.

– Ребята! Что я вам сделал? – простонал Пахом. – Отпустите меня, пожалуйста! Прошу!

Все заржали. Иго-го!

– Тащи вниз! На то же место! – скомандовал Филипп. – Мухой!

Они подняли его, встряхнули и потащили вниз с переходки. Уже была ночь. На перроне ни души. И поэтому опасаться им было нечего. Они снова оказались в парке на том же самом месте. Ярко светило луна. Как поется, «и такой на небе месяц, хоть иголки собирай!» Стас лежал возле кустов и не шевелился. Возле него темная лужица. Пахом смотрел на нее, не отрываясь.

– Вы что его убили? – прошептал Пахом. – Вы что наде-
ляли?

– А он меня укусил, – сказал Филипп. – Целый клок мяса выдрал! Вот смотри! А?

Филипп задрал брючину. Пахом отвернулся. И плюнул.

– А если он бешенный? А бешенных псов надо уничто-
жать! А?

– Будешь вести себя хорошо, отпустим! – сказала Сань-
ка. – А начнешь дрыгаться, ляжешь вместе с ним. Понятно?

Филипп еще раз съездил ему по лицу и стал снимать с него джинсы. Потом оставил это дело, поручив его Дрыщу и Максу. Они набросились на Пахома.

6. ЖИВОЙ, НО КАКОЙ...

Пока Пахома готовили, Филипп разглагольствовал перед своей компанией:

– Ну, что, академики? Думаете, уж если вы из Москвы ва-
шей гребанной, вам всё позволено? Типа, короли, блин? Пи-

во, значит, можно наше пить, нас за дураков считать, чувих наших драть? А вот фиг вам! А?

Филипп показал средний палец, который у него чуть был загнут в сторону. Все заржали. Иго-го!

– А тут мы короли! Это наша земля, наша территория, наше здесь пиво и девки здесь только наши! А вас мы будем иметь во все дыры, дебилы хреновые! Не надо к нам соваться! Понял?

– Филипп! Он готов! Начинай!

– Понеслась! – завопил Филипп. – Погнали наши городских!

Все заржали. Последней, как и Стаса, его насильовала Санька пивной бутылкой, постоянно приговаривая при этом, как мантру:

– Вот какой у меня хороший член! Всегда твердый! Может работать круглыми сутками! Ты согласен?

Было нестерпимо больно. Каждая частица тела Пахома вопила от невыносимой боли. Ему с методичностью вгоняли раскаленный кол. И казалось, что этой казни не будет конца. Зажали рот, чтобы он не кричал. А когда всё закончилось, и его перестали держать, он повалился на бок. Сердце так бешено билось, что вот-вот должно было сломать грудную клетку. Он задыхался.

– Падла московская! Ты не сдох? – спросил Дрыщ и пнул его ботинком по спине. – Живучая падля!

Пахом застонал. Все заржали. Макс снова расстегнул ши-

ринку и стал мочиться на лицо Пахома, выписывая членом круги.

– Дышит, – сказал Макс. – Слышь, Филипп! Может, и этого того-самого? То есть вальнуть? На хрена попу гармонь? А он очухается и может заявить на нас. А нам это надо? Давай вальнем!

– Ты чо, Макс, debil? Мы что мокрушники? – завизжал Филипп и съездил Макса по физиономии. Что для того было полной неожиданностью.

Макс удивленно посмотрел на Филиппа, который побледнел и дрожал мелкой дрожью. Попытался вытащить сигарету, но не смог.

– Ну, этого же мы вальнули, Филипп, – сказал Макс. – Зачем он нам живой? Я сам могу.

Филипп отвернулся от них и долго смотрел в сторону темных кустов. Все ждали его ответа. Он молчал.

– Тот укусил меня, падла! Кусок мяса отхватил! А этот смирный. Не кусался! На хрена его мочить?

Все заржали. Филипп вытащил из кармана куртки сигареты и закурил. Все тоже закурили, как по команде. Громко выдохнули дым.

– Чо каждого, кого отчпокаешь, надо резать потом? – спросил Филипп. – Думвть же надо!

Все пускали дым и смотрели на Пахома. Но взгляды их ничего не выражали. Как у баранов. Взгляды их были пустые.

– Не, конечно! – согласился Дрыщ. – На фига?

– Вот то-то же, что нет! Ты попользовал, дай другому попользоваться. Так?

Все заржали и, как по команде, швырнули бычки в сторону Пахома. Но не один бычок не попал на его тело. Это их огорчило.

Пахом пришел в себя, передернулся. Было холодно. А он почти голый лежал на холодной земле. По его телу что-то ползло, он инстинктивно сбросил это что-то. Скорей всего, муравей. Низ страшно болел. Горел огнем. Пахом потрогал рукой ногу. Нога была холодной. Но почему он так горит, как будто он лежит на костре? Значит, внутри что-то. Всё вспомнил, что с ним произошло, и застонал. А может, это всего лишь кошмарный сон? Он лежит на своем месте в плацкартном вагоне, спит и ему снится кошмарный сон? Но это был не сон. Лучше бы его убили. Он подполз к Стасу. Ладонь его оказалось в тягучем и мокром. Он поднес ладонь к лицу, обнюхал и лизнул. Потом потрогал лицо Стаса, шею, стараясь найти сонную артерию. Стас был холодным, потому что был мертв. Значит, прошло довольно много времени, и он успел остыть. Пахом перевернулся на спину и увидел над собой звездное небо, которое сразу стало ему ненавистно. Зачем это небо теперь ему? Оно было свидетелем свершившегося убийства и его позора и не разверзлось, не убило молниями эту сволочь. Еще несколько часов назад он и Стас были живыми нормальными парнями. Всё в их жизни складывалось хорошо. Они сдали сессию и ехали домой. Стаса уже нет. И

он тоже не человек. Разве можно жить с этим, с тем, что с тобой сделали? Пусть бы избили, поломали кости, и он попал в больницу. Но это было бы в тысячи раз лучше, чем то, что они сделали с ним.

Спина замерзла. Пахом со стоном сел, оглядел себя. Он был в запачканной футболке, трусах, сдвинутых до колен, и носках. Ручных часов на запястье не было. Значит, еще и поживились его одеждой и часами. Старые кроссовки и те сняли с него. Пахом поглядел по сторонам, но никаких признаков одежды и обуви. Значит, унесли. Медленно поднялся и, широко расставляя ноги, обошел полянку, пристально всматриваясь и надеясь, что, может быть, что-то найдет. Блеснула бутылка. Пахом застонал. Отвернулся.

Обошел полянку, заглядывая меж кустов. Одежды не было. Его стошнило, начало рвать так, что, кажется, кишки вылезут наружу. Он обессилел и опустился на колени, долго отплевывался. Отдышавшись, он медленно, широко расставляя ноги, побрел по тропинке. Больше он не мог находиться на этой полянке. Так, по крайней мере, он чувствовал себя чуть полегче. Вот и переходка, где его схватили эти упыри. Держась за перила, он долго и медленно поднимался. Каждая ступенька отзывалась болью внизу. Глянул сверху на освещенный перрон и железнодорожные пути, блестящие при свете фонарей. Если прыгнуть вниз головой, голова разлетится на мелкие частицы. Ни единого вагона, ни души. А еще узловая станция! Ну, какие-то составы должны

быть непременно! Маневровый паровоз, в конце концов! Куда же всё это подевалось? Пройдя переходку, спустился вниз и побрел, сам не ведая куда и зачем. Но он не мог стоять на месте. Ему казалось, что если он остановится, то прежний кошмар повторится. Он старался не думать, что произошло с ними. Медленно брел по темной твердой дорожке. Кажется, она даже была заасфальтирована, он чувствовал это через носки. Но выбоин было немало. Он не раз оступался и чуть не падал, в последний момент всё-таки удерживаясь на ногах. Еще не хватало и ноги переломать! Впереди блеснуло. Он прошел еще немного и оказался перед двухэтажным зданием из белого кирпича. Возле него была небольшая автостоянка и скамейка. Поднял голову и с удивлением прочитал «Полиция». Буквы были большие, чуть ли не метровые и почему-то синего цвета. Хотя, наверно, для полиции и положен синий цвет. Возле здания стояла полицейская машина, но в ней никого не было. Пахом подошел поближе и посмотрел сквозь стекла внутрь салона. Может, кто-то спит? Никого не было. Он поднялся на невысокое крыльцо. Перед ним была коричневая металлическая дверь, по обе стороны от которой ярко горели зарешеченные окна. В левом окне он увидел полицейского.

Дверь была тяжелая. И Пахому снова стало больно, когда он открывал ее. «А как же сюда попадают слабые девушки, дети и старики? Или ждут, когда кто-нибудь откроет дверь?» На него глянули из-за стойки удивленные глаза дежурного.

– А это еще что за фигня? Ты что пьяный парень или обкурился? Ты хоть понимаешь, куда пришел? Тебя определить на пятнадцать суток?

Пахом поднял глаза на дежурного. Это был молодой парень с худым скуластым лицом. Темные волосы его стояли бобриком. Даже на ночном дежурстве он не позволял себе расстегнуть верхней пуговицы форменной рубашки. Потому что всего лишь несколько месяцев назад, как был принят на службу.

– Я хочу сделать заявление, – тихо сказал Пахом. Каждое слово отзывалось болью. Поэтому он говорил тихо и медленно.

Он был уверен, что дежурный не услышал или не разобрал его слова и непременно переспросит. Немного отдышался.

– Несколько часов назад произошло преступление, – с трудом выговаривал Пахом. – Возле вокзала.

Дежурный отодвинул в сторону бутерброд с колбасой, который он уже успел надкусить. Рядом стояла бутылка пепси-колы.

– Друга у меня убили, а меня они...

– погоди! погоди!

Дежурный снял трубку. Ткнул кнопку.

– Товарищ лейтенант! Тут парень пришел, какой-то странный очень. Говорит, что убийство... Понял! Так точно!

Дежурный вышел из-за стойки, брезгливо взял его за локоть, приблизил лицо и принюхался. Еще раз обнюхал.

– Алкоголем попахивает! Пойдем! Сейчас сделаешь свою заяву. Давай шевели копытами!

Он повел Пахома по коридору. Остановился перед дверью, заглянул. На шее у него была бородавка.

– Можно, товарищ лейтенант? Ага! Проходи! Давай!

Пахом вступил в кабинет. Лейтенант, белобрысый молодой мужчина, приподнялся со стула. Вытянулся вперед.

– Сержант! Что за дела? Ты кого ко мне привел? Где ты его подобрал! А ну-ка немедленно выбрось его отсюда! Тьфу!

Лейтенант побагровел. И вышел из-за стола. Дежурный взял Пахома за плечо и потянул к двери. Держал он его несильно.

– Пойдите! – закричал Пахом. – Это они меня раздели, избивали и ... Они убили моего друга, зарезали ножом. Это в парке возле вокзала. Я вам покажу это место! Поедемте!

Сержант и лейтенант переглянулись. Лейтенант кивнул. И сделал движение головой в сторону.

– Ну, пойдем, раз такое дело! – сказал лейтенант. – Посмотрим!

Они сели в ту самую полицейскую машину, в которую заглядывал Пахом. Подождали. Рядом с Пахомом сел сержант.

7. НА ЭТАЖ ВЫШЕ

– Да! Дела! – произнес лейтенант, потирая лоб. – Не повезло тебе, парень. Вам не повезло. Ну, садись! Садись!

Они снова были в кабинете. Кроме знакомого лейтенанта, сидели еще двое в гражданской одежде. Начался допрос.

Пахом всё рассказал. Сержант писал.

– Как ты говоришь, они себя называли? А ну, повтори!

Пахом назвал услышанные прозвища.

– А этот Филипп такой лупоглазый? Носатый?

Пахом кивнул. Лейтенант поднялся и вышел. Вскоре он вернулся. Махнул Пахому.

– Пойдем-ка со мной! Прогуляемся!

Он отвел Пахома в другой кабинет. Кабинет был этажом выше.

– Вот, товарищ капитан! Как просили! Привел!

Капитан был в гражданке. Низкорослый, коренастый. Кого-то он Пахому напомним.

8. ПРЕДЛАГАЕТСЯ ДВА ВАРИАНТА

– Капитан Филипенко! Я буду вести твое дело. Давай по порядку и очень подробно! – сказал капитан, глядя как-то сквозь Пахома.

– Я уже два раза по порядку и очень подробно рассказал.

Пахом невероятно устал. И сейчас ему хотелось одного, чтобы все его оставили в покое. Глаза закрывались.

– Я что неясно выражаюсь? Повторить?

Капитан начал сердиться. Застучал пальцами по столу.

– Хорошо! Хорошо! Только потом я должен отдохнуть! Я хочу спать.

– Отдохнешь! За этим у нас не заржавеет.

Пахом снова всё рассказал. Капитан на некоторое время задумался. Потом долго и пристально смотрел в глаза Пахома. Лицо капитана было неподвижно.

– Значит, слушай сюда внимательно! Предлагаю тебе два варианта на выбор. Первый. Сейчас тебя отправят в камеру, где сидят уголовники. Ты сам представляешь, что они с тобой сделают. Разорвут твою задницу в клочья. Второй вариант. Я тебе даю одежду, денег, покупаю билет, сажу на поезд, ты уезжаешь к себе домой и забываешь навсегда об этой истории. Ничего не было.

Пахом усмехнулся. До него стало доходить.

– Можно вам вопрос, товарищ капитан?

– Валяй! Спрашивай!

– Вы отец Филиппа? Я угадал?

– С чего ты взял? А?

– Внешнее сходство. Хотя вы сильно отличаетесь.

– Хорошо, что хоть только внешнее. Я его старший брат.

Так что ты решил? А?

– У меня нет выбора. Мой вариант, как я понял, не пройдет.

– Гребнев! Зайди! Эй!

Зашел сержант. Посмотрел с презрением на Пахома.

– Отведи его в душ! Пусть помоеется!

– Под ледок, товарищ капитан?

– В наш! В нормальный!

9. КАПИТАН ВСЁ РАЗРУЛИЛ

Пахом вышел из душа почти обновленным. Хотелось поскорей забыть об этом ужасе. На скамейке лежала одежда. Джинсы, футболка, ветровка. Рядом кроссовки. Всё подошло. А впрочем, он с Филипповым-старшим был одинаковой комплекции.

– Готов? А?

Он повернулся. На пороге стоял капитан, накручивая на пальце связку ключей. Пахом пошел следом за ним. Приехали на вокзал. Капитан отдал Пахому билет, паспорт и студенческий. Документы лежали в мультифорке.

– Так вы нашли? – не поверил Пахом. И тут же замолчал, поняв, что лучше об этом не надо было бы спрашивать. Что тут непонятного?

– Вон твой поезд. Значит, слушай сюда внимательно. Ты сидел в вагоне, Стас побежал за пивом. Поезд тронулся. И ты решил, что Стас опоздал. Приедет на следующем поезде. Мобильник – вот он – Стас оставил в вагоне. Всё!

– А что же... ну, с телом? С ним?

– Отправим. Это не твоя забота. Дело по убийству завели. Но, скорей всего, висяк. Не надо ночью выходить на пустынный перрон, еще и пиво пить в заброшенном глухом парке, где всякая гопота шарится. Так ты меня понял? А?

– Да! Понял.

– Если попробуешь дернуться, я тебе такое устрою. И убийство Стаса на тебя свалю и изнасилование. Так что будешь чалиться по полной программе в качестве петуха. Вот так!

– Я должен вам сказать «спасибо»? В ножки не надо кланяться?

– Пошел на хрен! Чтобы я больше о тебе никогда не слышал! Студент!

10. С ЭТИМ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ

Вот живет себе человек, поживает, свой у него мир, прочный, устоявшийся, где ничего не происходит неожиданно и неприятного, всё катится по заведенному порядку. Конечно он знает, что в мире есть зло, насилие, людей убивают, издеваются над ними, калечат, грабят. Кто-то гибнет в автокатастрофах, кто-то умирает от инфаркта. День за днем об этом трандычат из ящика. Но это как-то далеко, это там, с совершенно не знакомыми и нисколько не дорогими ему людьми. В художественных фильмах кровь тоже льется потоками...

Он потягивает пиво, кушает. Ему показывают убитых, искалеченных, обворованных, обманутых, оставшихся без жилья людей. Но совершенно для него далеких. И это его нисколько не взволнует, не заставит подпрыгнуть на месте, побледнеть, застыть от ужаса, убрать в сторону бокал с пивом и тарелку с едой. Он спокойно продолжает трапезу. С ним-то этого не происходит и не произойдет. Нет, конечно, разу-

мом он понимает, что и с ним может случиться что угодно, даже самое страшное. Головой понимает. Но каждая частица его души и тела не принимают такого исхода, вопиют против такого. С ним и с близкими ему людьми уж точно этого не будет. Ни за что! Но вот происходит. Но не с кем-то далеким, незнакомым, другим, а с ним. Как гром среди ясного неба! Это же всемирная катастрофия. Он отказывается принять это. И первое ощущение: да этого не может быть. Ну, никак не может быть! Потому что не может быть! Не должно! Ведь это же он! А никто-то далекий! Да это всего лишь сон! Кошмарный сон. А вот он проснется и убедится, что ничего не произошло. Что всё, как было, так и есть. Так что испуг его от этого сна, глупого и кошмарного! Потом чувствует, понимает, до него доходит, что ни какой это ни сон, что это случилось и случилось именно с ним, а ни с кем-то иным. Что судьба выбрала именно его!

Разве можно жить с этим? Нет, нельзя. А если нет уже прежней жизни, а нынешняя стала невыносимой, то и вообще жизнь не нужна. Не всякий способен выдержать испытания. Многих они ломают и толкают к роковой черте. А у тех, кто выстояли, выдержали, пережили, у тех начинается другая жизнь. Это уже другой человек. Человек, переживший ужас и устоявший перед ним.

Теперь вся прежняя жизнь Пахома была перечеркнута этим кошмарным, диким, скотским насилием. Значит, с ним можно вот так! Ну, зарезали бы, искалечили! Но чтобы вот

так!

Даже если никто не будет знать, что с ним произошло, разве это меняет его положения. Он-то знает об ЭТОМ. И ЭТО теперь в нем навсегда. От ЭТОГО не избавишься! Он отныне изгой. Его взяли, как паршивого щенка, и швырнули туда, где падаль и отбросы. Теперь там его место на помойке жизни среди самых презираемых. И сделали ЭТО с ним отбросы и падаль. А значит, он хуже их. Они оказались сильнее, те, кого можно только презирать. А как бы он относился к такому человеку?

Родоки сразу обратили внимание, что Пахом какой-то не такой. Он был грустен, лежал в своей комнатке на диванчике и на все вопросы отвечал предельно кратко: «Всё нормально! Ничего не произошло!» Вечером он позвонил родителям Стаса. Заметно волновался. Какое-то время не мог заговорить.

– Это я, Пахом. Понимаете, Вера Сергеевна, мы разминулись со Стасом. Он на станции выскочил, ну, чего-нибудь купить перекусить. И опоздал на поезд. А телефон его у меня. Он, кстати, еще не приехал? Должен вроде как.

Мать Стаса насторожилась. Пахом это почувствовал.

– Как это разминулись? Что ты говоришь?

– Ну, уж так получилось. Вот!

– Но он до сих пор не звонил. Почему же он не звонит?

– Да, может, уже подъезжает. Ну, сел на следующий поезд, на сутки задержится. Должен подехать.

Положив трубку, он вздохнул с облегчением. Но ведь это только начало. А что дальше? Как он сможет пережить? Куда-нибудь бы спрятаться!

В полдень следующего дня мать позвала его к телефону. Лицо ее было напуганным.

– Что-то мама Стаса рыдает. Я ничего так и не поняла. Со Стасом всё нормально? Вы же были вместе?

– Ну, – неопределенно ответил Пахом и дрожащей рукой приблизил трубку. – Да!

– Стаса убили! Убили Стаса! Мне сейчас позвонили с этой проклятой станции. Как же так? Вы же ехали вместе. Стаса убили! Где ты был?

Пахом еще какое-то время слушал истеричные рыдания и выкрики, потом медленно положил трубку. Сейчас бы убежать куда-нибудь, зарыться так, чтобы тебя никто не нашел. За что же ему такое? Почему он теперь должен жить с этим? И ничего уже невозможно изменить. Вечером он, как ни страшно ему это было делать, позвонил родителям Стаса. Хорошо, что трубку взял отец. С матерью он не смог бы говорить.

– Стас сейчас в морге. Мы ездили на опознание. Оказывается, его еще и зверски изнасиловали сначала, а потом убили, зарезали ножом. Я матери не говорил про это. И ты не говори! Хорошо? Договорились?

– Да! Да! Да! – только и бормотал Пахом. – Конечно, да! Договорились!

На следующий день он отправился к Стасу, то есть к его родителям. С порога ударил характерный запах, который бывает всегда, когда в доме покойник. Он остановился на пороге, не зная, стоит ли ему снимать обувь. Потом понял, что этого не делают. Медленно прошел мимо кухни, где сидели незнакомые люди, видно, родственники. Седой мужчина пил чай. Две женщины в черных платках о чем-то тихо говорили. Пахом подошел к гостиной, посередине которой на табуретках стоял гроб со Стасом. По обе стороны сидели. Отец и мать Стаса рядом, еще несколько женщин. Мать, не отрываясь, глядела в лицо сына и гладила ладошкой то его волосы, то скрещенные на груди руки. Под глазами у нее были черные круги. Пахом медленно приблизился и сел на свободный стул. Лицо Стаса было отрешенно спокойным. На щеке красный след царапины. На нем был черный костюм, белая сорочка, галстук, черные туфли с дырчатой поверхностью. Такого Стас никогда бы не надел в жизни. Только мертвым можно было его обрядить в подобное. «Какую-то чушь я думаю! – выругал себя Пахом. – Почему же я не лежу у себя дома также? Что за сволочь человек! Даже в таком состоянии он цепляется за жизнь и страшно боится, что кто-то узнает его постыдную тайну! И это теперь мне на всю жизнь. Жить и бояться. Знать, что ты не такой. Как я буду теперь общаться с пацанами? А вдруг у опущенного человека по глазам можно прочесть это? Ты же ничего не знаешь!»

Пахом вышел на лестничную площадку. Следом за ним

хлопнула дверь. Он машинально оглянулся. И остановился.

– Постой, Пахом! Поговорим!

Это был Иван Николаевич, отец Стаса, худой, невысокий мужчина. Кажется, он работал слесарем в гараже. «Он сейчас начнет меня расспрашивать, разузнавать про подробности», – подумал Пахом. Как раз этого он и не хотел делать. Надо было уходить, не оборачиваясь. Сразу!

– Давай закурим! – сказал Иван Николаевич.

Достал сигареты.

Они спустились ниже на небольшую лестничную площадку. На подоконнике стояла полулитровая банка, служившая пепельницей. На стене скотчем приклеен листок, распечатанный на принтере, «Категорически запрещается курить!» Кто-то об него потушил бычок. Закурили. Пахом глядел в окно, на крыши железных гаражей. Возле одного гаража стояла «девятка» с узором вдоль всей стороны. «Девятка» была темно-вишневого цвета. Сильно подержанная.

– Это... извини, в общем... Ну, не надо тебе на похороны, – заговорил Иван Николаевич. И чувствовалось, что говорить ему это не хотелось, и он вымучивал каждое слово. – Я не виню тебя ни в чем. Ты же тут ни при чем, так же? Но Вера... ей сейчас тяжело. Она считает, что все виновны в смерти Стаса, что его могли бы спасти... Наверно, она не хочет тебя видеть. Вот такие пирожки с капустой, Пахом! Вот так всё.

Иван Николаевич глубоко затянулся сигаретой, и она

уменьшилась сразу почти наполовину. Шумно выдохнул дым.

– Ничего! Раз так! – сказал Пахом.

Он уже спустился на несколько ступенек. Остановился. Что-то он забыл очень важное. Вспомнил! Ну, конечно же...

– А! Иван Николаевич! Я тут забыл! Вот...

Он поднялся на лестничную площадку. Иван Николаевич бычковал оплеванный окурочок. Пальцы у него были желтые.

– Вот телефон Стаса! Простите! До свидания! Пойду я!

Он побежал вниз, стараясь быстрее покинуть этот дом. Конечно, они не знают, что случилось на самом деле, но каким-то шестым чувством догадываются, что здесь что-то не так. И его считают виновным.

Пахом пришел на следующий день. Но даже не заходил в подъезд, возле которого уже стояло немало машин и толпились люди, переговариваясь и ожидая, когда вынесут покойника. Люди все подходили, и ему легко было остаться незамеченным, тем более, что близко к подъезду он не подошел, а держался на расстоянии, где, впрочем, тоже группками стояли люди. Наступило молчание. Вынесли гроб. Рабочие в темно-синих комбинезонах работали быстро, тихо о чем-то переговариваясь между собой. Гроб загрузили в катафалк. Люди стали садиться в машины и желтый автобус. Те, кто не ехал на кладбище, стали заходить в подъезд или уходить. Двери подъезда закрыли. Пахом тоже ушел. Дома лежал на диване.

А на следующий день он приехал на кладбище после обеда, зная, что до обеда родственники привозят покойнику обед. Ему указали могилку Стаса. За низенькой металлической оградкой простенький памятник с фотографией Стаса и годами жизни. И холм глины. Стас на фотографии не был похож на себя. Какой-то взрослый и серьезный. Таким его Пахом не видел. Даже, когда ему было грустно, он улыбался и пытался шутить. Пахом хотел запомнить его жизнерадостным.

– Стас! Прости меня, если можешь! – прошептал он. – Я тебя предал. Я сволочь. Прости!

Он поднял возле оградки щепотку глины и бросил на холмик. Пошел прочь. Простит ли его, Стас? А если нет?

Выпить бы сейчас водки! Но он водки не любил. От нее ему становилось плохо. По-дурному кружилась голова, на душе мрачнело, он замыкался и злобился. Нет! Водка не подходила. Пиво же у него ассоциировалось с чем-то легким и беззаботным, с веселой безмятежной компанией друзей. Болтовней о том, о сем. Приятное времяпрепровождение. Поэтому он отказался от пива.

Пришел домой. Никого не было. Родители на работе, придут только вечером. Разулся, снял куртку. Прошел в свою комнату, постоял на пороге. Потом вернулся снова в коридор. И опять стоял, думая, что ему нужно. Ах, да вспомнил, что ему нужно! Принес стул и стал шарить на антресолях, которые отец сделал, когда еще он был совсем маленьким,

чтобы было, куда убирать на зиму его детский велосипед, а на лето лыжи и коньки. Подходящего ничего не было. Не идти же в магазин за веревкой. Совсем глупо! Тогда не проще ли выйти на дорогу и броситься под автомобиль. Хотя зачем наказывать человека? Он-то ни в чем не виноват.

Подошел к подоконнику. Хотя зачем было подходить? Третий этаж. Если правильно прыгнуть (а его учили, как это делать), то даже ногу не подвернешь. Тем более, что под их окном клумба. Поморщился. Таблетки отпадали. Что он, девка, страдающая от того, что ее бросил парень? Табельного оружия дома не водилось. Может быть, на антресолях, разве что, рогатка завалилась. Он вспомнил и снова полез на антресоли. Взял в руки топор. Зачем отец его здесь положил. А что его нужно было положить вместе с ложками-вилками? Для него-то какая разница? Более подходящего в доме ничего не водилось, кроме кухонных ножей и вилок. Ах да! Можно было бы со всего размаха бабахнуть головой по стене. Может, позвать соседа, чтобы он исполнил роль палача? Пахом прошел с топором в свою комнату. Нашел нитки, сложил их в несколько раз, подергал, крепко. Выдержат не только топор, но хоть сам вешайся на них. Работал серьезно.

Пахом привязал нитку вокруг топористица возле топора, другой конец привязал к краю тумбочки и упер топористице в тумбочку так, что теперь топор стоял под углом. Мысленно Пахом проследил траекторию его падения, когда нитка будет обрезана. Определил место, куда упадет лезвие. Не гильоти-

на, конечно, но для одноразовой акции сойдет. Интересно, догадаются, что за сооружение он придумал, чтобы лишить себя жизни? Стул пришлось забраковать из-за мягкого сидения, которое срезонирует и ослабит силу удара. Сходил на кухню за табуреткой. Квадратная белая поверхность из древесно-волокнутой плиты. Твердое. Это было как раз то, что надо. Пахом определил место, куда поставить табуретку. Если смотреть вбок, то как раз всё видишь в зеркало. Но когда Пахом попробовал обрезать ножницами нитку, то всякий раз пронесил ножницы мимо, поскольку зеркало давало противоположное, то есть зеркальное отражение. Нужно делать наоборот: то есть не влево, а вправо, не вправо, а влево. После нескольких попыток он приноровился, и теперь нитка попадала между ножницами. Что, как говорится, и требовалось доказать. Но вот, кажется, всё готово! Он поднял и стал подносить к нитке ножницы. Вот так! Чикнул ножницами, мгновенно закрыв глаза, и получил удар по голове, как он сразу понял, обухом топора. Не очень-то и сильно. Конструктор из него никудышный. Можно было придумать что-нибудь поумней и поэффективней. Наверно, стоит подумать? Или... Траектория-то им была рассчитана верно. Удар как раз пришелся по темечку. Если бы лезвием и высота была бы побольше да еще утяжелить сам топор, то полголовы могло бы и снести. Не подумал только об одном, что топор упадет самой тяжелой частью, обухом, а не лезвием. Да шишечка есть. Не очень большая. И почти не болит. Вот фокус-

ник! Идиот! Хорошо, что видеокамеры нет. Заснять бы всё это и выложить в Интернет! Набрал бы море лайков!

11. И СНИТСЯ НАМ

Пахом отнес топор и табуретку на место, отвязал нитку, выбросил ее в мусорное ведро. Лег на диван. В голове была пустота, только немного побаливала шишка, набитая обухом, закрыл глаза и заснул. На удивление, быстро.

... Какой-то маленький вокзальчик. Несколько скамеек в три ряда. Скамейки старые, деревянные. На своей Пахом прочел вырезанную ножичком надпись «Алька – шлюха». Он сидит в полудреме, прикрыв глаза. Наконец-то объявляют отправление его поезда. «Через пять минут поезд отправляется». Женский голос, но не молодой. Скорее всего, пенсионерка. Пахом поднимается, потягивается, идет к выходу. И уже взявшись за ручку, вспоминает, что забыл свою сумку. Хорошо, что вспомнил. А так бы уехал без вещей. Вот было бы здорово!

Возвращается назад к той скамейке, на которой дремал. Никакой сумки ни на скамейке, ни под скамейкой, ни рядом со скамейкой нет. Но он же хорошо помнит свою большую спортивную сумку. Вот здесь она стояла.

– Не видели тут большая спортивная сумка стояла, темно-синего цвета с красными лямками? – спрашивает он у женщины, всё лицо которой в сплошных глубоких морщинах, между которыми сетка морщинок поменьше. Глаза у нее блеклые.

У нее совершенно нет зубов, а протез сделать она не может, потому что для нее это дорого. Поэтому подбородок у нее очень маленький, а нижняя губа заходит под верхнюю. И когда она говорит, нижняя губа опускается и каждый раз заходит под верхнюю губу. И видно маленькое черное отверстие.

Она что-то шепелявит, но Пахом уже понимает, что она ничего не видела, и бросается к другой пассажирке. Толстая, старая, низкого роста.

– Вы тут не видели такой спортивной сумки? Синяя. И красные лямки. Она возле той скамейки должна была стоять. Может, кто-то подходил, забрал?

Удивленно глядят на него и отворачиваются, ничего не отвечая. Да что же это за люди такие? Ну, не видели вы, скажите, что не видели. Почему же обязательно нужно отворачиваться? Пахом пробежал всё помещение вокзальчика, заглядывая под каждую скамейку, даже за чугунные батареи заглянул, хотя сумка никак не могла попасть туда. Сумки нигде нет. Пахом еще раз обходит вокзальчик, теперь он смотрит под ноги пассажиров, а, может, спрятали и ногами прикрывают его сумку. Но опять ничего. Черт с ней, сумкой! Надо бежать, иначе он опоздает на поезд. Жалко, конечно, сумку, клёвая, прикидная сумка, она очень нравилась Пахому, и он с ней почти не расставался. На бегу Пахом вспоминает, что у него было в сумке, что он туда положил перед отъездом. Нет ли там чего-то такого, что терять ему никак

нельзя, потеря чего обойдется ему немалой кровью? Мыльно-рыльное... Это не жалко. Тетрадки с конспектами и три библиотечных учебника. Он всегда брал с собой учебники на каникулы. Там же вся его одежда! Пахом глянул на себя. Да ведь он же совершенно голый, даже трусов не было на нем. Зачем он разделся на вокзале непонятно. Пахом прикрыл ладонями причинное место и воровато огляделся по сторонам. Но никто не обращал на него никакого внимания. Все были заняты своими делами. «Я что, блин, человек-невидимка? – удивленно подумал он. – Почему они не видят меня в упор? Они что здесь собрались все слепые? На вокзале сидят одни слепые? Это какие-то зомби! Только зомби не могут видеть голого человека на вокзале. Так, значит, он теперь остался не только без одежды, но и без документов и без билета! Его просто элементарно не пустят в поезд!» Пахом воровато огляделся по сторонам.

Вышел на перрон, всё так же прикрываясь ладошками и пугливо озираясь по сторонам. Вот сейчас все увидят его стыд и будут смеяться над ним. А кто-нибудь решит, что он из этих... Перрон был пуст. Его поезд уже отходил. Можно было, конечно, запрыгнуть на последний вагон. Пахом так уже проделывал несколько раз в той прошлой жизни. А дальше что? И куда он пойдет голый? Конечно, надо в ментовку. Объяснить, что и как. Другого выхода из этой ситуации Пахом не видел. Тем более, что никого он здесь не знает. Нужно пойти на вокзал и спросить у дежурного. Он повернулся и

пошел к вокзалу. Дернул за массивную ручку. Дверь не шелохнулась. Что за черт? Может быть, он слабо потянул? Сейчас взяли моду устанавливать тяжеленные утепленные двери, который не всякий сможет и открыть, по крайней мере, дети и субтильные барышни уж точно не откроют. Потянул двери двумя руками, упираясь ногой в другую половинку двери. Как влитая! Никакого шевеления. Пахом поглядел налево-направо. Ни в одном окне не было света. Что это могло означать? Вокзал закончил работу, все служащие разошлись по домам. И все теперь закрыто? Между тем ночная прохлада дала о себе знать. Причем холодало как-то по-странному быстро. Еще минуту назад он совершенно не чувствовал никакого холода. Тело его покрылось гусиной кожей. Его трясло, как в лихорадке, а зубы выбивали нервную дробь. Хоть бы была густая шерсть, раз нет одежды, почему-то подумал он. Мерзли ноги на быстро холодеющем асфальте, и он переступал с ноги на ногу, но и это не спасало его, и переступание превратилось в танец. Подпрыгивал, приседал, начал делать небольшие круги, махая при этом руками над головой и издавая ухающие звуки, как будто он исполнял танец в первобытном племени. На какое-то время возвращалось тепло, но он тут же начинал мерзнуть еще сильнее, еще сильнее бил его озноб, еще громче клацали зубы. И это уже была не гусиная, а какая-то крокодилья кожа. Он провел рукой по телу, ощущая ладонью бугорки.

Потом что-то мягкое упало ему на щеку. Пахом провел

ладонью, думая, что это какое-то насекомое или листик. Он хотел стряхнуть это со щеки. Но ничего не стряхнулось. С бездонного звездного неба, летели, медленно кружась, крупные снежинки. Они настолько были крупные, что можно было рассматривать их узор, у каждой свой. Бред какой-то! В начале июня какой может быть снег? Заметно потянуло холодом. Холод обжигал его тело, пробирался во внутрь, холодный воздух жег легкие. Усиливался ветер. Ему казалось, что кто-то жестокий и насмешливый льет на него ведро за ведром ледяную воду. И этот кто-то получал от этого удовольствие. Пахома так трясло, что руки и ноги, уже не подчиняясь ему, ходили ходуном. Руки непроизвольно подбрасывались, падали, разбрасывались в стороны, прижимались к груди. Он сделал несколько шагов и еле удержался на ногах. Такое бывает, когда идешь по кораблю во время большого шторма и тебя может бросить в любую сторону. Тело ему совершенно не подчинялось. «Наверно, так и наступает смерть, – с ужасом подумал Пахом. – Когда тело отказывается подчиняться твоим командам и живет само по себе». Он снова попробовал двигаться вперед, его качнуло, и он упал на четвереньки, как-то еще успев выбросить руки, иначе ударился бы лицом. Уже не снежинки, а хлопья валили с неба. Таких снежных хлопьев Пахому еще не доводилось видеть. Одно лишь утешало, что они были мягкие и не могли больно ударить. Пахом стал подниматься. Делал он это не спеша, потому что ноги отказывались ему служить. Каждое движение

давалось большим усилием воли. Он беспрестанно заставлял себя. Но выпрямиться он не смог и стоял какое-то время с согнутой спиной и обвисшими руками, которые чуть-чуть не доставали до земли. Не мог он и поднять головы. Каким-то сверхусилием он заставил себя поднять голову, чтобы увидеть, что же творится вокруг. Делал он это медленно, маленькими-маленькими рывками. Тут же на глаза ему стали падать обжигающие снежинки, которые таяли на его лице и стекали на землю уже водой. Но все расплывалось у него перед глазами. Он широко раскрыл рот и завыл «ууу» протяжно и страшно, как воют волки зимними ночами, выйдя из леса на опушку, своим воем заставляя неметь от ужаса тех, кто его слышит. Его вой должна была слышать вся вселенная.

Рот его наполнился влагой от тающих снежинок. Он сплевывал, а затем вновь начинал выть. И снова рот полон прохладной чистой слюны. Он наклонял голову и сплевывал. Становилось легче. Уже так не трясло. И чем дальше и громче он выл, тем теплее ему становилось. Неужели волки воют потому, что хотят согреться зимними ночами? Тепло разливалось волнами по его телу. Даже ноги перестали чувствовать холод асфальта. Теперь уже легче дышалось, воздух не обжигал его легкие. «Это выход! Вот спасение!» – обрадовался Пахом. Ему стало весело. Он уже не казался себе самым несчастным человеком на свете. Да он уже и не был человеком. «Выть! Надо стать волком, ведь волки не мерзнут.

Им не страшен никакой холод, потому что они умеют выть долгими зимними ночами, задрав вверх морды. Они не носят никакой одежды. И документов им не надо. Они живут и ночуют на снегу. Поэтому они такие сильные и бесстрашные. И поэтому их боятся и завидуют им. Они воют, едят теплое мясо и пьют горячую кровь своих жертв». Пахом выплюнул длинную слюну и снова задрал голову. Как хорошо, когда ты умеешь выть! Ты сильнее всех!

– Чего воешь-то? – донесся до него голос.

Но там же никого, кроме Бога, не может быть.

Пахом повернулся и увидел капитана Филиппова, который держал пустую пивную бутылку, перекидывая ее с руки на руку.

12. ИДЕТ К СЕРЕГЕ

За ужином Пахом сказал родителям, что однокурсник пригласил его к себе в деревню на дачу погостить несколько дней. Там озеро, рыбалка, лес. А главное, свежий воздух. Так что несколько дней, может, неделю его не будет. Родители согласились. Эта история со Стасом тяготила их. По городку уже ползли слухи, что Пахом во всем виноват. Но в чем он виноват? Откуда ему было знать, что Стаса убьют, если он сидел в вагоне? А то, что опоздал на поезд, так это обычное дело. Где-то замешкался. Но не будешь же возле каждого останавливаться и убеждать его, что их сына никакой вины нет. Даже малейшей! Даже вот столько! Конечно, со временем всё уляжется. А в чем его обвиняют? Что он не забил сразу тревогу, как только понял, что Стас отстал от поезда. Потом, почему он об этом не сообщил родителям? Разве трудно было позвонить? Получается, что чуть ли не Пахом виноват в его смерти, что он мог предотвратить его убийство, но почему-то ничего не сделал для этого. Он мог бы сорвать стоп-кран, когда поезд тронулся, а Стаса не было. И объяснить полицейским, почему он это сделал. И Стаса сразу бы начали искать. Возможно, нашли бы еще живым. Он палец о палец не ударил. Или что он был совсем пьяный и ничего не понимал, что происходит? Почему он бездействовал? В этом и упрекали Пахома. Он перестал выходить на

улицу.

Друга нет. А он спокойно едет домой, как ни в чем не бывало... Какой же он после этого друг?

На следующий день Пахом отправился к Сереге, к своему старому товарищу со школьной скамьи. В старших классах они особенно сдружились. Серега у него списывал математику, а Пахом – химию. Серега после школы поступил в медицинскую академию. Он хотел стать хирургом. Мать его работала начальником в жилищной конторе. Отца они похоронили несколько лет назад. Остановилось сердце на работе.

После отца остался старенький «жигуленок». Если, конечно, Серега не продал его. Потому что мама купила ему, впрочем, могла и сама сесть за руль, подержанную «Тойоту».

13. СЕРЕГА, КОНЕЧНО, ЗА

Когда-то Серега жил в двухэтажном деревянном доме еще довоенной постройки. И идти до него было пять минут. После смерти отца они купили квартиру в девятиэтажке, куда нужно было добираться уже на автобусе. Пахом еще не был у Сереги на новой квартире, поэтому позвонил ему. Расспросил о дороге.

Серега обрадованно встретил его на пороге. Только что цветов не было.

– Со временем видимся всё меньше, – посетовал он. – Хотя это вполне естественно, но всё равно... Шагаем в новую жизнь. Пути наши расходятся всё дальше. Слышал твою историю. Грустно всё это. Стаса невероятно жалко.

Пахом кивнул, разуваясь у порога. Туфли он поставил в специальную тумбочку для обуви. Протянул черный пакет, который он принес с собой.

– Я это... вот... Не откажешься?

Серега заглянул в пакет. Там была бутылка водки, несколько плавленых сырков и батон. Студенческий набор.

– Пахом! Зачем? Ты же знаешь, у меня всегда всё есть, как в Греции, – укорил его Серега. – Последние деньги, конечно, потратил.

Пахом знал. У них всегда хорошо принимали гостей, многие деликатесы Пахом увидел впервые у Сереги. Например,

настоящую черную икру.

– Время-то у тебя свободное есть? – спросил Пахом. – А то приперся.

– Хоть отбавляй! Ученые книги могут подождать до сентября. Каникулы! Мозг требует отдыха! Впрочем, как и всё остальное.

Они прошли на кухню. Сели на табуретки.

– Посидим, дружище! – сказал Серега. – А то что-то в последнее время я совсем превратился в анахорета. Ни ко мне никто не ходит, да и я, по правде сказать, ни у кого не бываю. Спасибо, тебе, что зашел. А то я уже потихоньку начинаю дичать без общения. Скоро разговаривать разучусь.

Серега стал готовить стол. Он любил кулинарничать.

– Мама уехала в Таиланд. У нее отпуск. Можешь заночевать у меня. Поболтаем!

– Посмотрим! – неопределенно ответил Пахом. – Как масть пойдет! Хотя скорей всего...

Он оглядел кухню. Высоченный чуть ли не под потолок холодильник, микроволновка. Электродуховка.

Выпили по первой, чокнувшись за дружбу. Пахом удивился, как легко пошла водка, которую он, в общем-то, не любил. Потом вторую. Пахом закусил и решил приступить к делу. Всё равно когда-то нужно рассказать.

– Собственно я к тебе по поводу истории, которую ты назвал грустной. И не только грустная...

Серега удивленно взглянул на него, считая уже эту тему

закрытой. Зачем беречь старые раны? Проехали!

– Ты первый, кому я расскажу правду, как было на самом деле. Но ты, чтобы...

Пахом колебался. А может, зря он затеял. Всё-таки Серега достаточно осторожный человек. Серега погрузился, услышав его историю. Какое-то время молчал.

– Тебе бы надо в больницу, дружище! – сказал он. – Знаешь, такими вещами не шутят. Мало ли чего! Вдруг у них на концах какая-нибудь зараза. Очень даже вероятно, учитывая их образ жизни. Я могу это устроить совершенно анонимно. Никто ничего не узнает. И денег не возьмут.

– Я как-то об этом не думал, – уклончиво ответил Пахом. – Ну, об этом потом.

– А надо думать! Я тебе это говорю, как будущий врач. Тут, Пахом, плохие могут быть шутки. С последствиями.

– Я к тебе и пришел как к будущему врачу. Давай еще по одной! Впервые, знаешь, водка так хорошо идет. На удивление!

– Твою всё равно пить не будем! Водка сейчас – дело опасное.

– Если ты откажешься, я не обижусь, Серега. Потому что я не хочу... Ну, в общем. Дело опасное. Не хочу, чтобы и ты меня тоже винил. Я и так по уши в дерьме. Выше головы! Так что решай! Выбор за тобой!

– Я понял, – кивнул Серега. – Ты решил завалить этих подонков. И вспомнил, что у меня осталось от отца охотничье

ружье. Ты же знал, что мой отец был охотником. Сам видел это ружье. И знаешь, что я неплохо стреляю.

– Как-то о ружье я и не вспомнил. Кстати, оно же у тебя зарегистрировано и документы есть на ружье? А охотничий билет у тебя имеется? Ага! Как-то ты умеешь, Серега. Всё делать по закону. У меня вот не получается.

Серега всегда был правильным. Еще со школы. Иногда это раздражало. Так он никогда не убегал с уроков. И мог даже один остаться в классе. Но перед этим всем прямо скажет, что они поступают неправильно. Он жил по правилам и никогда не нарушал их. Поэтому в школе его никогда не разбирали. У учителей не было ни единого повода придраться к нему. Он всегда делал домашние задания, не отказывался ни от одного поручения, никому не грубил и старался уйти от любой ссоры. Вот такой он был правильный, как парижский эталон метра. Нет! Он совсем не был занудой. А в старших классах мог даже выпить с друзьями, хотя никогда не напивался. И не матерился.

– Ну да! – пробормотал Пахом. – Сначала я всё хотел забыть как кошмарный сон. Выбросить из своей жизни.

Пахом налил себе и Сереге рюмку и без приглашения опрокинул ее, зажевав балычком. Получилось приятно.

– Потом после похорон Стаса я почувствовал...

Пахом замолчал. Серега насторожился и пристально стал глядеть ему в глаза. Так смотрит врач на больного. Пахом отвернулся к окну.

Сергея разлил водку. Пил он столько же, как и Пахом, но, как говорится, ни в одном глазу.

– Помянем, не чокаясь! Давай!

Помянули. Удивительно, но у Пахома было такое ощущение, что с каждой стопкой он становится только трезвее. Хотя после первой даже немного голова закружилась.

– После похорон Стаса понял, что не смогу жить с этим, – продолжил Пахом. – Прежнего меня больше нет. Есть какой-то другой, я еще не знаю, какой. Но он, другой, уже не может жить по-прежнему. Во мне сейчас гнойный нарыв, который разрастается и вытягивает все соки. Если я его не вырежу, я закончусь. Я не смогу жить. Я весь буду один гнойный нарыв. Смердящий гнойник! Ты понимаешь меня? Нет, никто этого не может понять, если сам не переживет. Тут либо не жить, либо этот гнойник вырезать. Раз и навсегда!

– Пахом! Послушай!

Сергея наклонился к нему почти к самому уху.

– У меня есть хороший психотерапевт. Договорюсь! Вылечит твою душу и денег не возьмет. Сам себя не узнаешь.

Пахом усмехнулся. Потом поморщился.

– Ты же будущий хирург. И знаешь, что гнойник требует не душещипательных бесед и самокопания, а скальпеля. И чем быстрее это сделать, тем лучше для организма. Да! Я решил убить этих тварей. Завалить, как ты выразился. Я обдумывал, как это сделать. Но сегодня утром я понял, что это было бы неправильно убивать их. Они должны жить, ес-

ли это можно будет назвать жизнью. Ну, что будет, если я их убью? На какое-то мгновение они испытывают ужас, а может быть, даже и не успеют испытать. Нет! Я хочу, чтобы они мучились, как я и Стас. И чтобы эти мучения не кончались, длились днями, неделями, годами, изматывали их как зубная боль, которую нельзя излечить. Я хочу, чтобы жизнь для них превратилась в нескончаемый ад, чтобы они проклинали тот момент, когда появились на свет, чтобы они вопили от боли. И знали, что исцеления им не будет.

– Значит, ты их решил помиловать и оставить в живых? Так?

– Серега! Ты меня не слушаешь? Какая же это милость? Это смертная казнь для них милость по сравнению с тем, что я им придумал. У них не будет больше жизни. У них будет ад, из которого невозможно убежать. Ад уже в этой жизни, а потом уже и в загробной. Без твоей помощи я не смогу этого сделать. И кроме тебя, мне никто не может помочь. Никто!

Серега отодвинул стопки, посмотрел пристально ему в глаза. Пахом опустил голову.

– Рассказывай! Раз начал!

– Серега! Так дело не пойдет. Когда я расскажу свой план, ты обязательно откажешься, потому что это чудовищный план и очень опасный. Я не хочу подставлять тебя. Но без тебя этот план неосуществим. Поэтому ты должен сейчас сказать «да» или «нет». Я не обижусь, если ты откажешься. Ты

для меня все равно останешься другом. Нет так нет! По крайней мере, я не буду чувствовать себя виноватым, если с тобой что-то случится. Хватит мне уже Стаса по гроб жизни. Вот такое мое условие! Принимаешь?

– Да! Пахом! А ты очень убедительно умеешь уговаривать! Раньше я такого за тобой не замечал.

– Так да или нет? Ну?

– Вопрос именно так: ребром? Время на обдумывание не дается?

– Именно так! Сейчас отвечай!

– Пахом! Все меня считают совершенно правильным. Но иногда мне хочется быть неправильным. Это как раз тот случай. Всё! Рассказывай! Не томи! А то я сейчас превращусь в кучку пепла. То есть сгорю от любопытства.

Сергея наклонился над столом, приблизив лицо к Пахому и подмигнув ему, как бы приглашая к откровенности. Давай!

– Даже так? Ну, тогда слушай, правильный ты наш! Потому что придется тебе совершать неправильные поступки.

Всё-таки он не ошибся, обратившись к Сергею. Он всегда чувствовал в нем нечто авантюристическое, несмотря на всю его правильность. Он был неправ, когда считал, что всё знает про него.

Пахом рассказал, отмечая те детали плана, которые казались ему еще непродуманными и сырыми; ему даже понадобился лист бумаги и авторучка, чтобы более зримо представить некоторые детали. Сергей лишь мычал, согласно кивая

головой. Иногда кривил рот.

– Пахом! – воскликнул Серега, когда он замолчал. – Никогда не думал, что ты творческий человек! Нет! Не подумай, что ты в моих глазах выглядел серенькой мышкой! Тут нужна подготовка. Думаю, дня три уйдет, если хорошо поработать. Знаешь, самый продуманный план обрушивается именно из-за деталей, которые считают маловажными. Так! Допиваем водку, доедаем закуску, желаем друг другу спокойной ночи и хорошенько отсыпаемся! Прозит! За удачу!

Чокнулись. Пахом впервые за последние дни улыбнулся. Ему стало легко. Привычная тяжесть и тоска отступили. Он снова превратился в прежнего Пахома, в того, каким он был до этого случая на вокзале. А был он очень безмятежным парнем.

14. И НА ПОМОЙКЕ НАЙДЕШЬ ЖЕМЧУЖНЫЕ ЗЕРНА

На следующий день они проснулись довольно поздно. Молча попили кофе, а потом весь день пили только фанту и колу, изредка чуть-чуть перекусывая, поскольку аппетит и у того и у другого отсутствовал. А вот жажда доставала

Сергея предложил снять похмельный синдром пивом, но Пахом решительно отказался. Причем даже сам удивился этому.

– Ни капли спиртного больше! – твердо заявил он. – Выпьем только за победу, если, конечно, она...

– Не каркай! И постучи по дереву! Я очень суеверный! – строго сказал товарищ. И погрозил ему пальцем.

Серегин гараж – это целая мастерская. Здесь было всё необходимое. Пришлось только докупить металлического профиля, кое-какое электрооборудование, пиротехнику. Потом Серега смотался к знакомому фармацевту и привез всё необходимое. Провозились дотемна в гараже над конструкцией, которую нарисовал Пахом, а Серега внес свои коррективы, сделали чертеж со всеми размерами. Конструкция была разборной, чтобы ее можно было поместить в багажнике. До глубокой ночи Серега просидел в Интернете. Пахом смотрел сериал, но думал о своем, лениво пощелкивая семечки.

– Вот они, голубчики! – сказал Серега. – Можешь полюбоваться! Самый главный Филипп Филиппов, Павел Дрищенко и Осип Максимов, учащиеся девятого «г» пятой школы города Чернореченска. Александра Старкова, ученица одиннадцатого «в» той же самой школы. Погляди! Они? Узнал?

Пахом кивнул. Он с ненавистью смотрел на фотографии. У его учителей были лица, как у мумий. Застывшие.

– А вот их и домашние адресочки. Давай поглядим по карте! Ага! Не так-то далеко живут друг от друга, на соседних улицах. Впрочем, городок-то и не очень большой. Провинция! Еще говорят, что интернет – это глобальная помойка. Я, конечно, целиком и полностью с этим согласен. Порой такой омерзение охватывает, когда открываешь некоторые сайты. Но и на помойке бывают жемчужные зерна. И немало!

– Это они-то жемчужные зерна? – задал риторический вопрос Пахом. А на риторические вопросы, известно, не ждут ответа. Он еще раз поглядел на монитор.

– Имеется в виду нужная информация. Методом дедовского тыка мы потратили бы гораздо больше времени. Или ты не согласен? Что молчим, друг Горацио?

– Согласен! Согласен! – кивнул Пахом. – Ты бы не отвлекался! Выживай всю информацию! И меньше отвлекайся!

– Поедем на двух машинах. Я на «Тойоте», ты на «Жигулях». Только без обид. Мне как-то иномарочка ближе. И к тому же, ты можешь себе позволить неаккуратность. Я сделаю на тебя доверенность. Это недолго. У меня есть знако-

мый нотариус. Иногда с ним балуемся пивком.

– Блин! Серега! Тебе не медиком быть, а политиком или бизнесменом. Везде у тебя нужные знакомства. Когда ты успеваешь?

– Нам нужно алиби. Тут неподалеку есть деревушка, там живут моя бабушка с дедушкой. Очень старенькие. Сначала засветимся у них. Скажем, что отправились на порыбачить, поохотиться. Чтобы не волновались!

15. ВОТ И УВИДЕЛИСЬ

Снять жилье в Чернореченске в последнее время не было проблемой. Выбирай – не хочу! – на любой вкус: благоустроенная квартира, дача, времянка, коттедж, комната в общежитии... В городе уже закрыли молзавод, мясокомбинат, элеватор, завод по производству низковольтной аппаратуры, предприятие по ремонту сельхозтехники, железнодорожное депо... Да почти всё, где люди когда-то получали стабильную зарплату. Кто пошустрей, имел связи, ударился в бизнес. Как грибы после дождя, появлялись все новые магазины, киоски, автостанции, гостиницы, увеселительные заведения, всякого рода салоны, мастерские. А поскольку городок был пограничным и через него ехали дальнобойщики из Китая, Средней Азии, Казахстана и, само собой, туда, проблем с клиентурой, то есть здоровыми молодыми мужиками, не было. К их услугам круглые сутки были бордели, ресторанчики, мотели, сауны, бывшая лыжная станция, приватизированная бывшим секретарем комсомола и превращенная в развлекательный центр, где, как говорится, за ваши деньги, все услуги. Цены на жилье не снижались только потому, что росла инфляция, вопреки бравым реляциям государственных чиновников о постоянном снижении ее на пути к светлому капиталистическому будущему, где кое-кому будет ой как хорошо! Но с каждым годом становилось почему-то всё боль-

ше тех, кому было не совсем хорошо.

Друзья сняли дачку за городом. Бабуся, которая сдала им дачку, была обрадована. Долго извинялась за то, что дачка несколько захламлена, но зато она с них возьмет поменьше. У нее уже не было сил добираться до дачи и заниматься дачными делами. Годы брали свое. Она бы продала дачку и за полцены, но покупателя не находилось. А их денежки будут для нее весьма серьезным подспорьем к ее скромной пенсии, которую она зарабатывала десятилетиями, начиная с детского возраста, когда еще в войну, вместо того, чтобы сидеть за партой и учить письмо Татьяны к Онегину, она доила коров на колхозной ферме, скирдовала сено, полола свеклу, копала картошку для колхозной свинофермы, заготавливала дрова по пояс в снегу, получая за это от государства натурплату, чтобы раньше времени не протянула ноги. Государство-то у нас очень народозаботливое.

Два дня они приводили дачку в приглядный вид. Выпололи сорняки, благо в сарайчике нашлась коса, поставили забор вертикально, привязали висевшую набок калитку, после чего занялись интерьером, выбросив сначала весь мусор. Поскольку в их планы не входило оставаться здесь на ПМЖ или принимать высокопоставленных гостей и капризных детей богемы, управились они довольно быстро, несильно-то упираясь и не потратив значительных средств. Место было готово. Можно было встречать гостей.

Два дня они посвятили разведке, стараясь особенно не

светиться. Поэтому одевались весьма скромно, неброско, вели себя тихо, в разговоры с прохожими не вступали. Хотя городок был транзитный, но всё-таки небольшой, а поэтому нужно было постараться не оставить о себе памяти у бдительных и наблюдательных туземцев. На этот случай у них был запас разной одежды и даже парики и накладные усы и бороды, поэтому они раза два в день меняли свою внешность. Но главный принцип соблюдали – оставаться серыми незаметными мышками. Огляделся, проскользнул и исчез. Чтобы никто не успел обратить на тебя внимание.

Прошел день знаний. Школа, в которой обучалась четверка, находилась на улице, названной в честь великого писателя-гуманиста Ивана Сергеевича Тургенева. Хотя, кто такой Тургенев знали даже не все жители этой улицы. Откуда было знать классику, что на улице, названной в его честь, будут учить выродков, которых он не мог даже вообразить своей богатой творческой фантазией? У него ведь кто в персонажах? Базаров, лечащих тифозных мужиков бесплатно (заметьте!) и погибающий от нелепой случайности, идеалист Рудин, идеалист Инсаров, ангелоподобные девушки, которых назовут тургеневскими, Ася, первая чисто платоническая любовь. А негодяев-то нет! Есть мелкие смешные натуры, которых язык не повернется назвать негодьями и уродами. Но полноценных уродов днем с огнем не сыщешь на просторах его богатого литературного наследства. Счастливые времена! Счастливые люди, которые себя почему-то считали

несчастливыми, потому что их существование отравляло крепостное право, турецкое господство на Балканах и цензура. И поэтому на Руси стоял невообразимый интеллигентский стон.

Нам бы их проблемы! Блаженные всё-таки времена! Чуть ли не Аркадия!

В школе на улице великого классика учились в две смены. Вторая начиналась в два часа. Классы с последними литерами «в», «г», «д» ходили в последнюю смену. И это было совершенно правильно, поскольку они успевали выспаться после ночных бдений. Да и учителя к этому времени уже уставали и не могли проявлять прежний образовательный азарт, да его и не требовалось, поскольку подавляющая масса этих классов никогда и ни при какой погоде не училась или не могла учиться, поскольку сюда сбрасывали «типников», так называли тех, кого в прежние времена именовали дебилами, УО (умственно отсталыми). А во времена политкорректности им присваивали тип «седьмой» или «восьмой», что не мешало им чувствовать себя вполне комфортно. Раньше для них были спецшколы, где с ними работали специалисты, получившие нужное образование, за ними наблюдали медики, психологи. Потом оптимизировали это дело, то есть закрыли спецшколы. Тут на обычные школы денег не хватало, а что уж тут говорить о школах для дебилов. Пусть вливаются в общую массу. Специалисты разбежались, кто куда, по магазинам, ларькам, конторкам. А детишек рассовали в школы

по месту жительства. Вот хорошо! И у родителей всегда под боком! И меньше шлятся по улицам.

Сразу же увидели Филиппа. Была первая перемена. Он вышел на крыльцо, смачно плюнул в вазон с каким-то экзотическим растением, обложил учителя математики густым матом, потом, расставив руки колесом, что должно было означать крайнюю крутость, шаркающей походкой, виляя бедрами, направился к железной решетчатой ограде, которая по всему периметру ограждала школьную территорию, вышел за ворота на тротуар и закурил, выпуская дым сильными струями. При этом он шумно выдыхал.

– Какой культурный! – заметил Серега. Они стояли напротив школы за дорогой возле угла мебельного магазина. Машины стояли за углом соседнего дома. В магазин то и дело заходили покупатели. – Мог бы покурить и на крыльце или в школьном коридоре. Ах, да! Сейчас же в школах охранники, могут и надавать по шее. Нет! Физический контакт с учениками им запрещен. Они могут только попросить не курить в здании школы.

– Остается только учительская, – сказал Пахом. – Учитель сейчас не имеет право повышать голос на ученика. Это оскорбляет ученическое человеческое достоинство. Может пожаловаться в европейский суд по правам человека. Непонятно, почему они не идут курить в учительскую.

Желваки у него ходили вверх-вниз, кулаки судорожно сжались, только большим усилием воли он удерживал себя

от того, чтобы ни перебежать дорогу и задушить Филиппа.
После двух-трех затяжек он смачно плевал под ноги.

– Серега! Подержи меня! Я за себя не ручаюсь.

– Что такое? Ты меня пугаешь.

– Сейчас я перейду дорогу и задушю эту тварь! Я не могу!

Всё во мне кипит, понимаешь? Держи, говорю!

Серега схватил его за локоть. Дернул назад.

– Да тебя трясет, дружище! Да! Совсем плохи твои дела!

Вот нервишки нам сейчас требуются железные. Нельзя так!

Будем давать тебе успокоительные таблетки. Не бойся. Они

не опасные. Тебе сейчас нужна холодная голова, как чекисту.

И стальные нервы.

– Мразь! Не могу смотреть! Убью скотину.

Пахом завыл, крепко сжав зубы.

16. ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО ОТКАЗАТЬСЯ

Кормились друзья на дачке. Лишний раз светиться не входило в их планы. Поэтому выходили они наружу только в случае необходимости, знакомств с соседями не заводили. На ужин – а была пятница – они постились лапшой быстрого приготовления, поскольку ни тот ни другой не желали заморачиваться кулинарными изысками. Серега, сходя в очередной раз на разведку, сказал:

– По субботам здесь проходит дискотека в парке «Юность». Собираются все молодые аборигены. Наша четверка обязательно будет. Это к гадалке ходить не надо! Точняк! Я буду обрабатывать их, запудривать им мозги, а ты в сторонке наблюдай. Может быть, понадобится твоя помощь. Уроды, сам знаешь, непредсказуемы. Могут и в морду кинуться, если им что-то не понравится. Купи завтра спиртного. Много не надо, поскольку пить им сильно не придется. Закусончик! Да! И скачай какую-нибудь дебильную музыку. Я, сам знаешь, подобного не держу. Придется потерпеть! На что только не пойдешь ради дружбы! Даже позабудешь про чувство брезгливости.

Пахом как-то странно посмотрел на него. И промолчал.

– Ты чего, Пахомушка? – встревожился Серега. – Ка-

кой-то странный у тебя взгляд? Что ты задумал

– Еще не поздно отказаться. Я не обижусь, – угрюмо проговорил Пахом. Что-то его всё начало раздражать.

– Когда я учился в четвертом классе, отец меня взял на охоту. До этого отказывался брат. Я впервые познал охотничий азарт. Это когда часами стоишь в камышах, не обращая внимания на болотную вонь, холод, противный дождик, который закатывается тебе за воротник. И ждешь, ждешь, ждешь! Все чувства в тебе обострены. Вот она вспорхнула. Ты даешь ей подняться. А сердце колотится, руки дрожат. Но ты понимаешь, что так нельзя, что так всё испортишь. Усилием воли превращаешь себя в безжизненный столб. Выстрел! И утка, кувыркаясь, падает вниз, хлюпкий удар о воду. Она твоя! Ты победил в этом поединке! Ты оказался терпеливее и умней! Драйв необъяснимый! Так вот! Сейчас у меня охотничий азарт. Еще несколько дней назад я мог остановиться, меня можно было отговорить. А теперь уже поздно. Меня сейчас уже ничто не остановит. Если даже ты откажешься, я сам всё доведу до конца! Я уже не могу остановиться! Ты понимаешь меня, Пахом? Понимаешь? Что ты сидишь буквой?

– С меня хватит одного Стаса. Если с тобой что-то случится, я не переживу этого. Зря это я затеял.

Пахом отвернулся к окну. Прямо по стеклу била ветка ирги, высокого кустарника с черными ягодами. Воробьи шумной стаей обсадили кустарник.

– Дружище! – удивленно произнес Серега. – Ты же меня прекрасно знаешь! Со мной ничего не может случиться! Так что все твои опасения напрасны. Я с тобой до конца! Ну, чего ты?

– Нет! Серега! Нет!

– Скажи, хоть одно дело, за которое я брался, заканчивалось неудачей? Ну, припомни! Было такое?

– Не припомню. Но это совсем другое.

– То-то же! А что другое, так это хорошо!

17. ИХ НИКТО НЕ ВИДЕЛ

Утром, как снег на голову, свалилась хозяйка. Дверь изнутри закрывалась на большой кованный крючок, которые раньше делали кузнецы. Когда строилась дачка, в магазинах хозтоваров, кроме гвоздей, эмалированных тазиков и прилавка с вечно скучающей продавщицей, больше ничего и не увидишь, все частные строители использовали возможности родного предприятия. Токари, слевари, кузнецы, плотники успевали за трудовую смену поработать и на народолюбивое государство и на народ, который оно так всегда любило, в лице своих товарищей по работе. Борься с этим было всё равно, что пытаться повернуть реки вспять, хотя и пытались, порой даже успешно, имеются в виду реки. Ну, подошел начальник к токарю, тот в поте лица точит болты. Конечно же, это для предприятия. На них же болтах не написано, что они делаются для глубокоуважаемого дяди Вани, который еще мальчонкой в годы войны пришел сюда.

А вот они не воспользовались этим замечательным творением народных умельцев. Поэтому хозяйка застала их врасплох еще спящими.

– Ой!

Она замерла у порога.

Сергея, который лежал в полудрема, открыл глаза и с неудовольствием высказал:

– Это вместо «доброе утро»? Будьте здоровы, Татьяна Павловна! Что-то мы заспались!

Татьяна Павловна замахала руками.

– Да, спите, спите, хлопчики! В ваши-то годы только и поспать. А потом, как придет старость с ее бессоницей!

Она хюпнула носом.

– Да тут у меня одежда осталась Костика.

Костиком она называла своего покойного мужа.

– А тут зятю для работы одежонка понадобилась. Вот я и предложила ему. Вещи-то еще хорошие. А сумка с одеждой у меня в гараже. Ну, вот и заглянула к вам. Может, чего надо? Или как?

– Спасибо, Татьяна Павловна! Ничего не надо!

Старушка помялась.

– Что-то там у вас такое...

– Где там?

– А в гараже-то!

Черт! Гараж не закрыли, ничего не убрали. Старушка-то в век не догадается что-это такое.

– Так это... Татьяна Павловна! Тут же у вас озеро неподалеку... Ну, это... Вот мы катамаран и собираем.

– Кота?

– Ну, это вроде лодки для спортивных соревнований. Сейчас это очень модно. Да и отдых прекрасный!

– А! Я-то стою и гадаю, что это за железяки такие странные.

Пахом тоже не спал. Слушал, но голоса не подавал. Только чуть приоткрыл один глаз. Но ему уже приспичило. Он мысленно чертыхался и ругал старушку: да когда же она наконец уберется! «Где-то я читал или по телеку, что прогорают на мелочах. Хорошо, что на этот раз глупая старуха всё увидела. А если бы мужик с техническим уклоном? Непременно бы заинтересовался. Что может значить столь странная конструкция. А когда бы прошла акция, ему нетрудно было бы догадаться, откуда уши растут. Бдительность! И еще раз бдительность! Не расслабляться. Если мы погорим, то на каком-то пустяке. Я-то ладно... Хотя и со мной не ладно. На зону мне никак нельзя. Тогда уж лучше сразу в петлю».

Хозяйка вышла. Он подождал и побежал в трусах в туалет.

Парк «Юность» расположен недалеко от районной больницы. Он виден из верхних этажей. В пяти минутах ходьбы от главного корпуса. Так что пациенты со сломанными конечностями, пробитыми черепами мгновенно оказывались в травмопункте, а те, кому особенно повезло, на хирургическом столе. И такое полезное соседство спасло немало безумных молодых жизней, которые каждую субботу оказывались под угрозой. Один раз медики дернулись и обратились с жалобой: мол, такое соседство их не устраивает, поскольку шум, грохот музыки слышен в корпусах больницы. Больница – всё-таки лечебное учреждение. И пациентам нужна тишина. Но кто будет слушать каких-то людишек в белых халатах, когда владелец этого увеселительного учре-

ждения – сын заместителя главы района, который, кстати, еще в городе открыл и гостиницу, скромно назвав ее своим именем «У Лилля». Лилль – такая была у него необычная фамилия.

Вход на дискотеку был платным. Ажно пятьдесят рублей. Но в любой момент желающие могли попасть и бесплатно. Заборчик-то был детским.

Оглушающий грохот. Пахом и Серега обошли танцпол, на котором дергалась, извивалась и визжала потная густая человеческая масса. Здесь люди теряли свою индивидуальность и превращались в стадо.

– Что это такое? – прокричал Серега (здесь все кричали, иначе услышать было невозможно), после того, как они закончили обход и встретились у выхода, как и договаривались. И тот и другой тяжело дышали.

– Конец света! – прокричал Пахом. – Армагеддон!

– Теперь я буду знать, как он выглядит. Я их не видел. А ты? Ты их видел?

– Я тоже не видел.

– Что будем делать? Что делать?

– Танцевать! А зачем еще ходят на дискотеку? Танцевать ты умеешь?

Они рассмеялись. Но не услышали своего смеха.

– Можно было бы из зоопарка выпустить обезьян, чтобы они посмотрели, как дискотека делает из человека обезьяну. Нет! Я не прав! Обезьяны на подобное не способны. Не надо

оскорблять животных!

– Шутим, да?

Настроение друзей упало. С дискотекой был идеальный вариант. Если бы всё пошло по плану, считай, завтра бы они завершили дело. Когда еще подвернется подобный случай? Через неделю в следующую субботу. Что им здесь делать целую неделю? Каждый день их пребывания в Чернореченске увеличивал опасность. Они должны ходить в магазин, кто-то их будет видеть, кому-то они, несомненно, запомнятся. Это было не очень хорошо.

– Невероятно! – усмехнулся Серега. – Просто не верится! Ну, не может такого быть!

Он скривил рот и кусал верхними зубами краешек нижней губы, что означало волнение. И смущение.

– Такое развлечение для гопников! И они не пожаловали. Должно быть, случилось что-то экстраординарное, если их здесь нет. Они должны быть здесь! Они не могут быть не здесь. Нажрались до поросячьего визга и не сумели доползти до площадки? Только одно объяснение.

– Ага! – кивнул Пахом. – И где-нибудь сейчас валяются в невменяемом состоянии в кустах. Не читают же они «Войну и мир» и Тарковского, наверно, не смотрят. Ведь тут вся чернореченская молодежь, даже из близлежащих сел приехали. Видишь, сколько мотоциклов! Может быть, мы просто невнимательно смотрели. В такой толпе, которая постоянно движется, можно и не заметить их. А может, пристроились в

близстоящих кустиках. А вообще, Серега, ты хорошо срисовал их рожи? Знаешь, в этом цвете всё выглядит несколько иначе.

– У меня отличная зрительная память. Теперь их из головы дихлофосом не вытравить.

И он скривил рот в другую сторону. Крякнул.

– Делай второй обход. Спрашиваем! Их тут каждая собака должна знать, – сказал он, прекратив кусать губу. Погрозил зачем-то Пахому пальцем.

Они разошлись в разные стороны. Место встречи то же самое – у выхода. В случае непредвиденной ситуации – звонок по мобильнику. На этот раз решили расширить круг поиска. И двигаться медленнее.

Пахом стал продираться через гущу визжащего, дергающегося, вопящего молодняка. Многие были под кайфом, как они сами говорили, «в улете». А те, кто еще не «улетел», завидовали им. Стоял плотный тусовочный запах, настоящий на поте, винных парах и дешевых духах. Этот запах влек сюда молоденьких самок и самцов. Раскрасневшиеся лица, стеклянные глаза, извивающиеся тела, которые подчинялись только ритмам оглушительной музыки. Места всем явно не хватало. Кого-то толкнули, ударили. Поэтому то тут, то там вспыхивали ссоры, матерились, начинались потасовки. Девчонки визжали как поросята, почувствовавшие запах выносивого хозяйкой пойла. Это были визги удовольствия и боли от того, что их хватали за разные выступающие части тела.

Если четверка, которую разыскивали друзья, здесь, то уже одного-то из них кого-нибудь встретили. А они никак не могут пропустить подобное. Пройдя через толпу, Пахом стал обходить ее по периметру, где уже не было так тесно, а дальше в кустах таилась мгла, оттуда тоже неслись запахи и мат. Там визжало, стонало, копошилось, передвигалось, звенело стекло. Но не будешь же подходить и всматриваться в лица. Так быстро заработаешь пенсию по инвалидности. Зачастую по ночам, особенно в праздничные дни или когда приезжала из Старосибирска какая-нибудь дворовая музыкальная команда, машина «скорой помощи» едва успевала отвозить пострадавших. В нескольких точках шел реальный мордобой и подходить туда близко не следовало, поскольку под горячую руку попадали все близко стоящие и проходящие. Пахом огибал такие места, проходил сторонкой, стараясь никак не обратить на себя внимание. Запищал телефон. Выдернул его из кармана.

– Да, Серега! Слушаю! Что у тебя?

– Иди на выход! Жди меня! Я сейчас там буду! Конец связи!

«Наверно, нашел! – обрадовался Пахом. – Да и где они еще могут быть, как не тут. Такие мероприятия они не пропустят». Пошел.

У выхода его ждал Серега. Озабоченный.

– Что-то случилось? У тебя такой видок!

– Расскажу! Пойдем!

Они пошли к воротам. Это была массивная конструкция, сваренная из труб и выкрашенная в голубой свет. Когда дискотека не работала, ворота были закрыты на замок.

– Их здесь нет, – сказал Серега. – Вот так-то!

«Просто плохо искали, – подумал Пахом. – Может, бухают где-нибудь в кустах или уже готовые. Но в таком случае шансов найти их у нас нет».

– Ты уверен? С чего ты взял?

– Занялся небольшим опросом. Ведь здесь почти все друг друга знают. А этих подонков тем паче. И вышел на его одноклассников. Они говорят, что всех четверых уже второй день нет в школе. Учителя сильно не парятся, потому что у них такое не в первой. Здесь их тоже никто не видел. Дискачи они никогда не пропускают. Отрываются здесь по-полной. Зажигают, пьют, пристают к девчонкам. Ну, и само собой дерутся. Их никто не видел.

18. СОЧУВСТВИЕ ВСЕМ УЧИТЕЛЯМ

Пахом снял с газплиты шкворчащую и стреляющую горячим маслом сковородку. Они угрюмо стали ковыряться в глазунье, потягивая пиво. Пиво было теплое, а холодильника на даче не было. А найти магазин с холодильником не догадались.

– Пиво здесь подешевле, чем в Старосибирске,– произнес Серега. Пил он маленькими глотками. Пахом уже начал вторую бутылку. А он еще с первой не мог разделаться.

– Ага! – кивнул Пахом, как будто его сейчас могли занимать мысли о цене пива. Но отвечать как-то надо. Молчание их тяготило.

Что же могло случиться? Куда они исчезли? Может, уже сдохли?

– Да не парься ты так, Пахом! Завтра всё выясним. У Филиппа же брат мент.

Серега почесал грудь под футболкой и зевнул, прикрывая ладонью рот. Зубы у него были замечательные. Каждое утро он их чистил не менее четверти часа.

– Грохнуть же всех четверых сразу не могли, ясен пень! Да и кому они нужны! Где-нибудь бухают.

– А может,– сказал Пахом. – Мы, то есть я, где-то засве-

тился. Кто-нибудь из них увидел меня? И насторожился. Зачем я сюда приехал? Тут большого ума не надо, чтобы догадаться. Вот и залегли на дно.

Серегу хмыкнул. У него это означало полное несогласие с собеседником. Пиво, хоть и теплое, он допил до последней капли. Но вторую бутылку не стал распечатывать.

– Они решили залечь на дно. Напугались. А может, и сами за нами втихушку следят. Надо быть повнимательней.

Серегу опять зевнул. Его явно клонило в сон. Тем более, что он придерживался режима дня. А сегодня явно выбился из него.

– Что же ты несешь ерунду? Слушать скучно.

Серегу поднялся и выбросил пустую бутылку в помойное ведро. Когда будут уезжать, надо будет всё убрать за собой. Порядок прежде всего!

– Не носи ерунды! Они не могли тебя запомнить. В парке было темно. Да и жажнутые они были. Одно только поняли, что ты не здешний. А нездешних они не любят. К тому же, когда ты выходишь, внешность меняешь. То с усами, то с бородкой, то кучерявым становишься, то очкарик. Кстати, из тебя бы вышел неплохой артист. Никак ты засветиться не мог. Никак! Да они уже и забыли думать о том инциденте. Впрочем, я слишком о них высокого мнения. Они вообще не думают. Приматы! Где-нибудь у какого-нибудь на хате. Нажрались по-свински, что даже на любимый дискач не смогли копытами двигать. Может, обкуренные. Кто-нибудь подо-

гнал серьезную дозу. Не бери в голову! Давай-ка спать, дружище! Утро вечера мудреннее! Вот завтра и покумекаем.

Пахом не мог уснуть, ворочался, чесался, несколько раз выходит на крыльцо курить. Какое чистое звездное небо! Сколько же их там этих звезд? Улететь бы отсюда! Серега посапывал. Ему хорошо. Он не курит. Пахом сидел на кровати, глядел на умиротворенное лицо друга. Цвет от луны был очень ярок. Изредка Серега переворачивался. Порой чему-то улыбался...

Над самым его ухом раздалось, как гром:

– Подъем! Хватит дрыхнуть? Нас ждут великие дела!

– Что такое? – переполошился Пахом. Спросонья ничего не понял.

Он открыл глаза. Стал протирать их.

– Здоров ты спать! Знаешь, хоть сколько времени?

Когда они уже вышли на крыльцо, в калитку зашел мужик лет пятидесяти, широкомордый, с пузом, на котором морщиная майка. Роба у него была опухшая. Он остановился и пробормотал (было понятно, что зубы у него далеко не все):

– Пацаны! Дайте закурить! Видите, как уши опухли? Выручайте!

Он потрогал мочку уха. Как будто она была, действительно, опухшая.

Пахом сунул руку в карман, но Серега остановил его, перехватив его руку и отведя ее в сторону. Пахом посмотрел

на него удивленно. Серега цыкнул, так он делал, когда кто-то косячил или что-то ему не нравилось.

– Не курим мы! Понял?

– Блин! – расстроился мужик. – Ну, тогда подбросьте рубликов на пивышко. Похмелон... Сами понимаете!

Он заматерился. Явно был расстроен.

– Мужик! – сказал Серега. – Мы бедные российские студенты, а не отпрыски олигархов. Живем от стипендии до стипендии, иногда подрабатываем тяжелым трудом на разгрузке вагонов. Так что деньги у нас обычно не водятся. Тем более летом. Сейчас, к примеру, нам приходится питаться окружающей нас растительностью. А на мясо употребляем мышатину и тараканину. Можем поделиться с тобой.

– Блин! – затынул мужик. – Чо такая непруха! С самого утра!

– Так что иди с миром, человек! Гуляй по просторам родного города. Может, чего и обломится. Благословляю тебя на сей труд!

Мужик поднял мутный взгляд, махнул рукой и пошел дальше вдоль улицы, заглядывая во дворы с надеждой, которая, впрочем, таяла, что он найдет спонсора на свою большую голову. Бедные-бедные люди!

– Дали бы несколько рублей! – сказал Пахом. – Пожалел! Чего ты так?

– Слушай, дружище! Если ты ему сейчас дашь несколько рублей, он каждый день будет приходить сюда попрошайни-

чать, просить рубли, закурить. Я знаю этого рода публику. Нам это надо? То-то же! Надо отшивать сразу и резко, чтобы у него больше не возникало желания сворачивать сюда. Нам лишние свидетели не нужны.

Ярко светило солнце, теплый ветерок обдувал их лица. Жизнь всё-таки прекрасна, если бы только не было...

– Конечно, – согласился Пахом. – Какой план? У тебя же обязательно он должен быть!

Сергея планировал каждое свое действие. Дай ему шанс, он бы и стихию запланировал. За каждую минуту прожитой жизни он мог предоставить полный отчет.

– К родителям! В школе делать нечего. Тем более, что сегодня воскресенье. А дальше смотрим по обстоятельствам. Вот такой план!

Пахом закурил, Серега поморщился. Хоть они и на свежем воздухе, но запах табака чувствовался и тут. В этом они были полной противоположностью.

– Представляешь, как радуются учителя, когда вот такие не показываются в школе. От них только вред для нервной системы окружающих. Да и вообще для общества. Только один вред! А учителям я сочувствую!

19. СЕРЕГА ЕЩЕ И МЕНТ

Подошли к пятиэтажке, в которой жил Филипп. У подъезда на лавке сидел низенький мужичок, заросший синей щетиной и кого-то материл, на чем свет стоит. Матерки нудно повторялись. У старого «Москвича» возился другой мужик. Он склонился над раскрытым капотом, спортивные замасленные штаны сползли и открывали половину белоснежной задницы. «Москвич» был для него главным содержанием жизни, большую часть которой он тратил на ремонт, чем на езду на рыбалку. Семья, работа, друзья и даже телевизор служили лишь дополнением к машине, которую он еще купил в советскую эпоху, отстояв многолетнюю очередь, что, впрочем, позволило ему накопить на машину. Если бы машину ему предложили сразу, на какие бы шиши он ее купил?

– В сторонке постой! Хотя бы вон там за деревом возле гаражей! Не светись! – сказал Серега. И ткнул Пахома пальцем в грудь.

Он поднял голову и нашел окно квартиры с балконом, в которой жил Филипп с матерью. На балконе сушилось белье, в углу торчали гардины, по-видимому, ставшие ненужные. Купили новые, а старые выбрасывать жалко. Значит, женщина скуповата. На третьем этаже на подоконнике сидел худой мужик в синей майке с сигаретой. Он глубоко затягивался и выпускал дым резко и сильно. Так курят чем-то расстро-

енные люди. Из подъезда вышла полная старушка. В одной руке у нее был черный пластиковый пакет, а другой она держала за руку внучку, лет так пяти. На ногах у внучки цветомузыкальные босоножки. Когда она шла, они пищали какую-нибудь мелодию.

– Мороженое купишь, баба? Хочу мороженое, баба!

Девочка не могла идти просто так, она подпрыгивала при каждом шаге и дергала бабушку. И каждый раз, когда она дергала бабушку, голова бабушки резко наклонялась в бок.

– За одиннадцать только, – ответила бабушка. – Я сама выберу!

– Не хочу за одиннадцать. Это полный отстой! Хочу за двадцать пять. Оно клёвое! Вот такое! Оно с орехами!

– Будешь сама зарабатывать, покупай себе хоть за сто двадцать пять. Я тебе сказала!

Из-за угла вырулил белый «жигуленок», тормознул у подъезда. Мотор заглох. Из машины выбрался капитан полиции Филиппов-старший. Он был в гражданке. Но Пахом сразу узнал его. Внутри похолодело. Филиппов зашел в подъезд. Пахом схватил мобильник. «Ну, возьми же ты!» Молил он Серегу.

Томительно тянулось время. Наконец двери распахнулись. Филиппов вел Серегу, держа за шиворот, подвел к «жигулям», раскрыл дверку, затолкал его на заднее сидение, после чего уселся сам. Дверку он закрывать не стал. Пахом выглядывал из-за угла. «Я спалил тебя, Серега!» – подумал Па-

хом. Оглянулся вокруг. Ничего подходящего не было, чтобы можно было огреть Филиппова, а потом бежать отсюда, не оглядываясь. Палку бы какую-нибудь или каменюку. Ну, трахнет он Филиппова! И что? Как он сможет незаметно подойти к машине? А если даже подойдет, то, как он его ударит в машине? Может, он только усугубит положение? Но не мог же он просто так стоять и наблюдать, как погибает его друг? Погибает из-за него! Выходит, что он предал его? Тогда пусть его тоже вяжут! Но за что? Они же ничего не сделали! А если он трахнет по башке мента, это уже серьезная статья. И Серега загремит вместе с ним. Нет! Ничего этот Филиппов не сделает Сереге. Вряд ли Серега ударил мента. Не такой он человек. Он очень осторожный и умеет, как шахматист, просчитывать ходы. Надо просто подождать!

Стой! Стой! Не торопись! Правильно Серега говорит: нужна холодная голова. Таких дров можно наломать, что потом... Надо подождать. Пока ничего не ясно. Совершенно не ясно. Большинство дел проваливаются как раз из-за того, что их вершители начинают поддаваться эмоциям, отключают голову, действуют импульсивно. А что, если Серега сейчас ему все рассказывает об их замысле? Нет! Как ты так только мог подумать? Он никогда не сделает подобного. Серега хитрый и хладнокровный. Дверка машины раскрылась. Сначала, вздыхая, выбрался Филиппов, потянулся и прогнул спину. За ним показался Серега. Он улыбался. Но в сторону Пахома не глядел. Тут Пахом не поверил своим глазам. Вот

это дела! Какой же он всё-таки молодец, что не дернулся, не бросился к машине, не накинулся на Филиппова! Натворил бы делов!

Улыбаются друг другу. Потом пожали руки, как закадычные друзья. Еще о чем-то говорят. Филиппов разводит руками и наклоняет голову. Что бы это значило? Вроде как: было и сплыло. Потом садится за руль и покатил. Что же это было?

– Серега! Что это было? – восторженно шепчет Пахом, когда друг подошел.

Теперь ему не от кого скрываться. Широко улыбается.

– Ты на меня тарацишься, Пахом, как на «Сикстинскую мадонну», – смеется Серега. – Вот так-то!

Пошли к своей дачке. По дороге Серега рассказывает, что произошло. При этом улыбнется каждой встречной девушке.

– Захожу в квартиру Филипповых. На пороге встречает женщина, высокая и некрасивая. Представляюсь, как друг Филиппа. Мама смотрит на меня с подозрением. Что такое? Понять не могу. «А я, – говорит, – всех его друзей знаю. А вас впервые вижу». Я говорю, что, мол, мы в социальных сетях познакомились. А сам-то я из Старосибирска. Тут моя бабушка живет, я ее решил навестить, ну, и заодно, посмотреть на нового друга. Вот хотел бы пообщаться. Мама промачивает слезы. «Третий день, – говорит, – нет Филиппа. Ничего не сказал. А, впрочем, у него уже такое не в первый раз. Обзвонила его друзей, ни у кого нет. А его мобильник не отвечает. То он обычно по телефону отвечает. А тут не отвечает. Не

знаю и что думать. Может быть...» Успокаиваю и понемногу расспрашиваю, как он вообще, какие у него привычки, а что у него за друзья, куда он может запропасться, ну, и всё такое прочее. Заходит этот дяденька. «Не плачь, мама. Где-нибудь опять забурился, пьянствует. Козел! Мало я его бью». Поглаживает маму за плечи, за волосы. Сразу видно любящего сына. «А если его в живых нет?» Мама снова плачет. «Да ни фига ему не сделается! Если бы что случилось, я первым бы знал. Понимать должна. Всё нормуль!» Понял я, что это старший братец. Мне с ним знакомиться совершенно ни к чему. Надо как-то, желательнее не привлекая внимания, исчезнуть из этой квартирки. Ретируюсь. Задом плююсь к дверям. Тут Филиппов-старший оборачивается, отрывается от матери и долго, так пристально смотрит на меня, профессиональный ментовской взгляд. «Это кто?» – спрашивает. «Сказал, что друг Филиппа». «Я всех его дружков поганых знаю. А этого даже в нашем городке не видел ни разу». Ну, мент же! «Он из Старосибирска. Говорит, что с Филиппом по сетям познакомился». «По каким-таким сетям?» Уже и брови хмурит. Взгляд такой тяжелый становится. Это, наверно, тоже профессиональное. «По социальным», – говорю. «Ага! – кивает Филиппов. – Ну, ладно, ты тут, мама не расстраивайся. Я его скоро найду. Ты же меня знаешь. Скоро объявится. Некуда ему деваться. Ну, пойдем, друг». И плечом меня подталкивает к дверям. Выходим за дверь. Не успел я и глазом моргнуть, он мне мусорским приемчиком руку заломил.

Да больно, сволочь! Даже дышать больно! «Так! Быстро! Кто такой, откуда и зачем? В глаза мне смотреть!» Признаюсь, немножко очканул. «Ну, я же сказал вашей маме, что я друг Филиппа. Познакомились в социальных сетях. Вот решил и в реальности». Матерится и еще сильнее руку заламывает. До сих пор болит. «Да Филипп не знает, с какой стороны к компьютеру подойти, где какая кнопка. Он же тупой как пробка. Дуб дерево!» Ну, всё! Влип, думаю. «Сейчас прокатимся со мной в отделение, и я буду выбивать из тебя правду всеми законными способами». Ну, а дальнейшее ты видел, дружище! Был, так сказать, свидетелем.

Сергея широко улыбается шагающей нам навстречу девушке. Девушка хороша.

– Видел, как вы руки друг другу жали, как закоренелые кореша. Когда ты успел стать его другом?

А девушка, действительно, ничего. И одета сексапильно. Юбочка по самое не балуй! Пахом и тот не удержался.

– Ну, да! – спохватился Серега. – Я же тебе самого главного не рассказал. Так вот слушай...

Юная красавица прошла мимо, обдав их ароматом тонких и дорогих духов. Это еще один плюс ей. Значит, со вкусом.

– Заволок он меня в машину. «Поедем или колоться будешь? Что тебе больше нравится?»

Всё-таки Серега не выдержал и оглянулся. Но знакомиться с кем-либо в их планы не входило.

– Так и так, говорю. Ни в каких сетях я с ним не знакомил-

ся. Но надо же что-то сказать маме. А познакомился на вокзале. Сам-то я бабушку приехал навестить. Ну, и поразвлечься не мешало бы. А Филипп пообещал с классными девчонками познакомиться, которые в этом деле не откажут. Да я к тому же и твой коллега. Показываю ему ментовское удостоверение. А дальнейшее ты сам видел.

20. НУЖНО ЖЕЛЕЗНОЕ АЛИБИ

– Пахом! Быстро собираемся по-легкому и рвем когти в Малиновку. Давай! Давай! Давай!

Так началось очередное утро в Чернореченске. Пахом еще, как следует, не успел глаза продрать. И ничего не мог понять.

– Они там в Малиновке? Как они там оказались?

– Нет! Они точно не в Малиновке. В Малиновке мои дедуля с бабулей живут, – ответил Серега. – Нам нужно будет алиби. Надеюсь, ты не забыл, что брат этого подонка – капитан полиции? Поэтому лучше, если мы перестрахуемся.

Пахом окончательно проснулся. Действительно, утро вечера мудренее. А вот ему никакой идеи за ночь не пришло. А вообще-то Серегу лучше слушать.

– Что теперь? Что с того, что брат мент?

– А то... Если дослужился до звания капитана, то, значит, имеет опыт сыскаря. И впечатление дурака он на меня не произвел. Нужно отдать ему должное. Действовал он грамотно. Так что общение с ним пошло нам на пользу. Он начнет сопоставлять, анализировать и поймет, в конце концов, что инсталляция – это акт мести. А кто должен мстить? Да еще таким необычным образом? Только человек, который очень-очень сильно обижен сразу всей четверкой. Причем, человек достаточно грамотный, образованный. Сразу всплы-

ваешь ты. Паспорт он твой видел. Где ты живешь и кто ты такой, он знает. Поэтому ты попадаешь в первое число подозреваемых. И он начинает копать. Как раз тебя в эти дни не было дома. Где же ты тогда был? Нетрудно догадаться, что в Чернореченске. Вполне вероятно, что где-то мы наследили. Чем ты докажешь, что в эти дни не был в Чернореченске? А нас здесь уже видели.

– Я ничего не обязан доказывать! Ты забыл про презумпцию?

– Но если у него появятся еще одна – другая зацепки? Тогда он может серьезно накопать. Нам это надо?

– Ему не дадут вести это дело. Так что здесь он не при делах.

– Почему же? Поясни!

– Потому что он брат. Родственникам дело вести нельзя.

– Официально да. Но они же тут все одна семья. Так что он будет в курсе и будет копать. И будут выполнять его приказы.

– Ладно! И что в Малиновке? Чем мы там займемся?

– Ну, что... Светимся у моих стариков. Вечером идем на сельскую дискотеку. Замутить с местными пацанами. Но не до мордобоя. Иначе нас могут сделать инвалидами. Но в деревне нас запомнят. А потом идем на охоту. Вроде как идем.

– Это еще зачем? Тебе захотелось дичи?

– В тайге у деда есть заимка. Такая небольшая охотничья избушка. Скажу, что уходим на несколько суток. А когда ак-

ция закончится, дуем по-бырому в Малиновку и с трофеями возвращаемся к моим старикам. Если что, вся Малиновка подтвердит, что эти дни мы были там. Вот тебе и железное алиби.

Сергея победоносно глянул на друга. Оцени, брателло, идейку!

– Верно, Серега! Соломку подстелить надо. А где мы раздобудем трофеи? Я, как понял, охотиться мы не собираемся?

– Трофеев не будет. Охота – это дело такое. Может, повезти, а, может, и нет. Любой охотник это понимает. Да и для нынешнего охотника главное процесс, побродить с ружьишкой. Скажем, что подстрелили несколько зайцев, уток, еще что-нибудь, и там же на заимке сожрали. Обычное дело. Так что здесь будь спокоен. Никто ничего не заподозрит. Ружья обстреляем. Так что всё будет на мази! Комар носу не подточит. Хотя я не думаю, что до этого дело дойдет. Это только в фильмах они такие, следоки эти! В ближайший день-другой нам здесь делать нечего. Что же терять время даром? Обеспечим себе железное алиби. Пока мы мотаемся туда-сюда, наша гоп-компания вернется. А дорогой кое-какие еще детали обмозговать надо. Чтобы без шероховатостей! Чтобы всё пучком!

– Если не вернутся? Кто их знает!

– Вернутся! Капитану Филиппову надо маму успокоить. Он будет носом землю рыть. Братца хоть из-под земли достанет. Тем более, что у него, как принято сейчас говорить,

имеется административный ресурс. И вот еще! В Чернореченск ты вернешься один. Без меня, Пахом.

Если бы у Пахома была вставная челюсть, она точно бы отпала. Вот такого он никак не ожидал.

– Ну, понятно! – пробормотал Пахом. – Ты... Но ведь я без тебя один ничего не сделаю. Придется менять план. Ну, ладно! Вообще, ты правильно решил, Серега! Я сразу был не прав, когда решил тебя втянуть во все это. Хорошо, что ты одумался!

– Ты слушай! А потом уже бери в голову! У меня есть один знакомый, хороший знакомый... Изредка с ним пересекаемся, пивка поьем, то сё...

Серега помолчал, поглядывая на растерянного друга. Пахом опустил голову.

– У него маленькая типография. Но вполне позволяет ему зарабатывать на хлеб с икрой, содержать джип и посещать время от времени рестораны. Посещал бы чаще, но нет свободного времени. Печатает открытки, визитки, буклеты, всякую рекламу, перед выборами вообще сутками не вылезет из типографии, зато и бабла нарубит. Сам знаешь, у нас на это дело не жалеют. Печатает само собой графоманов. Как-то он рассказывал про это дело. Я даже не поверил сначала. Оказывается их, как блох на собаке. Просто у большинства нет средств. Хотя некоторые продают даже квартиру или машину, чтобы подержать в руках пахнущую свежей типографской краской рифмованную дребедень. Прикинь, какие иди-

оты!

– Ты мне это зачем рассказываешь? При чем тут графоманы?

– Затем, чтобы ты меня выслушал. А не надувал сразу щеки, подозревая меня черт знает в чем. В Чернореченск придет модный арт-художник. Надо сделать ему рекламу.

– И что с того? – спросил Пахом, не догадываясь, куда клонит Серега. Что он еще решил замутить?

Серегоино лицо светилось.

21. ЗАСВЕТИТЬСЯ В МАЛИНОВКЕ

Взяли только самое необходимое. Если бабулька решит их навестить, то увидит, что всё на месте. Если она явится с инспекторской проверкой, то подумает, что ребята решили погулять. Не сидеть же им в избушке целыми днями? Заплачено ей было вперед. И даже с небольшой переплатой. Они не стали не только торговаться, но еще и накинули за гостеприимство и приветливость, что в наши времена немало стоит. Ночью выехали. По городу ползли, не превышая полусотни километром. Пропускали редких прохожих не только на «зебре», но и везде, где они встречались. На выезде недалеко от железнодорожного переезда находился пост ГАИ. Они решили объехать его, подумав, что местные блюстители, чтобы не заснуть ночью, могут шерстить все автомобили подряд. Начнут докапываться до всякой ерунды. Надо же себя как-то повеселить и взбодрить, когда одно кофе уже не помогает. Ехать пришлось по ухабистой дороге, что заняло целый час и отняло немало нервов. Еще не хватало завалиться в какую-нибудь яму, а потом искать, кто тебя дернет. Зато они теперь спокойно катились по автотрассе, оставив для развлечения местным гаишникам других водителей. Впрочем, по ночам не так уж и много было легковушек. В основном шли

большегрузы.

Приехали они в Малиновку около десяти утра, когда все деревенские жители, кроме тинэйджеров уже на ногах, и на всякую незнакомую машину смотрят с интересом. Деревня стояла на увалах на правом берегу реки. А левый берег был высокий, поэтому с него открывался вид на всю деревню и даже на дальние поля и лес. Когда-то Малиновка была здесь на левом берегу. Но предприимчивый председатель колхоза решил переместить ее на правобережье, поближе к ферме и колхозным полям. Работники колхоза должны были сказать ему спасибо.

Речушку он задумал перегородить плотиной. Будет пруд, откуда можно будет брать воду на полив многолетних трав. В колхозе делали из них сенаж, который давал существенную прибавку в надоях. Как раз началась по всей стране кампания по мелиорации, которая, по мнению властей, должна была решить продовольственную проблему. Тогда каждый местный царек или князек старался что-то перегородить плотиной, набурить скважин, проложить водоводы, прорыть каналы или, на худой конец, арыки. Десятки речек были уничтожены, превратились в ручейки, которые летом пересыхали, а по весне наполнялись грязной талой водой, в которой никакая рыба уже не заводилась. Скважины перестали вскоре бурить, поскольку они заиливались, запесочивались, в воде оказывалось много солей и пить такую воду было невозможно. А на такие трубы поднялся спрос, их охотно прини-

мали как металлолом. И многие на этом сделали неплохие денежки, пока местные власти очухались. И бросились собирать остатки труб.

После того, как поставили плотину, речка быстро превратилась в ручеек, от которой с каждым годом все сильнее исходила вонь, а русло ее зарастало бурьяном, темным и густым. Забыли вскоре и про мелиорацию. Начинались новые перестроечные времена, когда дурацкие реформами принялись добивать сельское хозяйство. В пруду попытались завести рыбу. Со станции привезли мальков и запустили их. Но местный пруд им не понравился. И ничего из этих попыток не получилось. Местные рыболовы по-прежнему довольствовались глистатыми окуньками и чебачками, которые могли выжить в любой луже и дать приплод. Пусть и не очень щедрый. Но с удочкой можно было побаловаться.

Пруд заиливался, берега зарастали. Чтобы дойти до более или менее глубокого места, приходилось по колено шлепать в грязи. Летом он зацветал, всё больше становилось ряски. И теперь здесь купались только неприхотливые деревенские ребяташки. Всё лучше, чем лужа. А после купания ожесточенно чесались. И тело их покрывалось красными пупырышками. Приезжие же воротили от пруда нос. И предпочитали отдыхать в лесу.

Постепенно все жители перебрались на правый берег, где близко работа. Правобережная Малиновка быстро росла. А левобережная сокращалась.

По программе развития малых сел в правобережной Малиновке была построена целая улица шведских домиков на двух хозяев, заасфальтирована улица и воздвигнута двухэтажная школа. На левом берегу остались только фундаменты, зараставшие бурьяном, и кладбище, которое быстро росло, потому как старые жители умирали чуть ли не каждую неделю. Кладбищенскую ограду кто-то разобрал на дрова.

Серегины старики купили небольшой домик на правой стороне и перебрались с левобережья чуть ли не последними. Не оставаться же им одним на опустевшем берегу? Дед всю жизнь, не считая фронтовых лет, был лесником и заядлым охотником. Как говорится, попадал белке в глаз. Браконьеры боялись его крутого характера. Несколько раз в него стреляли.

Лес он знал, как свои пять пальцев. А к охотничьему промыслу пристрастил и внука, то есть Серегу, в котором не чаял души и постоянно таскал его с собой и летом, и в зимнюю пору. Но уже давно сам на охоту не ходил. Годы и хвори брали свое. Стало слабнуть зрение. А очки он принципиально не носил. С плохим зрением на охоте делать нечего. В лесу осталась охотничья избушка, в которой ночевали охотники. Перед охотой и после они обязательно заезжали к нему. После охоты, конечно, с трофеями. Серега мог пропадать на охоте по двое-трое суток. Лес нисколько не пугал его. Возвращался он довольный и с дичью. Дед гордился внуком. И говорил, что лучше бы пошел в лесники. На охоту Серега

отправлялся и с компаниями, но чаще всего один, поскольку не выносил всенощных охотничьих пьянок. И охотничьего бахвальства.

– Постарел дед, – грустно сказал Серега, когда они остановились возле дома. – Годы свое берет.

Дом был из круглых бревен, почерневших от времени. Дед говорил, что его перевезли из Якоря на тракторных салазках.

– Забор, видишь, как пьяный, наклонился. Столбики сгнили. Раньше такого у деда не увидишь. До всего доходили руки.

Калитка тоже еле держалась, уныло наклонившись к земле.

– Поправить бы надо. Как ты думаешь, Пахом? Любишь рукодельничать, побренчать инструментом?

Пахом согласился. Хотя никогда в своей жизни не занимался плотничьим ремеслом. Деревенская жизнь его не прельщала. Он был сугубо городским обывателем. Попадая в деревню, через день-другой он начинал скучать. Его тянуло в город. Вот эти избы, коровы, гуси и свиньи, пасущиеся на улице, возможность в любое время наступить в коровью лепешку. Фи! Нет, это не для него. Даже свежий воздух не прельщал. Им можно надышаться и в городском парке.

– Внучек! Сереженька! Золотиночка ты моя!

С крыльца спускалась старушка, низенькая и полноватая. Лицо у нее было в глубоких морщинах. Доски старого крыльца скрипели при каждом ее шаге, и каждая доска из-

давала свой неповторимый звук, как будто бабушка играла на пианино мелодию крыльца. Просеменила к калитке, которую уже успел открыть Серега, положила ему узкие ладошки на грудь, ткнулась в него лицом и заплакала, тихонько подвывая. Предчувствовала, что немного теперь ей доведется видеть внука.

– Чего ты, баб? Перестань! Ну, чего ты?

– Ой, Сережа! Много ли мне тебя еще придется видеть! Совсем я уже старая.

Она промокнула глаза платком. Нос ее покраснел.

– Пора уже! Зажилась! Мне же восемьдесят четыре уже. Зажилась на свете!

Она подняла глаза на внука. И глаза ее засияли по-молодому и по-доброму. Внук для нее был сейчас самым любимым существом. Потом перевела взгляд на Пахома и кротко улыбнулась. Так способны улыбаться добрые люди, которые в других тоже видят добрых людей. Пахом улыбнулся ей.

– И чего мы стоим? В дом пойдете! Проголодались с дороги-то. Ох, я дура старая!

Они закрыли машины, достали из багажников маленькие рюкзачки, в которых было только самое необходимое. И пошли следом за ней.

– Пахом! Голову наклоняй! А то тут двери низкие, – предупредил Серега. И пальцем показал вверх.

Предупреждение было сделано вовремя, поскольку Пахом привык, что в любую дверь можно заходить, не наклоняясь,

конечно, если это не палатка или шалаш какой-нибудь. В последнее мгновение, уже занеся ногу за порог, он вспомнил о предупреждении и резко наклонил голову. Хороший шишкарь, чуть-чуть он замешкайся, был бы ему обеспечен. Зато Сереге бы доставил удовольствие.

– Где дед-то? – спросил Серега. Он крутил головой, осматривая комнату.

– Да вот пошел договариваться на счет дров, сам-то уже не готовит. Сил уже нет.

Бабушка вздохнула. Собралась пустить слезу, но передумала.

– На службе-то его по-прежнему уважают. Бесплатно дрова привезут и на чурки попилят. Только за бензин и возьмут. А станешь больше предлагать, руками замашут. «Да чтобы с Иваныча! Ничего не возьмем!».

– Какие благодетели! – усмехнулся Серега. – Хоть дрова заработал!

– Вы пока молочка попейте! Хорошее парное молочко!

Бабушка засуетилась возле стола. Поставила бокалы, налила молоко.

– Утречком соседи приносят. А к обеду я уж что-нибудь и сварю. Мы с дедом-то утром чай забеленный только! Какой утром аппетит!

Стол был небольшой, самодельный. Накрыт клеенкой, порезанной в нескольких местах.

Медленно и протяжно заскрипела дверь. Как будто она

открывалась сама.

– А вот и дед! – воскликнул Серега и отодвинул к центру стола бокал с недопитым молоком. – Легок на помине!

– С приездом, молодые люди! Машины-то у вас какие!

Это был довольно высокий и плотный старик. Прямо на голое тело было надето черное хэбэ. Улыбнулся. Во рту у него были только четыре зуба передних: два нижних и два верхних. Зубы были желтые. Дед курил, а вот зубной щеткой не пользовался. Серега поглядел на Пахома, подмигнул ему.

– Предлагал ему поставить протезы. Но его же в город не вытащишь, – сказал он. И снова повернулся к деду.

Дед скинул галоши. Поправил их, чтобы стояли ровно.

– Мне нечего твоими протезами жевать, – прошамкал он. – Бабку только если укусить!

Хотя говорил он довольно отчетливо, произношение некоторых звуков выдавало отсутствие зубов. Щеки и подбородок были покрыты щетиной.

– Мясо оказывается вредным. А корочку я в супчике или молочке размочу. И как дите его шамкаю.

– Дед! Где у тебя тут пила, топор? Поправим твою крепостную стену. А то скоро упадет.

Дед присел на табуретку, покрашенную толстым слоем синей краской. Видно, ее перекрашивали не один десяток раз. Табуретка скрипнула.

– Чего ее поправлять? Хай, она падает! Мне не от кого отгораживаться.

– Свиньи, телята забредут во двор. Не дело это дед. Ты же хозяин!

Дед усмехнулся. Посмотрел пристально на внука.

– Так-то оно так! Бабка вон постоянно ворчит. Да мне ее ворчание...

Он посмотрел на жену. Бабушка включила круглую электроплитку и поставила на нее кастрюлю с водой. Сейчас таких плиток в магазинах не увидишь.

– Тебе хоть кол на голове теши, старый! Всё бесполезно!

Друзья вышли во двор. Потянулись! Всё-таки дорога утомила их. Но заваливаться спать не желали. Возле покосившегося сарая лежали доски, чурки. Они стали их перекидывать и подбирать столбики. Для этого пришлось перекидать почти всю кучу. Ровные сосновые столбики.

– Будем стучать погромче! – сказал Серега. – Чтобы все аборигены знали, что к Вахмяниным приехал внук с другом. Сейчас начнут собираться.

Он вынес из сарайки пилу и топор. Потрогал лезвие топора.

– Васильевна! Аюшки!

Возле забора стояла сухонькая низенькая старушка с остреньким, как клювик, носиком. Голова прикрыта старомодным платком.

– Внуки приехали никак?

– Вот! Приехали! – гордо отвечала Серегина бабушка, подойдя к забору и весело поглядывая на молодежь, которая

обсуждала, с чего начать.

– Отдохнуть не захотели! Сразу забор чинить! Вот!

Остроносенькая старушка ойкнула. Ей некому было починить забор. Единственная дочь ее умерла. Внуков нет.

– Какие красивые ребята! Где же наши девки?

– А ты что жениха себе пришла выбирать? Или что надо?

Старушки засмеялись. У остроносенькой смешно задержались морщинки.

Уже к обеду забор стоял, как положено, в вертикальном положении. Василий Иванович, так звали Серегина деда, ходил вдоль забора, и проверял стойкость столбов. Брался сверху и пытался раскачать.

– Серега! Откуда ты все эти дела знаешь? – спросил Пахом. Работа утомила его.

– Какие дела?

– Вот смотри, как ты быстро с забором управился, как прирожденный плотник, как будто всю жизнь только тем и занимался, что заборы ставил. Или ты по совместительству еще и заборостроительный техникум закончил? С тебя станется!

– Я же, Пахом, четверть своей жизни провел в деревне. Каждое лето родители отвозили меня сюда как на дачу. А дед у меня мастеровой. Не знаю даже, чего он не умеет. Во времена культурной революции кормчий Мао повелел ссылать гнилую интеллигенцию в деревни на трудовое воспитание, чтобы им некогда было заниматься словоблудием. Ко-

гда Мао скончался, оттуда вернулись уже совершенно другие люди, которые создали великий Китай. Они увидели и узнали реальную жизнь. Деревня, Пахом, всему научит. Тут почти каждый и плотник, и слесарь, и мастер по ремонту бытовой аппаратуры. А если ты этого не умеешь, то в деревне не выживешь.

Они пошли обедать.

22. В ОХОТНИЧЕЙ СТОРОЖКЕ

Не привык без нужды Пахом вставать так рано. А Серега ценил утренние часы. Для него они были самыми плодотворными и радостными в течение всего дня. Свеж и полон сил! Ложился он не позднее двенадцати. Летом обычно поднимался с рассветом.

Вчерашним вечером Василий Иванович принес бутылку самогонки, которую он купил у соседей. Самогон был противный и вонючий, поэтому еле-еле осилили бутылку втроем. Но по голове бил, как молотом. Сознание мутнело, мысли путались. Тут же забывал сказанное. Да еще нужно учитывать, что Серега выпил лишь одну стопку, а к остальным лишь прикасался губами и оставлял стопку не выпитой, считая, что никто этого не заметит. А Василий Иванович после третьей стопки вдруг заплакал и Серега с бабушкой увели его на кровать. Сам он с трудом передвигал ногами. Главный удар пришлось держать Пахому. Выдержал он его достойно. Но вот с утра несло изо рта как из выгребной ямы. И во рту тут же наступала сушь, сколько не пей воду. Самогонку он пил впервые.

– Чистим зубы! Завтракаем! И путь-дорожка фронтовая, не страшная нам бомбежка любая! – выкрикивал Серега, расхаживая по комнате.

Каждое громкое слово болью отзывалось в голове Пахома.

В висках гулко пульсировала кровь.

– Не желаете сделать зарядку, товарищ боевой? На свежем воздухе, босиком на траве, густо покрытой росой? Очень полезно для здоровья!

Издевается он что ли? Пахом поднял тяжелый взгляд. Оглядел стройную фигуру друга. Сбоку на животе был шрам. Может, вырезали аппендицит или что там в этой стороне? Конечно, каждое утро он по полчаса бросает гантели, жмет экспандер, а потом еще и пробежка. Плюс не курит. И не пьет. Почти. Интересный парень. Почему Пахом никогда не слышал об его сердечных делах? Серега всегда избегал эту тему.

«Куда мы торопимся?» – тоскливо подумал Пахом. В комнату долетало кукареканье, мычание, лай собак. Ну, чисто зоопарк. В городе он был обделен утренней симфонией. Автомобильный шум за окном не в счет.

– Давай! Чего сидим? Ты забыл, что нам на охоту? Охота требует хорошей подготовки.

– Не! Я не поеду. От меня же несет за версту. Пьяный за рулем – потенциальный преступник.

Пахом протопал к ведру с водой и зазвенел кружкой.

– Доеду только до первого мента, – проговорил он между глотками. – На этом мое путешествие закончится.

Железная кружка так громко звякала об его зубы, что Серега рассмеялся, а следом за ним Пахом. Видно, жалкое зрелище он сейчас представляет.

– Во-первых, в лесу менты не ходят, – проговорил Серега. – Это для информации.

Пахом в это время допивал вторую кружку воды. Кажется, легчало. А может, вода здесь имеет антипохмельные свойства? Или самогон, смешиваясь с водой, теряет свои убойные свойства?

– Зайцев они тут что ли тут будут тормозить, чтобы они не превышали скорости, когда убегают от лисы? Во-вторых, я знаю одно средство, после употребления которого у тебя будет изо рта нести утренней свежестью. Общение с дедом очень многому научило меня. Это кладезь мудрости!

Сели завтракать. Пахом без всякого аппетита сжевал две ложки творогу, выпил то, что называется чаем, не имея никакого запаха чая, и всё время с тоской поглядывал в окно. Через дорогу у забора стоял на привязи теленок, который подергивал большими ушами и лупил себя по бокам коротеньким хвостиком, отгоняя паутов, которые могли прокусить даже слоновью кожу. Всякая кровососущая и кусающая тварь досаждала с раннего утра, слетаясь кучами на всё живое. Укрыться от этой напасти можно было только в доме. Бабушка уже успела приготовить им снесь на дорожку, которую складывала в их рюкзаки. Василий Иванович сидел на заправленной кровати. Наблюдал за приготовлениями.

– Ну, куда ты столько? – удивился Серега. – Мы же на сутки! Ну, на двое, на трое от силы. А тут на месяц!

– Всё правильно! – авторитетно заявил Василий Ивано-

вич. Его тоже мучило похмелье.

Он переменял позу. Кровать громко закричала. Вот под такую музыку дедушки и бабушки делали наших пап и мам!

– В лес идешь на день, бери продуктов на неделю. Или забыл?

Бабушка уже успела испечь пирожки. Аромат разносился по всей избе. Но Пахому было все равно. Василий Иванович поднялся, вышел, вскоре вернулся с зачехленными ружьями, которые поставил в углу, где рукомойник. Из мешка он достал патронташ.

– Можете не проверять! Как новенькие! В масле!

Запахло оружейным маслом. У Сереги заблестели глаза.

– У меня же разрешения нет, – сказал Пахом. – Да я и не стрелял.

– У меня и у тебя всё есть, – успокоил его Серега, уминая вареники с викторией. У него всегда был отменный аппетит.

Сок бежал по его подбородку и капал на стол.

– Тайник-то наш помнишь? – спросил Василий Иваныч, когда они вышли из дома с вещами.

Бабушка семенила вслед за ними, на ходу их крестя мелкими быстрыми движениями и приговаривая.

– Помню, дед! Дорогу найду!

– Ну, давайте! Ни пуха ни пера! Вообще дурацкое при-
словье.

Василий Иванович вздохнул. Потом замахнулся палкой на курицу, которая клюнула его в ступню. Курица боком от-

летела в сторону.

– К черту! – произнесли они одновременно. Пошли к машинам.

Медленно двинулись вдоль узкой улицы. Сильно тут и не разгонишься. А если разъезжаться, то надо будет кому-нибудь прижаться к самой ограде. То утка ведет выводок через дорогу, причем приближающаяся машина ее несколько не пугает, несколько раз она останавливается и крикает, призывая утят, побыстрее перебирать лапками, то встретится медленно идущая свинья, страдающая одышкой из-за жары и излишнего веса, с висящими почти до земли красными сосками, а вокруг нее выводок визжащих поросят, которым, как говорится, вообще всё по барабану. Про кур, неожиданно бросающихся под колеса, овечек, резко шарахающихся от любого шума, уже и говорить не стоит. «Какой-то зоопарк!» – пробормотал Пахом, не снимая ноги с тормоза, он еле полз по улице, которой казалось не будет конца. Дети тоже играли прямо на дороге. Он то и дело сигналил. Детишки, пинающие раздолбанный мяч, поворачивали головы и с недоумением глядели на него, не понимая, чего он от них хочет. И с неудовольствием освобождали дорогу.

Уже копались на огородах хозяйки, медленно брели мужики, для многих утро было самым тяжелым временем суток и поэтому они думали об одном, как побыстрее облегчить свое состояние. У всех, как на подбор, была черная щетина и черные кепки из кожзаменителя. Видно, завезли в

местный магазин партию кепок, вот все и обрядились. Бабушки выползли на скамейки, грели под толстыми вязанными еще в прошлом столетии кофтами старые кости и неторопливо вели беседы. Долгими взглядами провожали каждую проезжающую машину, причем смотрели так, как, наверно, в годы войны на оккупированных территориях смотрели на оккупантов. И чего ездют?

За деревней начиналась высокая грунтовая дорога. На крупной щебенке трясло, как в лихорадке, и сильно не разгонишься, иначе машина рассыплется, как карточный домик. Затем поворот налево. Узкая грунтовая дорога вела к лесу, темному и загадочному. Пахому даже стало немного жутковато. «Там чудеса, там леший бродит». Было такое ощущение, что из-за густых елей кто-то звериным взглядом следит за ними. И этот кто-то желает им только зла, выжидая удобного случая. Ни леса, ни деревни Пахом не любил. В лесу ему мерещились опасности на каждом шагу. А что можно ожидать от неорганизованной дикой стихии? Невозможно предугадать, что тебя ожидает через несколько шагов. «Там лес и дол видений полны». Почему-то сразу вспоминались уроки литературы, которые он в школе недолюбливал. Вот сейчас из-за той толстой ели подымится на задние лапы и грозно заревет Михайло Потапыч с огромными загнутыми полумесяцем желтыми когтями; или рысь с ветки прыгнет тебе на плечи и тут же разорвет шею; а то, быть может, провалишься в замаскированную яму и встретишь грудью остро

заточенный кол, приготовленный охотниками для крупного зверя. Откуда им было знать, что тебя понесет именно в это место? Ему казалось, что эта езда по лесной дороге, которая то резко суживалась и тогда по машине скребли ветки, то резко поворачивала, а порой петляла, никогда не кончится. К тому же и похмелье еще не покинула его страдающее тело. Впереди показалась приземистая бревенчатая избушка. Крыша была покрыта почерневшим тесом, над которым выступала труба. Почти наполовину она уходила в землю. Пахом пошел следом за Серегой. Шел он медленно и осторожно, поглядывая внимательно под ноги и по сторонам. Войти в избушку ему совершенно не хотелось.

Какое-то время он ничего не видел, пока глаза ни привыкли к полумраку. Темно, тесновато и страшновато. Он здесь ни за что бы ни остался ночевать. В голову лезли бы всякие кошмары. Низенькая печка, дальше небольшое оконце. В углу полка, на которой стояла кружка, металлическая коробочка из-под чая, на верхней крышке которой обычно изображена девочка. На противоположной стене окошко чуть побольше. Под ним стол из широких досок, две табуретки и лавка. На подоконнике стояла пустая консервная банка. Напротив печки два дощатых яруса, на которых спали, на верхнем лежал мешок. Видно, в нем был матрас или одеяло, или то и другое. Пол был чистый. Пахло старым деревом и прелостью. Под нижним ярусом лежали поколотые сухие дрова. И еще Пахом обратил внимание на то, что дверь была просто закрыта

на щеколду. Никакого замка.

Сергея сел за стол. Как хозяин.

– Пообедаем! Мы должны оставить следы своего пребывания. Распечатываем!

Стал доставать продукты из своего рюкзака. Пахом опустился на лавку.

23. МОГ БЫ И ЗАДУШИТЬ

Вернулся Пахом в Чернореченск, когда уже начинало темнеть. Загнал «жигули» в гараж. Это был железный продолговатый короб, покрашенный зеленой краской, которая местами отшелушилась. Хозяйка рассказывала, что у них был старенький «москвич», на котором они ездили на дачу. Муж его купил у парторга завода, когда тот пересел на более модную «копейку». Было так хорошо! Всё, что нужно положили в багажник или наверх. А с дачи всё, что выросло на грядках, вывозили домой. На пенсии чуть ли не каждый день мотались туда-сюда. Муж умер. «Москвич» стоял в гараже и ржавел. Все ей говорили: «Продай ты его! Чем дольше стоит, тем меньше возьмешь! Это железо ржавеет!» Первый покупатель залез в кабину, стал заводить. Мотор рывками урчал, но не заводился. Второй мужик поставил свой аккумулятор и со второй попытки завел. Назвал такую цену, что денег хватило бы только на велосипед. Следующие два покупателя обошли машину, залезли вовнутрь, подергали, потом встали на четвереньки, заглянули вниз, поводили там рукой и сказали примерно одно и то же, что машину можно смело сдавать на металлолом. Не прогадаешь! Может быть, ей там даже побольше заплатят. Только через полгода «Москвич» купил один старичок. Свою машину он сыну отдал. Купил машину за сумму ее месячной пенсии. Но теперь ездить ей

на дачу тяжело. На автобусе, надо ждать, почти ничего с собой не привезешь. Продать бы дачку! Но пока на объявление никто не откликнулся. Только один раз на три дня сняла дачку одна парочка. Может, молодожены. А кто их знает? Для чего понятно. Хоть она и не одобряет такого, но всё же хоть какая-то прибыль от дачки. А ведь тоже стоит, ветшает, значит, и цена падает. Через несколько лет только за землю и дадут. Хотя сейчас мода на дачи проходит.

– Может, вы купите, ребята? Я недорого возьму.

– Бабушка! Мы подумаем, – ответил тогда Серега. И сделал задумчивый вид.

Бабушка поджала губы. Больше купить дачку им не предлагала.

Света в гараже не было. Вдоль стен валялись ржавые автомобильные узлы и разные железяки. Справа на полке – Пахом помнил – стояла керосинка. Но она была пуста. Пахом ставил «жигуленка» за гаражом, а в гараж Серега загонял свою «тойоту». Барыня как никак! Еще какая-нибудь птичка нагадит! Фи! А на «жигуленок» можно валить! Зашел в дом, достал из рюкзака куриный окорочек, пирожки, зеленый лук и хлеб. Отрезал несколько ломтей хлеба. Нож был тупой и больше мял, чем резал. Поздний ужин затянулся далеко за полночь. Торопиться ему было некуда, а спать не хотелось. Да и как-то одному в полной темноте со своими мрачными мыслями! Дорогой он прикупил бутылку водки. Много курил. Было какое-то опустошение и безмыслие. Да и не хо-

телось ни о чем думать, что-то планировать. Осилил полбутылки. Почувствовал, что захмелел и бухнулся на кровать, не раздеваясь, только туфли снял. Прислушивался к тишине. Скреблись мыши. Это была железная панцирная кровать, на подобных десятилетиями спали жители страны Советов, пока им на смену не стали приходиться сборные деревянные с фабричными матрасами. Каждый раз, когда Пахом двигался, раздавался сильный скрип. Он вспомнил про парочку, которая снимала дачку, представил их ночные бдения. Потом пришел сон, крепкий и без сновидений, по крайней мере, без обычных кошмарных снов, когда он бродит неизвестно где, теряет свои вещи и никак не может найти их. Лучше не вспоминать!

Проснулся полдесятого. Убрал с глаз долой ополовиненную бутылку. Сжевал пирожок с яйцами и луком. У пирожка был какой-то особый вкус, не такой, как у тех, которые он покупал. Вышел из домика, разделся по пояс и долго мылся из рукомойника, что висел на столбе. Под ним на чурке стоял таз с отбитой в нескольких местах эмалировкой. С остервенением чистил зубы, три раза выдавливал пасту на зубную щетку. Истратил чуть ли не полведра воды, когда полоскал рот. Стало лучше. Тщательно побрился, много вылил на щеки, подбородок и шею туалетной воды «Настоящий полковник». На этикетке был изображен бравый вояка, который считал себя сердцеедом. Теперь полный порядок! Приклеил накладные усы. Посмотрел на себя в зеркало и рассме-

ялся. Увидел бы его сейчас кто-нибудь из знакомых! Ни за что не узнают!

В солнцезащитных очках он был теперь похож на Джеймса Бонда, только моложе и красивее, подольстил он себе. Да его сейчас мать родная с трудом узнает. Он сам себя не узнает. На шпионов, известно, никто внимания не обращает. А если обращают, так только на плохих шпионов. Его миссия в Чернореченске пока чисто шпионская. Бросят на такого типа быстрый взгляд: «А! шпион!» и тут же забывают об его внешности. Начисто! Спроси их потом:

– А как он выглядел? Внешность какая?

– Ну, как? Большие черные очки, усики, шорты. Ну, там нос, рот, уши, само собой. Как все выглядят. Ничего особого.

– Форму губ, лица, носа, ушей запомнили? Что-то характерное?

– Да что-то не припоминаю. Ну, на шпиона очень похож. По телеку как-то показывали.

И всё! Вот что такое настоящий шпион!

Пошел к школе. Напротив школы через дорогу была автобусная остановка. Такой козырек, закрытый сверху и с боков и со скамейкой в виде буквы П. На столбе расписание движения автобусов. Народ приходил, ждал автобуса, уезжал. Кто тут на тебя обратит внимание? Стоит парнишка, по-обычному укомплектованный, ждет своего рейса. Бросили быстрый взгляд и тут же забыли. Вот если бы клоун какой-нибудь стоял!

Перед парадным входом в школу, над которым большими зелеными буквами написано «Добро пожаловать!», фонтан, бьющий тремя струями, рассыпающимся мелким дождем. По периметру фонтан был огорожен большими светлыми камнями с черными отметинами, как на березе. Если подойти близко, то тебя окропляло мелкой сыростью. С трех сторон стояли деревянные скамейки, а за ними кустарник, который подстригала грузная женщина в синем халате и ядовито желтых резиновых перчатках. У нее было свирепое выражение лица.

Курильщики уходили за кусты, чтобы их не видели. Но там не только курили и матерились вволю. Кто-то приносил пиво, а кто и покрепче. Уединялись влюбленные парочки. Женщина два раза на дню ходила туда с красным пластиковым ведром, совком и метлой, собирала окурки, пустые бутылки, попадались и девчачьи трусики. Может, их впопыхах позабывали надеть? А может быть, считали, что теперь это совершенно лишнее.

Прозвенел звонок. Это уже была третья перемена. Может, Пахом проглядел, а, может, и сегодня их не было в школе, но никто из четверки не появился. Заходить в школу Пахом не рискнул. Он поднялся с автобусной скамейки, снял очки и стал рассматривать выходящих. Первыми, как обычно, шумно вылетали младшеклассники. И вот он увидел его, это был Дрищенко, долговязый, с маленьким ротиком, длинным горбатым носом и длинными тонкими руками, болтав-

шимися как веревки. На нем была серая рубашки и джемпер с узорами. Дрищенко остановился на крыльце и, сунув руки в карманы, стал оглядывать школьный двор, на котором резвились детишки. А вот и другой вышел. Максимов. Он едва доставал Дрищенко до плеча, был белобрыс. Рот у него постоянно приоткрыт, голова наклонена вперед и втянута в плечи. Появилась Саня. На ней серая рубашка с короткими рукавами, синенькие джинсики. Троица спустилась с крыльца и направилась к выходу. О чем они говорили, Пахом, конечно, слышать не мог. За ними бежал Филиппов, сильно согнув руки в локтях и прижав их к бокам, кулаки быстро двигались вверх-вниз. Рот его был открыт. Он запыхался.

Пахом быстро надел солнцезащитные очки, сел на скамейку и выхватил из кармана мобильник. Сидит фраерок, ждет автобус, слушает музончик, рассматривает фотки. Но не сводил с них взгляда, изучал каждое движение, каждый жест, как естествоиспытатель изучает поведение муравьев, часами не отходя от муравейника и не замечая времени. Они вышли за чугунную ограду, Дрищенко пнул кирпичную кладку, достал сигареты, протянул сигарету Максимову, Стариковой, засунул себе в рот сигарету, потом сломал пачку и бросил на тротуар. Филипп замахал руками и заматерился. Совсем страх потерял!

– Оставляю! – сказал Дрищенко. – Ну, последние если! Не покупал еще!

Филипп выпустил длинный плевок перед ехавшим «жи-

гуленком».

– Оставит он! Мне целую надо! Я бычком не накуриваюсь. Как будто не знаешь!

Они стояли посреди тротуара, не обращая совершенно никакого внимания на проходящих мимо. Филипп огляделся и, увидев Пахома, стал переходить дорогу. Резко затормозила «хонда», водитель стал зло сигналить, Филипп показал ему средний палец. У Пахома учащенно забилось сердце. Он удивился этому. С чего бы это? Вообще-то это плохо. Значит, он не может контролировать себя. А это никуда не годно. Да, стальные канаты вместо нервов займет бы не мешало.

Он едва удержался от того, чтобы тут же ни вскочить и ни задушить эту мразь. Так человек инстинктивно наступает по бегущему по полу таракану или хлопает себя по щеке, когда на нее сядет комар. Но тут же выругал себя.

– Слышь, чувак! Угости сигареткой! Свои, блин, кончились. Не покупал еще.

Он, вяло, почти не сгибая ног и шаркая подошвами, подошел к Пахому, почему-то всё время покачивая головой. Средний и указательный пальцы у него были желтыми, а на среднем пальце с тыльной стороны была еще и ямочка, что выдавало в нем заядлого курильщика. Начал он курить с первого класса.

– Дорогие куришь, братело! На стольник, наверно, тянет? Да! Тянет!

Филипп покрутил сигарету, поднес ее к носу, обнюхал, потрогал фильтр. Фильтр был жесткий, белый.

– Вроде того, – ответил Пахом. – Дешевку не держим!

– Слышь, братан, а ты кем будешь-то?

Филипп чиркнул зажигалкой и сделал глубокую затяжку.

Задержал дым в груди.

– В смысле? Что ты имеешь в виду?

– Ну, типа, учишься или вламываешь? Ну, то есть работаешь? А?

Филипп стряхнул пепел и плюнул себе под ноги. Оглядел Пахома сверху вниз.

– Типа, учусь. Как-то так!

– В технаре нашем? А?

– Ну, вроде того. В технаре.

Идиотский допрос утомил Пахома. Хотелось уйти.

– На машиниста, блин, или на сварщика? А?

– На сварщика. Говорят, хорошо зашибают.

Отвечал Пахом глухо и в сторону. На Филиппа старался не смотреть.

– Ну, ты идешь, Филипп? – крикнули ему от школьных ворот. Дрищенко махнул рукой.

Максим заложил пальцы и оглушительно свистнул. Проходящая мимо женщина с удивлением посмотрела на компанию. И заругалась.

– Без меня урок не начинайте! Сяс географичка будет мозги пудрить...

Филипп выдохнул дым прямо в лицо Пахома. Но делал он это не для того, чтобы оскорбить. Считал это вполне нормальным.

– Жида погоняло. Кстати, я ей это погоняло придумал. Сяс я ее доставать буду. Балдеж!

Филипп радостно заулыбался, предвкушая, какое удовольствие он скоро получит от урока. Смачно плюнул под ноги.

– Блин, довожу ее до слез. Докладных на меня уже с телевышку написала. А мне по х... ее докладные. Напугала девушку хером!

Филипп радостно захрюкал. Посмотрел на Пахома, как бы приглашая разделить его радость.

– Не! Брателло! Я работать не буду! Я, как дядька! На фиг на дядю гнуться!

Огонек уже подбирался к самому фильтру, и Филипп держал сигарету за фильтр, чтобы не обжечь пальцев. Пальцы у него тонкие.

– Он пятерик зону оттоптал. Всех там ставил! И я буду ставить! Я авторитет! Я сила!

«Неужели он и фильтры выкуривает!» – неприязненно подумал Пахом, бросив взгляд на желтые пальцы. И тут же отвел глаза в сторону.

– Пидорасить, кого захочу! Вот это жизнь! Так же?

Компания Филиппа уже стояла на крыльце. Мимо них проносились малышня, которой они время от времени наве-

шивали оплеухи и пинки. И ржали.

– Учеба или вкалывать – это всё для лохов. Ладно, братан!
Давай!

Филипп посмотрел на школьное крыльцо. Компании уже не было. Только изредка пробежали запоздавшие ребяташки. Уличный шум умолк.

Филипп протянул ему руку. Такое одолжение делает!

– Держи краба, брателло! Всё ништяк!

Бычок он бросил под колеса проезжающей легковушки, хотя на остановке стояла урна. Пахом машинально убрал руки за спину, но одумался и протянул ему ладонь. Зачем возбуждать лишние подозрения? Нужно сделать вид, что он восхищается им и завидует ему. У Филиппа была по-девичьи узкая и вялая ладонь. Такое ощущение, что взял в руку недопросушенную воблу. Рука Филиппа, как змея, выскользнула из его ладони. От омерзения Пахома передернуло. Филипп переходил дорогу, шаркая кроссовками, опустив голову и не глядя по сторонам. Пока он дошел до крыльца плюнул не меньше десятка раз. Пахом с облегчением вздохнул: «Как же я удержался и не убил его!» Филипп зашел в школу. Крыльцо опустело. Вышла техничка в черном халате. Пахом пошел на дачку. По дороге зашел в магазин «Мария-Ра», купил две пачки «Доширака», две бутылки пива и две пачки сигарет. И подумал: «А почему не по три?» С дачки он позвонил Сереге. Когда он сказал, что гоп-компания здесь, Серега, к его удивлению, спокойно ответил:

– Я знаю об этом.

– Как так? – удивился Пахом. Сам-то он только узнал.

– Мы же теперь кореша с Филипповым-старшим. Как никак в одной структуре работаем, защищаем законопослушных граждан от других законопослушных граждан.

«Шутник! Всё бы ты шутил!»

– Он мне и поведал, что братик его с компанией отрывались в соседней деревушке. Она недалеко от Чернореченска. Рассказово или Говорилово. Что-то такое!

– Рассказово! – поправил Пахом. – Туда ходит городской автобус. Я же на остановке сидел напротив школы. Так что изучил расписание движения автобусов. Обращайся! Если вздумаешь покататься!

– Вот! Пили! Покуривали травку, трахнули одну местную девчонку. Ну, без этого, как я понял, у них тусовки не обходятся. Все вчетвером в изощренной форме. Ну, как обычно. В общем-то и всё. Родоки ее узнали. Да и как не узнать, если пришла домой обкуренная, одежда порванная, в пятнах. Хотя, как Филиппов-старший говорил, это у нее уже не первый залет. Пошли с заявой. И тут им крупно повезло, поскольку попали на старшего Филиппова. А тому время от времени приходится отмазывать братика. Провел профилактическую беседу. Одним словом, забрали заявление, еще и поблагодарили, что открыл им глаза на истинное положение дел и на то, что их могло ожидать. Немного проучил братика. Ты, кстати, не заметил у него синяка? Они у него даже регулярно

загораться.

– Ну, что-то желтоватое было под глазом. Я его сильно не рассматривал.

– С того, как обычно, как с гуся вода. Ты сиди, не светись! Завтра к вечеру приеду. Тут всё сложилось, как надо. Так что мероприятие начинает подвигаться к завершению. Или скажем так, план «Икс». Мне это больше по душе.

– Почему «Икс»? А не «Игрек»?

– Да это я так. Ну, назови «Место встречи изменить нельзя», если тебе это больше нравится. Я готов со всем смириться.

– Я назвал «Инсталляция». Точно отражает суть.

– Тоже неплохо. Ну, давай! Не напивайся. Сейчас нам нужны свежие умные головы! Жди меня!

24. У НИХ НОВЫЙ КОМПАНЬОН

– Рота, подъем! Хватит дрыхнуть!

Что такое? Пахом продрал глаза. Что еще за генерал объявился? Соображение пришло не сразу. Конечно, Серега! Вон как жизнерадостно улыбается, помахивая перед самым носом бутылкой пива. Да не пил он вчера! Литр пива для него, что для слона дробинка. Разве можно две бутылки пива называть словом «пил»?

– Видишь, но не получишь, пока не приведешь себя в порядок. Поскольку мы не одни, у нас дама в гостях. Для одевания штанов можно подняться, необязательно это делать под одеялом. Надеюсь, трусы ты не стал снимать?

Из-за Сереги не было видно, кто стоял на пороге, поэтому Пахому пришлось наклониться влево. Он увидел девушку. И первая мысль, которая пришла ему в голову: дружбан решил поразвлечься. Хотя раньше он такого за ним не замечал. Может быть, Серега и встречался с кем-то, но никогда об этом не рассказывал. И вообще не любил разговоров на подобную тему. Но мало ли что! То было раньше, а сейчас, может быть, всё по-другому. Он за себя не может ручаться, а что же говорить о другом человеке. Рассмотрев чуть повнимательней девицу, Пахом отказался от своего предположения. Нет! На такое позариться можно только в полной темноте, зная только одно, что перед тобой красна девица. При

свете дня с ЭТИМ трахаться не потянет!

Именно такую Серега не мог снять. Он любил всё красивое. Фильмы, музыку, женщин. Любое безобразное и отвратное отталкивало его. Хотя он не всегда был прав. Дома у них стояли книги только в твердом переплете. «Мягкая обложка- фу! Какая пошлость!» Многие с золотым тиснением и шмуцтитулами. Шмутц – по-немецки «грязь». То есть бумага, защищавшая книги от грязи. В зале висело несколько малых голландцев. Не подлинников, конечно. Но Пахом знал, что и копии стоят недешево. Вкус чувствовался. Никаких постеров он не признавал. У себя в комнате он держал на стене только художественный календарь и портрет Че Гевары. Хотел еще достать великого кормчего Мао. Слушал классическую музыку. У него был дорогой стереопроектор. Одевался недорого, но со вкусом и никогда не мог себе позволить мятой рубашки. Это же была пигалица, невысокая, с длинной, как у лошади мордой, большим носом, маленьким ротиком, который можно было кормить только из чайной ложки и с резко выступающими ключицами, как у голодающего подростка. Зубы же были у него большие и неровные. Правда, глаза выразительные, умные, грустные глаза. Пожалуй, это было единственное, что привлекало в ее внешности. Но дешевые очки с толстыми линзами и большой черной оправой и это достоинство сводили на нет. Такие особы могли быть кем угодно, даже киллершами и тайными ма- ньячками, но никак не барышнями легкого поведения, пото-

му что даже последний бомж не позарился бы на них. Кто на нее мог клюнуть при такой внешности, угловатой фигуре, еще и короткими и кривоватыми ногами? Бывают же особы патологически некрасивые! Дальше Пахом не стал развивать свои соображения, разумно решив, что вскоре всё разъяснится само собой. Ведь для чего-то привез ее Серега сюда? Значит, так надо. Что же он задумал? Но и об этом Пахому не хотелось размышлять. Он прыгнул в джинсы и надел футболку с дурацкими английскими надписями. Кажется, не вполне пристойными.

– Я выйду носик подпудрю, – сказала девица. – А вы тут можете пошептаться, обсудить мои женские достоинства. Это постоянно делают за моей спиной.

Однако, она не лишена чувства здравого смысла. Юморит над своей внешностью.

– Зря ты воротишь нос, дружище! – сказал Серега, когда девица вышла. – Это необычайный человек! Титан!

– И зачем нам этот необычайный человек? Тем более титан?

– Знаешь, я боюсь, что напортачу. Я ничего подобного не делал. Так, только теоретическое знакомство. А Рита... ее Ритой зовут... уже делает сложные операции на уровне доктора медицинских наук. Это феноменальный феномен, прости за тавтологию. Это уже гордость нашей медицины! Уже!

– Она учится? Или практикует?

– Учится. Но в основном практикует, работает, делает

операции, много пишет. Ее настойчиво звали в Штаты, Германию...

– А она, естественно, отказалась? Хотя можно и не спрашивать об этом.

– Представь себе! Отказалась!

– Не могу представить! Но дело не в этом, Серега. Даже, если ты напортачишь и кто-то сдохнет, даже все сдохнут, туда им и дорога. Но зачем нам лишний участник? Да еще и баба! Да еще такая!

– Извините, что стала невольным свидетелем вашего нелицеприятного разговора обо мне. Да нет, не смущайтесь!

Рита стояла на пороге, кротко улыбаясь. Через плечо у нее была перекинута сумочка.

– Позвольте, Сергей, я вмешаюсь в вашу беседу и сама попытаюсь объяснить, почему я здесь и кто я такая. Может, у меня получится доходчивей!

– Да, Риточка! Ты это сделаешь лучше, чем я! В твоих способностях я никогда не сомневался. Приступай к делу!

– Я понимаю тебя, Пахом. Каждая мужская особь предпочитает видеть красивую самку. Это биологическое, заложенное природой. Увы! Я не доставляю такого удовольствия. И поэтому сочувствую тебе.

Рита села возле стола. Сумочку положила на стол.

– Не надо только этой демагогии! – буркнул Пахом.

– Когда я была маленькой, я, как и все дети, конечно, играла. Играла в больницу. То есть была врачом.

Рита глядела на Пахома, не улыбаясь, но глаза ее смеялись. Свойство очень сдержанных натур. И самокритичных.

– Другие дети тоже играли в больницу, в магазин, в папу-маму, в пожарников. Ты, наверно, играл в военного.

Пахом отвернулся к окну, покачивая головой в такт ее словам. Мол, мели, Емеля! Нам это очень интересно. Сейчас я расплачусь.

– Я была только врачом. Больше никем! Дома я ставила куклам градусники, накладывала компрессы. А когда кто-то из семьи заболел, это был настоящий праздник для меня. Я не отходила от больного.

– Всё понял! – пробурчал Пахом. – Родилась в белом халате.

– Человеку настоящее наслаждение могут доставлять не только сексуальные ощущения, но и работа мысли, те открытия, которые он делает, успехи на работе и в учении. Психомоциональный тонус этих наслаждений может быть не менее ярок, чем наслаждение от полового акта. А порой он более высок, продолжительней и гораздо тонче! Правда, у меня это теоретические знания.

Пахом поднял глаза к потолку и что-то прошептал, похожее на заклинание. А может быть, это было ругательство, и ему пришлось проявить сдержанность, чтобы не высказать его вслух. Но Рита не обращала никакого внимания на его манипуляции.

– Если я захочу, я могу завести ребенка. И могу позволить

себе секс, если захочу. Способов предостаточно, даже для такой уродины, как я.

– Ага! – согласился Пахом, быстро оглядел Риту и отвел взгляд к окну, за которым качался высокий кустарник ирги. На ветках сидела стая воробьев.

– За деньги можно купить всё. Пусть не любовь, но физиологический акт. Может быть, захочу со временем. Но пока не хотелось! Это честно! Впрочем, можешь не верить ни одному моему слову.

Пахом попытался представить, как выглядит голая Рита. Представление никак не получалось.

– И насколько мне еще запастись терпением, – спросил Пахом, – чтобы выслушивать эти бредни? Зачем всё это выкладывать.

А когда всё-таки представил, то голая Рита показалась ему еще непривлекательней, чем в одежде. «А ты бы стал за деньги?» – спросил он себя.

– Мне Сергей всё рассказал. Про тебя, Пахом.

Серега кивнул головой. На лице никаких эмоций.

– Операция несложная. Но лучше бы вначале попрактиковаться на животных. Мне уже приходилось это делать на людях. По медицинским показаниям.

– Животных не жалко? Если это, конечно, не крысы. С людьми-то всё понятно.

– Мы совершаем преступление. Это называется членовредительством. Да еще в сговоре. Срок может выйти прилич-

ный.

– Какое точное выражение! Как говорится, не в бровь, а в глаз! Членовредительство! Но как раз члены-то у них останутся.

Пахом засмеялся. Это был нервный смех.

– Какой мне смысл идти в тюрьму? – спросила Рита. – Вы подумали об этом?

– Кто тут собрался идти в тюрьму? – спросил Серега, жаривший шпекачки. Из запах, должно быть, был слышен даже на улице. Пахом открыл форточку.

– Есть такое выражение «третий лишний». В данном случае вы, Рита, лишняя, – сказал Пахом. – Приношу свои извинения.

Рита впервые улыбнулась. Из сумочки, которая лежала возле нее, достала плоскую пачку, вынула тонкую дамскую сигаретку и закурила. Держала сигаретку она по-дамски, то есть двумя прямыми пальцами.

– Вам нужна психологическая реабилитация, Пахом! Иначе вам может грозить какое-нибудь расстройство.

Пахом забыркал губами. Рита снова улыбнулась, сделала несколько затяжек и медленно затушила бычок о край стеклянной поллитровой банки, наполовину заполненной пеплом и окурками. Нагнулась над сумочкой, недолго задержала там руку, достала и протянула, держа за ствол, Пахому пистолет. Пахом машинально отодвинулся к стенке. Первая мысль была о том, что это муляж.

– Иди и убей их! Пистолет заряжен. Нужно снять только с предохранителя. Быстро и всерьез.

Рита показала, как это делать. Пахом еще дальше отодвинулся к стене. Серега забыл про обед. Смотрел на Риту с открытым ртом.

– Я покажу, как это делается. Ведь ты никогда не держал оружия в руках. Вот так берешь...

Рита вытянула руку к окну. Зажмурила левый глаз. Пахом проглотил слюну и затаил дыхание. Однако, Рита не так-то проста.

– Да! Не держал! – сказал он. – В тире, правда, стрелял. Ни разу не попадал.

– Видишь, как всё просто! Прицелился и нажал на спусковой крючок. Всё! Враг твой – покойник. С двух шагов не промахнешься!

– Всё? Как это просто.

– Всё! Проще пареной репы.

– Действительно, как просто убить человека. Нажал и человека нет.

Рита опустила руку с пистолетом. Посмотрела на Пахома.

– Я не хочу их убивать. Я хочу, чтобы их жизнь превратилась в мучение, в пытку, чтобы они больше никому никогда не причинили зла. А убить – нет, это не для них. Героями они не будут.

– Кушать подано! Идите жрать, господа! – бодро скомандовал Серега. Он уже успокоился.

Стал резать хлеб. Потом расставил бокалы. Поставил на газплиту чайник. Зазвякал ложками. Расставил всё на столе.

– Поиграли и хватит! – сурово сказал Серега. – Кстати, Пахом, у Риты есть право на ношение табельного оружия. Вот так-то, дружище!

– Что? Она мент? Или Джеймс Бонд?

– Бери выше! Джеймс Бонд – это растереть и вытереть.

– Ё! неужели... не могу поверить.

– Еще выше! Выше бери планку!

– Неужели? Да быть того не может!

– Это тайная структура, о которой знает лишь несколько человек.

Пахом рассмеялся. Он уже успокоился.

– Зря смеешься, дружище! Менты сдают табельное оружие после дежурства. Ну, теперь до тебя доходит! Она не мент!

– Ладно! Доходит! Хорош прикалываться! А всё-таки носить оружие в сумочке – это как-то по-женски!

25. КОГДА КРОВАТНЫЙ СКРИП ПРИЯТЕН

Грохот был слышен на самой далекой окраине Чернореченска. А что вы хотели? Субботний вечер. Молодежная дискотека. Такое мероприятие не мог пропустить ни один чернореченский инфантил. И жизнь у них в основном шла от дискотеки до дискотеки.

– Я их срисовала,– крикнула Рита. Здесь можно было только кричать, чтобы тебя услышали. – Надо подождать! Они еще только разогреваются. Да! Для психиатров здесь немеренно работы. Такой материалец для докторской диссертации!

После дерганий в потной ревущей толпе многие отправлялись в сторонку к кустам отлить, принять горячительного, потрахаться. Четверка, сначала кучковавшаяся, вскоре распалась. Это было не совсем хорошо.

Решили разделиться. Пахом наблюдает за Филиппом Филипповым, Серега за Максимовым, а Рита за Дрищенко и Стариковой. И постоянно держат друг друга в курсе. Через минут десять у Пахома пропел мобильник «Возьми меня!» Звонила Рита. Пахом отошел немного в сторону, чтобы можно было услышать. Одно ухо прикрыл ладонью. Раздался голос Риты.

– Дрищенко подцепил девчонку лет четырнадцати с распущенными волосами, в коротких спортивных трусах с широкими красными лампасами и белой маечке с драконом. На обеих руках много всяких фишечек. Девчонке лет четырнадцать – пятнадцать. Бухая. Повел ее к кустам. Наверно, займутся групповухой. Так что подтягивайтесь!

– Ясно. Не сонеты же Шекспира будут там ей читать. Скорей бы всё это закончить!

– Я попробую перехватить их. Попробую как-нибудь заболтать.

– Хорошо, Рита! Только осторожней! Не забывай, что перед тобой неадекватные уроды. От них можно ожидать самой непредсказуемой реакции.

Мимо Пахома двое парнишек провели в стельку пьяного паренька. Тот невнятно бормотал.

– Учишь ученого! Сам не засветись!

– Я звоню Сереге, и мы с ним подтягиваемся. Будем на подстраховке. От них не знаешь, чего ожидать. В общем, Рита, осторожность!

Дрищенко с девчонкой направлялся к кустам, откуда неслись визги, хохот и вылетали пустые бутылки. Возле кустов то тут, то там сидели компании молодежи, курили и пили. При неярком освещении и на расстоянии были видны ярко накрашенные губы девчонки, сильно подсиненные глаза. На ногах у нее были кроссовки. Дрищенко положил руку на ее худенькие ягодицы. Между короткой майкой и трусами было

обнаженное тело и чуть повыше на копчика красным фла-мастером нарисована роза и солнце. На земле эта «наколка» быстро сотрется.

– Куда же смотрят родители? – пробормотал Пахом. – В стаканы с бухлом. А дочь им до фонаря. Уверены, что она проститутка или станет ею, и махнули рукой. Зато и голова ни о чем не болит. Кого пороть вопрос: детей или родителей?

Дрищенко, кривя губы, что-то говорил девчонке. Она почти непрерывно смеялась. И, вероятно, думала, что у нее появился очередной поклонник, который будет носить за ней рюкзак в школу. Рита шла им навстречу, остановилась и закурила длинную сигаретку. Сигаретку она держала посередине длинными прямыми пальцами и выпускала дым, сделав губки буквой О. Такое не могло не привлечь внимания.

Пахом медленно брел по дорожке. Из-за спины парочки приближался Серега. Не дойдя десятка шагов, он остановился за фонарным столбом и облокотился на него спиной. Сложил руки на груди.

– Блин! Я балдею, какая уродина! – Дрищенко заржал, показывая пальцем на Риту.

Девчонка захихикала, неприязненно оглядывая Риту. Рита не обращала на них внимания, смотрела куда-то в сторону.

– Сюда-то на фиг приперлась? – фыркнула девчонка. – Людей пугать. Страшина!

Дрищенко хлопнул ее по ягодицам. Девчонка ажно под-

прыгнула.

– Ну, больно же! Ну, чо ты!

Девчонка как будто кому-то жаловалась. Но обиды не было.

– Обработаем! – пообещал Дрищенко и шагнул навстречу Рите, скривив губы.

На лице его была написана наглая решимость, которая исчезала быстро, как только он чувствовал опасность. Но сейчас никакой опасности.

На ходу он громко проскандировал:

– Здорово, корова!

– Справку показать из вендиспансера? – спросила Рита.

Тоненькой струей выпустила дым.

– Чо это такое? Не понял!

– Неважно. Одно заведение. Для обслуживания больных.

– Дорогие сигареты куришь!

Губы Дрищенко скривились еще больше.

– Я и стою дорого, дорогой ты мой!

– Не! Не верю! Если только на морду накинуть полотенце!

Или в хлам напиться.

Дрищенко заржал. Иго-го!

– Ты ко мне клеишься? Я правильно поняла?

– Я чо его на помойке нашел? Тоже куда попало не пихаю.

Девчонка захихикала. Она почувствовала себя королевой.

– Чего надо, красавчик?

– Закурить надо! А чо?

– И этой тоже закурить?

Рита поглядела на девчонку. Та презрительно фыркнула.

– Я не эта,– сказала девчонка. – Это ты эта! Мымра! Обезьяна! Уродина! Страшина!

Дрищенко заржал. Иго-го!

– Вам повезло. Я не обидчивая,– сказала Рита и протянула пачку толщиной с книжный картонный переплет.

Дрищенко передал пачку девчонке, которая стала ее крутить с разных сторон и читать надписи. Акцент был еще тот!

– Бери!– сказал Дрищенко. – Я такие не курю. А ты, наверно, такие дорогие и не пробовала? Видишь, какой я добрый!

Девчонка кивнула. И влюбленно посмотрела на своего Ромео.

– Всякие вообще-то пробовала,– сказала она. – Подумаешь!

– А сяс попробуешь ваще такие толстые длинные гаванские сигары. Тебе они понравятся.

Дрищенко заржал. Иго-го-го!

Девчонка, не понявшая юмора, захихикала. Вытащила сигаретку из пачки и стала рассматривать ее.

– А ты крутой! – восхищенно сказала Рита. – Я балдею от тебя!

Дрищенко принял ее слова за чистую монету. Он был польщен. Даже слишком. Выпрямил спину и стал чуть повыше. Хоть уродина, но вроде ничего, с понятиями. Не то, что эта

мокрощелка! Ну, сейчас ее гуртом отшпарим!

– Тут мы рулим! – сказал он. – Всех ставим по порядку! Нас тут уважают! Мы крутняк. Нас даже мусора боятся трогать.

– Кто бы сомневался, – сказала Рита. – Я сразу это усекла. Я хотела бы подружиться с вами.

Со стороны кустов к ним направилась троица: Филиппов, Максимов и Старикова. Шли они не торопясь. Они же не какие-то сявки, чтобы егозиться и прыгать, как блохи. Пахом отодвинулся в тень. Серега остался за фонарным столбом, только сменил позу. Изредка поглядывал на приближающуюся троицу.

– У меня колеса есть! – радостно воскликнула Рита. – Отпадные, блин, офигенно!

Дрищенко вздрогнул от неожиданности и вначале не смог понять, что она имела в виду. Когда до него дошло, он присвистнул, хлопнув опять девчонку по заднице:

– Офигеть! Я балдею!

Он увидел приближающуюся троицу и помахал им: идите сюда. Здесь заваривается крутняк.

– А ты мне начинаешь нравиться! Была бы ты покрасивей еще! Я бы тебя отшпандорил!

Девчонка фыркнула. Она была недовольна.

– Стараюсь! – сказала Рита. – Моя мечта тебе понравиться.

– А какие колеса? Крутые?

– Я имею в виду тачку. У меня есть тачка.

– Какая тачка? Иномарка?

– «Тойота». Черная. С аудиосистемой.

– Круто! – восхитился Дрищенко. – Никогда б не подумал!

– И для улета тоже есть колеса. Вмиг упорхнешь! Океан эмоций! Обалденные колеса! У меня есть хороший знакомый, он мне их подгоняет.

– Я тебя здесь раньше что-то не видел. Такое увидишь, на всю жизнь запомнишь.

– А мы недавно переехали. Квартирку тут купили. На улице... ой! блин! Забыла!

Подошла троица. Какое-то время рассматривали девиц. Глядя на Риту, морщились.

– Я эту обезьяну не буду! – сказал Максимов. – А вот эту буду! Попа у нее ничего!

Девчонка улыбнулась. Комплимент ей понравился.

Максимов схватил девчонку за маленькую грудку. Разрез на маечке опустился вниз, обнажив верхнюю половину грудки. Девчонка вытянула губки и прерывисто задышала. Щечки покрылись румянцем.

– Чо лапаешься? Я не твоя! Я вообще-то с ним! Он мой парень!

Она умоляюще поглядела на Дрищенко. Вся четверка заржала. Максимов убрал руку. Хлопнул ее по заднице.

Девчонка не понимая, что происходит, захихикала, бро-

сая взгляды то на одного, то на другого. Во взгляде ее читалось, что перед ней удивительные яркие парни, дружба с которыми ей много даст. Она мечтала попасть в их компанию.

– Прикинь, Филипп! – сказал Дрищенко, когда ржанье прекратилось. – Приехала на дискач на точиле. «Тойота». И еще говорит, что у нее колеса есть клёвые, улетаешь быром! Знакомый один подгоняет.

Филипп приблизился к Рите. Остановился в полуметре.

– Если насвистела, знаешь, что мы с тобой сделаем? По-режем на кусочки!

Рита сделала испуганное лицо. Прикрыла ладонями рот.

– Я же не дура, чтобы врать тебе, Филипп! Зуб даю! Ништяшные колеса, офигенные!

Филиппу ответ понравился. Он похлопал ее по плечу.

– Была бы ты покрасивей, я бы тебя продрал! Что же ты такая страшная?

– Мы не успели сюда приехать, как повсюду только и слышно «Филипп! Филипп! Да он такой! Да он самый крутой!»

Филипп скривил губы в улыбке. Ему это понравилось.

– Я же тут всех ставлю. Я же зону топтал по хулиганке. Прикинь, лоха одного забомбашил!

Остальные заржали. Филипп грозно оглянулся. Все замолчали, сделали серьезными лица. Нельзя показывать, что Филипп врет.

– Я тебе наколки покажу. У меня даже есть здесь! Хошь

покажу? А?

Филипп положил себе руку на промежность. И подергал руками.

– Офигеть! – восхитилась Рита. – Ништяк как круто!

Никто ржать не рискнул. Филии вытащил из кармана джинсов выкидной ножик. Несколько раз щелкнул кнопкой. Выскакивающее лезвие – это красиво!

– Ну, чо, пойдём глянем на твою точилу? – спросил-скомандовал Филипп. – Я вообще на всяких катался!

Девчонке явно не нравилось, что внимание с нее переключилось на эту страхолюдину. Она надула щеки.

– Пойдем! – кивнула Рита. И широко улыбнулась.

Но не успели они сделать несколько шагов, как со стороны танцпола раздались душераздирающие крики. Четверка, забыв обо всем, рванула туда. Девчонка остановилась в растерянности. Она не знала, куда ей бежать.

– Бежим! Там что-то случилось! Ну, чего стоишь?

Побежали. Следом за ними Пахом и Серега. Никто не танцевал, хотя музыка грохотала. И это было очень необычно.

Продрались сквозь толпу. На заплеванной земле лицом кверху лежал пацанчик лет пятнадцати в длинных шортах и кроссовках. На подошве кроссовок прилипла грязь и окурки. Глаза его были широко раскрыты и неподвижны, он прерывисто, со свистом дышал и каждый раз грудная клетка под футболкой с рейнджером вздымалась и опускалась. Руки и ноги были раскинуты в стороны и подергивались, как будто

его тело то и дело пронзал ток. Из уголка губ текла густая белесоватая слюна. Возле него прямо под боком медленно росла темно-красная лужица. Кровь не впитывалась в хорошо утоптанную площадку, поверхность которой была твердой, как асфальт. С правой стороны ниже грудной клетки торчала цветная наборная плексиглазовая ручка ножа, которые сейчас редко встречаются. Подобные ножи делают умельцы. На зоне.

– Вызовите же «скорую помощь» наконец! – прозвенел девичий голос. – Кто-нибудь вызовите «скорую»!

Несколько человек судорожно тыкали в мобильники, кричали «алло! Скорая! Да где вы там? Приезжайте! Тут человека убили!»

– Больница рядом! Можно донести! Парни! Берите его! Чего вы стоите?

– Его нельзя трогать! Вы понимаете это? И полицию надо вызывать! Не трогайте его!

Но никто не решался приблизиться к раненому. Кто-то плакал навзрыд.

– Вытащите нож! – раздался истошный вопль.

– Нельзя нож вытаскивать! Он кровью изойдет! Чо совсем дураки!

– А где тот, который ударил? Где он? Который ударил?

Рита пробормотала (она была в растерянности):

– Доскакались! Этого и следовало ожидать! Господи! Что творится!

– Жалко парнишку! Ни за что!

Выбрались из толпы и направились к машине. Никто на них не обратил внимания. За их спинами по-прежнему кричали, кто-то из девчонок плакал, заходясь в истерике: «Убили!» Через несколько минут здесь будет вся чернореченская ментовка. Даже гаишники подтянутся для оцепления. Подобное, хотя и не часто, но периодически случалось. На кладбище даже была улица Молодежная.

– Черт! Что же так не везет! Ну, как на зло!

Они уже были на дачке. Пахом сидел за столом, стучал по нему кулаками и неподвижно смотрел в окно, как будто видел там кого-то, который крутил ему фиги.

– Что ты, выюноша, не весел? Что ты голову повесил? Не всё и не всегда проходит по намеченному плану, – пытался успокоить его Серега. Он готовил быстрый ужин.

Пахом бросил на него сердитый взгляд. Сейчас Серега его раздражал.

– Второй раз срывается. Это плохая примета, Серега! Мне кажется, что ничего у нас не получится. Мы обречены на неудачу.

– Это плохой план, – спокойно проговорила Рита, которая решила помочь Сереге приготовить поздний ночной ужин. Но командовал кулинарными делами всё-таки Серега. – Изначально этот план мне был не по душе. Вы решили захомутать их на дискотеке, этом шумном многолюдном сборище всей окрестной молодежи, куда приезжают даже из деревень.

И вот в этом содомском сборище нужно отыскать этих уро-
дов, собрать их до кучи, уговорить оторваться от столь увле-
кательного для них мероприятия и увезти. Много сложно-
стей. Кто-нибудь непременно увидит, как они будут садить-
ся в машину. Да и они скорей всего скажут кому-нибудь, что
их пригласили прокатиться в одно место. Слишком много
риска.

– Риск есть, – кивнул Серега. – А ты что предлагаешь за-
брать их в будний день из школы прямо с уроков или на пе-
ремене, когда их окружает толпа не меньшая, чем на диско-
теке? У тебя есть другое предложение?

– У них своя компания. Тусуются они вместе. Или вы счита-
ете, что по вечерам они сидят дома и делают домашние за-
дания? Ну, то-то же!

Пахом усмехнулся, представив себе эту картину. Наверно,
нужно слушать Риту.

– Собираются вместе, куда-то идут, курят, бухают, может
быть, нюхают что-нибудь, кого-нибудь трахают по очереди.
Жизнь у них очень серая и однообразная. Полное отсутствие
иных интересов. Это их времяпрепровождение. Достаточно
проследить за одним из них, когда он выйдет из дома. В ка-
кой-то точке они все соберутся. После чего всю эту гоп-ком-
панию можно взять голыми руками. Они поведутся на лю-
бую халяву: бесплатное пойло, наркотики, потрахаться, по-
смотреть порнушку. А вы зациклились на дискотеке, самом
худшем варианте после школы. С дискотекой связано очень

много рисков. И к тому же дискотека всего лишь раз в неделю. Значит, еще целую неделю ждать?

– Я тебе, Пахом, говорил, что Рита умница! – воскликнул Серега. – Действительно, как всё элементарно разложила по полочкам. Что же эта простая идея нам не могла прийти в голову? Или мы тупые?

– Ты прав, – согласился Пахом. – Дураки мы с тобой, Серега! Могли бы и сами до такого додуматься. Зациклились на этой дискотеке, будь она неладна. Если бы сегодня во время не слиняли... Я думаю, всё же нам придется подождать из-за этого убийства. Вся ментовка на ушах. Будут трясти чернореченскую молодежь. А там, кто его знает... Будем ждать!

Улыбнувшись, Рита устало проговорила:

– Да убийца уже в ментовке. Сопли по щекам размазывает. И через слово маму вспоминает. Его же столько людей видели. Начинаем завтра в воскресенье. До обеда они будут спать, как обычно. Потом очухиваться, чесаться, созваниваться, а затем сползаться вместе. Нужно опохмелиться. Да и что делать дома целый выходной? Завтра у нас всё получится. Вот увидите!

Пахом с удивлением глядел на нее. Он видел перед собой совершенно другого человека. «Она мне показалась симпатичной», – подумал он. Ее уверенность передалась им. У Сереги заблестели глаза и открылся чрезвычайный аппетит. Пахом уже не глядел в окно. Он вспомнил, что у него осталась отполовиненная бутылка водки. Он сунул руку за пе-

реднюю стойку кровати и с торжествующей улыбкой извлек бутылку. Конечно, Серега пить не стал. Он редко принимал такие крепкие напитки. А вот Рита выпила стопочку. Она взяла ее за верхний ободок, лицо ее стало серьезным. А когда она пила, пила не сразу, как Пахом, а несколькими глотками, то мизинчик отставила в сторону. Пахому даже показалось, что через бледную кожу он видит косточки. Она перекусила, и Пахом разлил по второй, Рите чуть поменьше, почему-то он посчитал, что так требует этикет. После второй стопки щечки Риты чуть заалели, а губы стали влажными. «Она, в общем-то, ничего!» – попытался убедить себя Пахом. И улыбнулся ей.

– Я почему-то был уверен, что ты не пьешь, – сказал он. – И снова ошибся. Не разбираюсь я в людях. Совсем не разбираюсь.

Рита кивнула, прожевывая поджаренную сардельку. Ела она мелкими кусочками.

– Знаешь, бывают такие трудные операции. Да, Сергей, наверно, говорил тебе, что я подрабатываю в поликлинике. По два-три часа на ногах. Не то, что физически устанешь, а напряжение адское. Отвлечься нельзя ни на одно мгновение. Каждая клеточка в напряжении. Чуть-чуть дрогнет рука, и отправится человек в мир иной. А для хирурга – это страшное дело. Каждый очень сильно переживает смерть своего пациента. Пот летит градом. Девочки-ассистенты не успевают промокать. Глаза застилает. Целая гора тампонов. В ка-

кой-то миг начинаешь чувствовать, что это никогда не закончится. И всё же заканчивается. Сначала самой не верится. Неужели всё? Я всё сделала? Постой! А может быть, я чего-то забыла? Прокручиваешь всю операцию. По телу разливается свинцовая тяжесть. Даже языком пошевелить не можешь. Отвечаешь на вопросы односложными словами: «Да! Угу! Ну! Вот! Ага!» Да головой киваешь. Потом достаются пробирочки, такие длинные узкие пробирочки. И как я поняла у хирургов и их помощников это стало традицией. По крайней мере, в той поликлинике, где я работала. Наливают неразведенный медицинский спирт. Пьют, всё выше закидывая голову. Спирт медленно вытекает из пробирки. Вот сначала язык обжигает. Потом гортань, потом желудок. Как будто вылила в себя огонь. И первая мысль – в первый раз это точно – зачем я это сделала, я сошла с ума. Помню, слезы фонтаном брызнули, как у клоуна на арене. Думала, задохнусь. Широко раскрыла рот и глотаю воздух и не могу его захватить. Сердце учащенно бьется. Тебе уже предусмотрительно протягивают стакан с водой. И взгляды всех присутствующих обращены к тебе, а на лицах играют улыбки. Неофитка! Глотаешь судорожно воду. Сначала какое-то оцепенение. Внутри тебя начинает разливаться теплота, такая приятная теплота. Она идет волнами снизу вверх до самой макушки. Вот становится легко и весело. Начинаешь болтать и смеяться. Хотя в первое время даже не понимаешь смысла того, что говорят. Но все смеются, и ты смеешься. Даже за-

поешь иногда. Смешно? Ведь правда?

– Да! – восхитился Пахом. – Лучшей рекламы алкоголя я не слышал. Плохо, что ее сейчас запретили. При такой рекламе все твои пациенты со временем станут закоренелыми алкоголиками. Bravo! Рита! Ты чудо!

Бутылка была пуста. Рита кивнула. Они засмеялись. У Пахома была добрая улыбка.

– Так! Ребята! Спать! – скомандовала Рита. – Завтра у нас напряженный день. И силы нам – ой! как понадобятся. Я сказала баиньки!

Как-то незаметно она взяла на себя роль командира, хотя вроде никто ее на это не уполномочивал. Они беспрекословно подчинились ей и стали укладываться. Рите, как даме, отдали панцирную кровать, которая громко скрипела каждый раз, когда она переворачивалась. Пахом слушал скрип и улыбался.

26. ЕЩЕ ОДИН КОМПАНЬОН

С утра в дачном домике закипела работа. Они готовили операционный стол из панцирной кровати, проводили к нему яркое освещение. Рита проверила, весь ли инструмент. Оборудовали стационар, куда отправят пациентов после операции, где они, как выразилась Рита, будут реабилитироваться, на что Пахом заявил, что реабилитироваться могут только невинно осужденные. Рита консультировала Серегу, как и что. Тот кивал головой. Согласно кивал и безропотно выполнял ее приказания.

– Заруби себе на носу! В операции нет мелочей. Здесь всё важно! Работать надо быстро, но без спешки. Если поспешишь, не только людей насмешишь, а загонишь пациента в могилу, – менторским голосом поучала она Серегу.

Пахом не мог слышать без какого-то естественного отвращения медицинские подробности, а потому то и дело выходил из комнаты на крыльцо покурить или просто посидеть. Несколько раз ему пришлось съездить в аптеку и по магазинам прикупить необходимое. Даже самый предусмотрительный не может всё предвидеть. Не хватало то одного, то другого. «Миниоперационная» для принятия больных на всю голову была готова. Она еще раз осмотрела всё и осталась довольной. На дачке запахло больницей.

– Очень хорошо, плотно кушаем! – сказала Рита, когда

они сели за стол. На этот раз Серега порадовал обжаренной курочкой. Корочка была хорошо прожарена и хрустела на зубах. – Дальше у нас не будет ни одной свободной минуты не то, что перекусить, но и перекурить. Не расслабляемся, ребята!

Она строго поглядела на юношей. Они выпрямили спины.

– Сто грамм для смелости позволяется? – с робкой надеждой спросил Пахом, хотя вчера ополовиненную бутылку они прикончили. Кто же ему разрешит сейчас бежать в магазин? Спросил так, для бравады.

– Пока всё ни закончим, ни миллиграмма! Ни капли! Ни маковой росинки!

Рита так глянула на него, что он понял, всякое непослушание недопустимо и наказуемо. Наигранно тяжело вздохнул.

– Главное, ребята, никакого сомнения, колебаний, волнения и самостоятельности. Действуем строго по плану. Всё выполняем быстро и четко. Рефлексия и угрызения совести недопустимы. Вы уже не люди, а роботы, в которых заложена программа. Малейший сбой программы ставит под угрозу выполнение плана. Надеюсь, это понятно? Действуете чисто механистически! – голос ее был сух.

– Но могут же возникнуть непредвиденные обстоятельства, – сказал Серега. Но как-то нерешительно. – В боевой обстановке поощряется инициатива и самостоятельность. Об этом даже Суворов говорил своим чудо-богатырям. Вроде бы так! Мол, солдат должен и сам шевелить рогом.

– Моя рука должна лежать на пульсе. Если возникнет нештатная ситуация, немедленно ставьте меня в известность и действуйте только после моего распоряжения,– твердо произнесла Рита. – Вы не служили в армии, но думаю, что вам известно, что приказы командира не обсуждайте. О моих достоинствах будете злословить после завершения операции.

Она взглянула каждому в глаза. Серега заморгал ресницами.

– Здесь командир я. А вы рядовые! Или вы не согласны с чем-то? – она переводила взгляд с одного на другого.

И снова каждому заглядывает в глаза. Серега тяжело вздыхает. А Пахом отводит взгляд. Куда ж ему деваться?

– Откуда такая железобетонная уверенность, что на этот раз, то есть сегодня, у нас всё непременно получится? – спрашивает он. Хотя уверен, что получится.

Ему так хочется, чтобы она была права. И он верит, что она не может быть не права.

– Откуда? А? Ну, откуда?

– От верблюда! Я понятно объясняю?

– Ответ лаконичный и исчерпывающий. Больше вопросов не имеется, товарищ генералиссимус! – чеканит Пахом.

– Товарищ генерал! Пардон! Генералиссимус! А можно щелкнуть каблуками? – спрашивает Серега. Он подскакивает с тупым лицом.

Стоит на вытяжку. Не дрогнет ни один мускул.

– Нащелкаешься еще сегодня! Ладно, ребята! Доедайте, допевайте свой кофе! – распоряжается она, уже не сомневаясь в их исполнительности. Бунта на корабле она не допустит. – Я звоню Филиппу Филиппову. Такое ощущение, что мне сейчас придется звонить другому Филиппу. Киркорову! Это было бы не лучше.

Она морщится. Может, вспомнила знаменитую конференцию и журналистку в розовой кофточке.

– Откуда у тебя его номер? – спрашивает Пахом. Хотя современные технологии...

– Оттуда, откуда и моя уверенность. Удовлетворен моим ответом?

Всё понятно. Вышла. Как-то у нее получается бесшумно закрывать за собой двери.

– Нет, Серега! Она сделала неправильный выбор, – весело сказал он.

Серега непонимающе смотрит на него. Какой еще выбор?

– Надо было ей идти в военную академию. Вот только НАТО жалко. И так их запугали своими ракетами, запусками из Каспийского моря ажно чуть не до Африки. А тут еще и Рита! Представляешь, как они обделаются?

Как по команде, засмеялись. Выскочившая на середину пола мышка, юркнула к стенке.

– Хватит ржать! Операция началась! Веселиться будете потом!

Рита стоит на пороге. Руки уперла в бока.

– Филипп Кир... Тьфу ты! Филиппов собирает свою гоп-компанию. Будут ждать меня в назначенном месте. Я на «тойоте», вы на «жигулях». Всё! Пять минут на уборку и сборы! Ну, чего расселись? Время пошло! Давайте, ребятки, шевелитесь!

Уже шли к машинам, как Рита, что-то вспомнив, сказала Пахому, который по-прежнему улыбался:

– А вас, Штирлиц, прошу остаться. Вы меня слышали?

Пахом не смотрел сериала про знаменитого разведчика, но кто такой Штирлиц знал. Он остановился. Поглядел на Риту, на Серегу.

– Я справлюсь одна. Сергей будет на подстраховке. Лишних людей не надо. Это может насторожить их. Нет никакой надобности в твоём присутствии. А в домике сейчас постоянно должен кто-то быть. У определенной группы людей есть обыкновение навещать пустые дачи. Бережного Бог бережет. Бомж какой-нибудь заберется или подростки. Им нравится шерстить пустые дачные домики. Всё-таки адреналин, приятное времяпрепровождение. А если еще всё кругом покрушить и нагадить. Приезжаем, а тут полный разгром. И что делать? Начинать всё сначала? А на это не один день уйдет.

– Еще при нас ни разу не залазили, Рита, – пробормотал Пахом и снова поглядел на друга.

– Это совсем не значит, что не залезут. Могу снабдить оружием.

Что оставалось делать Пахому? Только согласиться. Рита была из той породы людей, которые всегда правы. А предусмотрительность в их деле не будет помехой. Это так! Конечно, она делает всё правильно.

Они уехали. А как известно, хуже нет, чем ждать да догонять. Заняться Пахому было нечем. Он осмотрел еще раз внимательно и пристально их миниоперационную. Подмел пол. Время, казалось остановилось. Он прилег. Но сразу в голову полезли разные нехорошие мысли, предчувствие, что что-то обязательно случится плохое. Нет, так дело не пойдет. В комнате он боялся даже стул передвинуть. А что если стул должен стоять именно так, как он стоит? И он своим вмешательством навредит и всё пойдет не та, как надо? Нет, лучше ничего не трогать. Даже не дышать в сторону этого. Это не его епархия. Он тут ничего не понимает и не должен стараться понять. Тут всё сделают без него. Прошло около часа. Даже не позвонят. А могли бы позвонить. Знают же, что он переживает за них. Неизвестность же хуже всего. Хотя, если не звонят, значит, ничего еще не происходит. Сам он позвонить не решался, помня Ритин приказ: никакой самостоятельности. Инициатива в данном случае наказуема. Налил стакан воды, выпил половину, вышел на крыльцо и остатки выплеснул на землю. Погода замечательная. Как говорят: так и шепчет «займи и выпей!» Пахом достал сигареты.

Не успел он сделать и пару затяжек, как услышал знакомый голос. И тихо выругался.

–Здорово, братело! Как жизнь молодая?

У калитки стоял бомж, который уже приходил к ним попрошайничать. Всё-таки Рита права. Морда его – лицом это можно было назвать только с большой натяжкой – густо заросла черной с синеватым отливом щетитиной. Пахом за скрипел зубами. Издал протяжны вздох.

– Зачем? Чего тебе надо?

Мгновенно пронеслась картинка: приезжает Рита с Серегой, привозят «пациентов», а тут этот неожиданный гость. Здравасьте, я ваша тетя!

«Зачем» прозвучало, как решительный отказ. Но бомж уже зашел во двор, огляделся и направился к крыльцу, на котором сидел Пахом. Пахом еще сделал две затыжки и отшвырнул бычок. На него обрушилась зловонная волна перегара, запаха грязного тела и лука. «То ли он натирается луком?» – раздраженно подумал Пахом. Что-то вроде бомжачьего лосьона. Даже губы у него были покрыты грязью.

Он протянул пахому руку. Средний палец был неестественно вывернут в сторону. Так бывает, если повреждено сухожилие.

– Илья! Друзья называют Илюхой. А так Илья Викторovich.

Он увидел дымящий в траве бычок и подобрал его. И снова тянет руку. Первым побуждением было спрятать руки за спину. Совершенно не прельщала Пахома перспектива жать руку бомжа. Тут же мелькнуло. «Сейчас заканючит «не ува-

жаешь, брезгуешь». Только хуже себе сделаю. В конце концов, руки потом можно и помыть в горячей воде с мылом. Мол, я для тебя не человек. А знаешь, что у меня высшее политехническое образование и несколько патентов за изобретения. Знает он эти песни.

Пахом протянул руку. Левая рука безвольно упала.

– Александр Сергеевич Пушкин. Солнце русской поэзии, – проговорил он на полном серьезе. – Прошу любить и жаловать!

Хватка у Ильи на удивление оказалась крепкой. Так крепко жмут руки люди, уверенные в себе, не склонные комплексовать по поводу собственных недостатков и отношению к ним окружающих. Пахом попытался вяло выдернуть руку, но с первого раза сделать ему этого не удалось. Илья продолжал держать его руку, не ослабляя хватки. Смотрел в глаза.

– Я тоже люблю юмор и шутку! – проговорил он шутливо.

Улыбнулся, обнажив кривые черные зубы. Но и таких у него был явный недостаток. Пахому стало понятно, что он ведет себя глупо. Нельзя недооценивать этого типа. От него исходила явная опасность. Пахом чувствовал ее, хотя не мог понять, в чем она заключается. Такое ощущение, что он что-то знает о них.

– Опустит рук! – и добавил. – Пожалуйста! А ты сильный!

– Извини! Извини! – пробормотал Илья, опуская его руку.

Вытер ее о штанину.

– Пахом вообще-то я. Редкое в наше время имя. Родители

у меня любят раритеты.

– А по бабушке как величать? Пахом... А по бабушке?

– Совершенно необязательно по бабушке. Не заслужил еще. Фамилию не надо? Паспорт там показать? Денег не дам! Сразу предупреждаю. Даже не пытайся!

– Ну, да! Ну, да! Сами на мели. Уже пели эту песенку. Бедные студенты, живущие от стипендии до стипендии. Так твой долговязый друг говорил в прошлый раз. А где он, кстати? Да машинок нет, значится, укативши барин, а тебя оставил на хозяйстве присматривать. Наверно, он медик. Или учится на него.

Пахом вздрогнул и быстро отвел взгляд в сторону. Нужно было держать ухо остро. Нельзя недооценивать противника.

– С чего это ты решил? Или он тебе сказал?

– Так подумал. Ведь медик – это не профессия, а образ жизни. Я сразу узнаю медика.

– Слушай, Илья! Понимаешь, тут такое дело...

– Дай хлебушка! Хлебушек у тебя есть. С самого утра ничего не ел. Вот только водички попил. А ничего не ел.

– Вынесу тебе поесть. Только ты сразу уйдешь! Договорились? Некогда мне! Вон работы сколько!

– Ждешь гостей? – спросил Илья, улыбаясь.

Да что же это такое? Он что-то разнюхал.

– Никого я не жду. Никаких гостей не жду. Занят я. Некогда мне с тобой. Сейчас вынесу тебе!

Он пошел в дом. Прежде чем открыть дверь, оглянулся.

Бомж, шаркая большими теплыми галошами, плелся за ним, бормоча что-то на ходу.

– Стой здесь! Стой, я тебе сказал! Иначе я ничего не вынесу! – голос Пахома стал резким.

Илья остановился, ухватив руками столбик, на котором лежал небольшой навес над крыльцом. Пахом бросилс к кухонному шкафчику, отрезал полбуханки хлеба. Помедлил. Положил на хлеб куриную ляжку и так же быстро к дверям. Илья стоял всё в той же позе, держась за столбик. И смотрел на дверь.

– На вот! Бери и иди! Давай, Илья, иди!

– Благодарствуй! Дай тебе Бог здоровья и счастья! И хорошую жену!

– Иди уж! Ну, чего тебе?

– Покушаю теперь. С утра. Представляешь, ни крошки! А ты добрый. Не все дают.

– Илья! Мне правда некогда. Дела! Не задерживай, пожалуйста!

– А закурить дай! Уши, видишь, как опухли! Как у слона, наверно.

Протянул ему начатую пачку. Пахом двумя пальцами взял пачку.

– О! «Мальборо»! Я молодым тоже курил «Мальборо». Хорошие сигареты. Наши таких не умеют делать. Потом уже что попало начал курить. И «Приму», и «Астру», и махорку, и самосад. И даже луковую шелуху. Не веришь, что курил

шелуху?

– Верю! Верю! У меня дела. Иди! Иди, тебе говорю!

– Что у вас девка такая страшная? Покрасивше не могли найти? Я таких и не видел.

Пахома дернуло, как от удара тока. Он с ненавистью поглядел на Илью. Илья нисколько не напугался.

– Вы такую е... Сочувствую вам, ребята!

– Тебе по морде дать? Помело своё спрячь!

– Всё! Всё! Молчу! Рыба об лед! Дурак я! А с дурака что возьмешь? Сам знаешь, дуракам закон не писан. Говорю, не подумавши! Со мной бывает.

– Вали, тебе говорю, отсюда! Или тебя вытолкать?

– А вот они на машинах уехали. А ты один остался в доме.

Сторожишь, значит? Держат за сторожа?

– Следишь за нами? – зашипел Пахом, шагнув к нему.

– Нет, ты чо? Ну, просто хожу, смотрю. Делать-то мне нечего. Вижу: она на «тойоте» покатила, он на «жигулях». А то ты на «жигулях» ездил. Всё же интересно мне. И нездешние вы. Я всех здесь знаю. И меня все знают. Небольшой городок. Живете здесь уже сколько. Ну, понимаю, море было бы рядом. А то только болото и речушка. Уезжали куда-то. Потом ты один приехал. А потом твой друг с девкой. Из машины какие-то коробки выгружали. Только это не продукты. Я бы запах учуял.

– Это всё, надеюсь? – прошипел со злостью Пахом.

– А ты не надейся, парень! Надежда – мой парус земной.

Так что ли?— рассмеялся Илья, показав гнилой рот.

Смех его был больше похож на отрывистый кашель. Он резко прервал его.

– Стукнуть что ли? – проговорил задумчиво Илья.

– В смысле ударить? – спросил Пахом. Он представил, как дерется с бомжем.

– Не в этом смысле. В другом. Ты же меня понимаешь?

– Интересно девки пляшут, – пробормотал Пахом. Навалились усталость и бессилие.

– Ну-ка, садись! Садись, друг ситцевый! – кивнул Илье на крыльцо.

– Присаживайся! Надо так говорить. Я уже свое отсидел. Чего вам искренне не желаю, – проскрипел Илья и шагнул к крыльцу.

Как ни воняло от бомжа, но Пахом не стал отодвигаться, когда он сел с ним рядом на крыльцо, задев его локтем. Сейчас он на это не обращал внимания.

– Рассказывай, Илья? Ну, давай, толкуй!

– О чем я тебе должен толковать?

– А вот мне интересно стало. Заинтересовал ты меня. Всё высматриваешь, следишь, даже угрожаешь, что стукнешь. Решил шантажировать? Если ты сидел, то знаешь, что бывает с дятлами, которые стучат. Долго они не живут. Так по тюремной науке?

– Я пошутил. На понт хотел взять. Извини! Закосячил, значит. Извиняюсь!

– Да? Ладно! Принимается объяснение! Только, если ты сейчас без шуток не расскажешь, то, сам знаешь, я уж шутить не буду. Мне не до шуток!

Пахом сжал кулаки. Поднял правую руку.

– Ты не пугай меня! Я знаешь, уже пуганный-перепуганный. Сам могу кого угодно напугать. Вот так-то! – Илья явно сердился.

Потом закурил. Курил быстро и глубоко.

– Тогда напугай! Я так хочу напугаться! Напугай, если посмеешь! А дальше посмотрим! Или очко играет? Ну, давай! Давай!

Пахом почесал кулаком грудь. Огляделся по сторонам.

– Не надо так говорить! На зоне за такие слова здоровья лишают. Не надо про очко!

Только сейчас Пахом заметил на его руке наколку. Постарался рассмотреть, что это.

– Прости! Не бывал! Базар не научился фильтровать! Так всё же! Только не юли! Говори, как на духу!

Татуировка была покрыта толстым слоем грязи, но Пахом прочитал имя ее владельца. Это, чтобы знали, как к тебе обращаться?

– Я тебя, парень, узнал. У меня глаз – алмаз!

– Что? Кого ты узнал? Когда мы с тобой пересекались?

Пахом отодвинулся к самой стенке. Илья докурил до самого фильтра, плюнул на ладонь и забычковал окурочек. Глаза у него заблестели. Потрескавшиеся губы с черными уголка-

ми растянулись наподобии улыбки. Пахому стало противно, он отвернулся. Улица была пустынна.

– Я видел всё. Вот так-то, парень!

– Что всё? Что ты всё видел?

– А как в парке дело было. Ну, возле вокзала.

Пахом остолбенел. Голова у него на какое-то время отключилась. Ноги налились свинцом. А потом в висках запульсировало, забилось. И первая паническая мысль: «Этого не может быть! Но не придумал же он это!».

– Твоего друга там того. А потом тебя. Я всё видел. Зрение у меня хорошее.

Пахом проглотил слюну. Достал новую пачку сигарет. Закурил. На Илью он не глядел. Лишь бы никто не появился на улице.

– Как ты побежал, а за тобой погнались. Но не догнали. Я часто там по парку шарюсь. Кто-то бутылку не допьет, оставит, кто-то беляш не доест, опять же бычков куча. А когда это... я в кустах-то спрятался. Чувствую, дело керосином пахнет. Если бы меня нашли, то и меня за компанию. А потом бы и грохнули. Бомжа-то никто не хватится. Тихо сидел в кустиках. Кашлянуть боялся. И всё видел и слышал. А свидетелем в таких делах я быть не желаю. Филиппов-то старший, знаешь, в ментовке. Дело бы это он всё равно замазал. Его братка уже не в первый раз в такие переплеты попадает. И всё время сухим выходит из воды. Всё шито-крыто. А меня бы в капэзухе придавили. Инфаркт бы написали и вынес-

ли вперед ногами. Тут и к гадалке ходить не надо. Так что не обессудь! Свидетелем я не пойду ни при каком раскладе. Всё я это знаю. Я тут всех знаю. Вот такие дела!

– И когда ты меня здесь увидел, ты меня сразу узнал? С первого раза.

Неизвестно, куда еще этот Илья повернет. Мимо дачи пробежала собака.

– Узнал, хоть ты и гримировался. Усы клеил, очки эти большие на полморды черные. Да и голос я твой запомнил. Я хорошо голоса запоминаю. У меня музыкальный слух. Я в детстве в музыкальную школу ходил.

– Что теперь? Что будем делать?

– А что теперь? А ничего теперь. Чего мне делать?

Илья оторвал зубами кусок курицы. Стал громко шамкать.

– Я же тоже не дурак. Если ты сюда вернулся да еще с друзьями, значит, козе понятно, что хочешь отомстить. Только если бы ты хотел убить, то уже бы убил. Это ж просто! Всё что-то гоношишься, следишь, конспирируешься. Значит, не убить хочешь, а как-то иначе, но чтобы хуже убийства для них было. Я же, Пахом, не дурак, кумекаю. Я бы на твоём месте их давно убил, на мелкие кусочки порубил и отвез на свалку. Там бы через час их собаки и крысы растаскали. Никогда никто ничего не найдет. А ты чего-то тянешь. Значит, задумка есть.

Пахом пришел уже в себя. И взял в руки. Нужно быть

очень осторожным с этим Ильей. Он приподнялся, огляделся.

И тут, как огнем, обожгла мысль: «А что если? Почему бы нет? Да нет! Это безумие!»

– Илья! Ты сильно ненавидишь этих уродов? Тебе, наверно, тоже от них доставалось?

– Задушил бы своими руками! Но не могу.

– Душить не придется. А кое-что подать, принести, подержать сможешь? Короче, помочь нам?

– Без бэ! Базара нет! Всегда готов!

– Тогда договорились! Но чтобы у меня...

27. КАСТРИРУЮТ НЕ ТОЛЬКО КОТОВ

– Мы едем! Всё прошло замечательно. У тебя всё в порядке? Чего ты молчишь?

Это был Серега. Голос его спокоен.

– В порядке! – ответил Пахом. – Но есть новости. Не знаю, обрадуешься ли.

– Не пугай меня. Новостей нам не надо. Новость – это нечто неожиданное, что может осложнить нам жизнь. Новости отдадим телевизионщикам!

– У нас появился еще один помощник, – выдохнул Пахом и замер.

– И кто же этот наш новый коллега? – спокойно спросил Серега.

– Ты его знаешь. Наш общий знакомый бомж. Да! Тот самый! Кстати, зовут его Илья. Сидим сейчас знакомимся.

– Пахом! Ты с дуба рухнул? Ты ему веришь?

– Я ему верю. Он честный человек.

– Рита будет очень недовольна. Она же говорила: никакой самостоятельности, никакой инициативы. Ты же заваляешь всё!

– У меня всегда есть возможность застрелиться. Надеюсь, одной пули не пожалеете? Не беспокойся, я сам это сделаю.

– Идиот! Я звоню Рите, чтобы для нее это не стало приятным сюрпризом. Или наоборот. Ах, какая приятная новость!

Открыл ворота. Через минут десять машины въехали в дачный дворик, сначала «тойота», затем «жигули». Илья поднялся и прислонился к косяку. Но напуганным он не выглядел. Вышла Рита. Она долго, пристыльно и настырно рассматривала Илью, как будто хотела просветить его насквозь рентгеновскими лучами своего взгляда, увидеть всё его нутро. Почему-то Илья встал навтыжку и безмолвствовал. Даже руки вытянул по швам, что выглядело очень нелепо. Представьте себе бомжа, который стоит навтыжку! Это надо видеть!

– Он мне нравится! – подвела она итог своему рассмотрению. Пальчиком приподняла его подбородок.

Серегу и Пахом переглянулись. Конечно, они даже не пытались проникнуть в ее мысли. Серьезно или шутит?

– Прохоров Илья Викторович, тысяча девятьсот шестьдесят шестого года рождения. Уроженец города Чернореченска, где он закончил среднюю школу, кстати, имея всего лишь три тройки. Затем политехнический институт в городе Старосибирске. С красным дипломом. При распределении изъявил желание вернуться в родной город, – тихо, но отчетливо скандировала Рита. – Работал сначала мастером, затем начальником цеха на заводе низковольтной аппаратуры, который в тысяча девятьсот девяносто пятом году был закрыт, а затем арендован предпринимателями. После

чего остался без работы и соответственно без средств существования. Перебивался случайными заработками, которых не хватало даже на нормальное питание. Жена ушла к другому мужчине, а затем переехала с мужем на Дальний Восток. Детей нет. Больше не женился. Стал выпивать. Всё больше и больше. Шулерам проиграл однокомнатную квартиру. Сначала жил у знакомых, потом оказался, естественно, на улице. И начал вести определенный образ жизни. Сдавал металл, иногда подрабатывал, колол дрова, перекидывал уголь, косил траву. За что в основном рассчитывались алкоголем и едой. Осужден за кражу продуктов в магазине на три года. Срок отбывал в колонии общего режима под Красноярском. После отбытия наказания вернулся в Чернореченск. Я правильно излагаю, Илья Викторович? Поправьте, если что!

Илья кивнул, сменил опорную ногу и снова застыл, как бравый солдат Швейк, то есть руки по швам. На Риту он смотрел с восхищением.

– Так точно! – прошелестел он, не спуская с Риты глаз, как кролик с удава. Позволил себе только обтереть губы.

Конечно, что-то Рита по дороге могла узнать из Интернета. Но не такие же подробности? И зачем ей это?

– Откуда у тебя это всё? – воскликнул Серега. – Ты разве предполагала...

– От верблюда! Откуда же еще? Самый надежный источник информации.

В голосе Риты не было никакой иронии. Взгляд был спо-

коен.

– Помощник нам действительно понадобится. Так вот, Илья, слушай сейчас внимательно!

Она снова повернулась к нему, оглядела его с ног до головы. Но никакого презрения. Даже особенного интереса не проявила

– Я весь превратился в слух! – бойко рапортовал Илья, продолжая стоять на вытяжку.

– Сейчас будете стоять на стреме. Смотрите и слушайте! Илья кивнул. Весь его вид выражал полную готовность выполнить любой приказ.

– Есть! Выполню! Будьте надежны, барышня!
– Чтобы ни одна душа не видела! Если что сразу и бегом! Но тихо, не привлекая внимания.

– Ясно и понятно! Выполним! Всё будет пучком!
– Повторяю, Илья! Ни одна душа! Даже если муха пролетит, сразу сообщайте! О малейшем движении

Илья кивал. Хотя в это время дачная улочка была совершенно пустынна. А из соседних дачных домиков ничего разглядеть было невозможно. Из-за густой кроны деревьев.

Илья вышел за калитку и перешел через дорогу. Поглядел налево-направо.

– Выводим клиентов! – скомандовала Рита. – Делаем аккуратно, но быстро!

Она подошла к «тойоте». Заглянула во внутрь.
– Поддерживайте их с обеих сторон, чтобы не упали. Ше-

велить ногами они еще могут, а вот сознание у них отключено. Это камни, но, к сожалению, живые. Беремся, ребятки! И осторожно ведем!

Первого достали из машины Дрищенко. Он смотрел только вперед, как бывает с человеком, который сидит в оцепенении, неподвижно уставившись в одну точку и ничего не видя. Его глаза были широко раскрыты, но неподвижны, как у манекена, даже веки не дрожали. Это был какой-то зомби. Когда его поставили на ноги, он что-то мыкнул. Из полураскрытого рта бежала струйка жидкой слюны прямо ему на футболку и джинсы. Пахом и Серега подхватили его с обеих сторон. Серега пригнулся, чтобы подставить плечо. Дрищенко исправно передвигал ногами, но ни на что не реагировал. Рита им приоткрыла двери, они завели его в комнату и медленно опустили на низкую раскладушку, которую принесли из гаража. Подросток лежал с вытянутыми вдоль туловища руками. Почему-то подрагивал мизинец на левой руке. Он неподвижно смотрел в потолок. Пахом провел ладонью перед глазами. Никакой реакции. Это его заинтриговало. Он спросил:

– А что вы с ним сделали? Вкололи что-то? Или по башке?
Серега отмахнулся, как от назойливой мухи:

– Не сейчас! Все объяснения потом!

Следующим был Филипп. На нем были те же джинсы, что и тогда в парке. Должно быть, любимые.

– Один ты его сможешь довести? – спросил Пахом. – Что-

то меня мутит!

Отвернулся в сторону, чтобы не видеть эту носатую рожу с большими выпученными глазами. Сжал кулаки и тут же разжал.

– Засунь свою брезгливость, знаешь куда! Смотри, какой нежный!

Но тут же Серега оссекся. Понял, сболтнул лишнее.

– Этого сразу на операционный стол! С него и начнем! А то, знаешь, говорят, первый блин комом. А ком получится вонючий.

Пахло от Филиппа перегаром и мочой. Пахом раскрыл рот, выливая слюну подступившей тошноты. После того, как перетащили Максимова и Старикову, в дом вошла Рита. Поморщилась. Видно, и врачам не чуждо ничто человеческое.

– Не очень-то аккуратно вы с ними обращаетесь! – усмехнулась она. – Как мешки таскаете!

– Вам это удалось! Но как? – спросил Пахом. Ему до сих пор не верилось.

– погоди! Сергей, снимите, пожалуйста, с пациента штаны! Конечно, я могла бы и сама...

– Из Пахома не вышел бы медик, он слишком брезгливый, – сказал Сергей. – Хотя многие особи достойны только такого чувства.

Пахом повернул голову в сторону двери. Рита набрала в шприц из ампулы какой-то лиловатый раствор и вколола его Филиппу в области паха. Осмотрела без всякого женского

любопытства гениталии. Села на стул. Серега оглядывал столик: всё ли готово. Приподнял несколько пузырьков, протер освобожденное место и поставил пузырьки. Продезинфицировал инструмент. Поглядел на Риту.

– Можно я выйду? – спросил Пахом. Умоляюще поглядел на них.

В комнате запахло больницей. Рита кивнула. Надела белый халат.

– В багажнике возьми пакет. Там еда, бутылка вина, – сказала она, разглаживая перчатки на руках. – Это для Ильи. Пока он не опохмелится, он не способен что-то делать нормально, потому что все его мысли заняты только одним предметом. Нам нужен осмысляющий свои действия исполнитель. Сам не пей! Сидите во дворе, громко не разговариваете, песен не поете и не ржете над дурацкими анекдотами. Ушки держите на макушке. Обстановку постоянно отслеживаете, прилегающую местность держите под прицелом. Если что-то... Никто не застрахован от случайностей! Даже мы! Думается, что ничего всё-таки не должно произойти. Но если кто-то появится, в дом, даже во двор категорически не пускать. Никого! Ни под каким предлогом! Даже если это будет отряд ОМОНа или спецгруппа ГРУ. Ложитесь костью, но никого сюда не пропускайте! Вам это ясно?

– Оружие выдадите? И бронежилеты желательно. Вдруг придется отстреливаться.

– Ага! Будете отбиваться подручными средствами. Напри-

мер, бутылкой, которую я купила для Ильи. Про «розочку» слышал?

– Это надолго? – спросил Пахом. – Я имею в виду...

– Вышел отсюда. С глаз долой!

Рита поднесла к глазам скальпель. Долго рассматривала его.

Вино очень обрадовала Илью. Он долго крутил бутылку в руках. Прочитал все надписи на этикетке и чмокнул бутылку в горлышко. Пахом, закурив, наблюдал за ним. Ну, чисто дитё!

– Дорогое вино! – сказал Илья. – А всего-то двенадцать градусов. Я обычно беру «Три топорика» в полторашке. Самое ходовое винцо у нас. Поскольку самое дешевое.

Илья причмокнул языком. Нежно погладил бутылку.

– И если вылить две полторашки в одно рыло да еще без закуси, да еще на старые дрожжи, становится очень даже хорошо. Советую попробовать! Проверено! Мин нет!

– Непременно воспользуюсь вашим ценным советом!

– Но они, представляешь, что, сволочи, делают! Торгуют у нас в магазине две Наташки. Наташа Маленькая и Наташка Большая. Первая мне и до подмышек не достанет, а вторая выше меня на голову. Наташка Большая, ничего не скажу, но вроде как честная. А Наташка Маленькая в последнее время мудрить стала. И не я один это заметил. Захожу в магазинчик. Наташка Маленькая торгует. «Дайте мне, – говорю, – «Три топорика». Хотя можно бы и не говорить каждый раз

одно и то же, потому что ничего иного я не беру. Уходит она в подсобку и минут пять ее нет. Что там можно делать? Или она не знает, где и какой у нее товар? И почему нельзя винцо держать в самом магазинчике? Я же в этом деле спец. Пью, а винишко-то чувствую не то, и послабее, и водой застоявшейся припахивает. А самое главное – пробка-то сорвана. А пальчики-то у Наташки слабые и с силой не могла прикрутить на место. Бутылку-то наклонил, а из нее кап-кап льется. Тут и дураку ясно, в чем дело. Только мне, бомжу, нельзя шуметь. У Наташки Большой возьму, норму принял, пришел в нужное состояние. У Наташки Маленькой столько же возьму, а состояния положенного нет. Но я же не человек, я изгой. Мне права качать нельзя. Никто меня и слушать не будет. И не поверит мне. И я же останусь кругом виноват. Это я относительно прав человека. У меня даже паспорта нет. Потерял по пьяни или кто вытащил. А другой получать не пошел. И денег на это нет. И прописки нет. А без бумажки ты букашка. Но мусора меня знают, не трогают.

Илья тараторил, не замолкая ни на минуту, но Пахом не слышал его, все мысли Пахома были там в домике: всё ли пройдет, как надо, а если что не так, а если сдохнут... Приоткрылась дверь, показалось Серегино лицо, он поманил пальцем Пахома. Пахом всматривался в его лицо.

– Я не пойду! Нет! Серега! Ну, что ты?

На белых перчатках Сереги было несколько капелек крови. Пахом больше не глядел на его руки.

– Нужна грубая физическая сила,– громко прошептал он. – Мужик, короче, нужен!

А почему грубая? Морду что ли бить?

– Мне можно? – подлез Илья. – Мы всегда готовые.

– Нет! – решительно отверг его предложение Серега. – Прежде чем запускать тебя в дом, тебя нужно специально продезинфицировать. Мне нужны только стерильные помощники. Так что, в сторону!

Пахом, опустив голову, поплелся в домик следом за Сергой. Филипп лежал на высоком столе, накрытый простыней. Открыто только лицо.

– Берем аккуратно! Не трясем! И переносим на постельку! Всего-то делов на сто рублей! Сюда положим следующего пациента. Всем места хватит! Родненькие вы наши!

– Хоть живой? – спросил Пахом, вглядываясь в ненавистное лицо, бледное, большеносое. Глаза были закрыты.

– Нас еще переживет,– ответил Серега. – Но придаваться столь любимым плотским утехам с особями обоего пола уже не сможет. Ну, если только палку привяжет. Но кайфу-то никакого. Только расход энергии.

Следующего положили на операционный стол Максимова.

– Быстро вы работаете! – восхитился Пахом. – Я думал, это долго.

– Операция для первокурсников, – ответила Рита. – Естественно, если они занимаются практикой. А не болтаются по

дискотекам.

– Ты уже делала подобное? Ну, на мужиках, я имею в виду?

Рита вздохнула, посмотрела на Пахома:

– Одно плохо, что нельзя курить в операционной. На мужиках в первый раз. Поэтому немного волнуюсь.

– И не боишься? Все-таки не коты же? Вроде как люди.

Сергеа дезинфицировал инструмент для следующей операции. Рита протерла клеенку. Бросила тряпку в тазик.

– Я изучила этот вопрос. А в деревне кастрировала у бабушки хряка. Не мешай нам, Пахом? Или ты решил присутствовать на операции? Не очень приятное зрелище. Но можешь остаться!

– Нет! – Пахом замахал руками и пробкой выскочил на крыльцо. Тут перевел дух.

Илья прогуливался за двором. Лицо его было серьезно и ответственно. То и дело он пытался свести брови, как можно ближе. Всё время крутил головой.

– Вы им там что всё подряд отрезаете? – осведомился он с важным видом. – В Багдаде всё спокойно! В наших войсках порядок.

Он поглядел налево, потом направо, как будто собирался переходить дорогу. Сел с Пахомом на крыльцо. Опорожнил винную бутылку на треть прямо из горлышка. После чего заявил, что к нему явился аппетит, долгожданный гость. Он умял самодельный бутерброд с мягкой молочной колбасой.

Жесткую он бы не прожевал. Но и это требовало времени.

Пахом ухмыльнулся. Весело подмигнул Илье.

– Для них голова не самая важная часть организма. Они вполне могли бы обойтись без нее. Хотя куда тогда девать крутые бейсболки!

– Так значит того самого? – догадался Илья. – Неужели это самое?

– Ага! – кивнул Пахом. – Как раз это самое!

– Вот это правильно! За это надо выпить! Непременнейшим образом выпить!

Илья потянулся за бутылкой. Сделал несколько крупных глотков, после чего бутылка была ополовинена. Илья вытер тыльной стороной ладони губы и снова принялся за бутерброд. Подбородок быстро подпрыгивал.

– Саньку-то как? Она же девка? – спросил он Пахома. – Или это самое зашиваете?

– Вопрос не по адресу. Спрашивай у хирургов!

А действительно, как? Что они сделают с девкой?

– Лет ей, наверно, тринадцать было. Смотреть не на что – козявка. А хахаль ее мамки и оприходовал ее. Ну, и пристрастился к этому делу. Она к мамке жаловаться. А та отлупила ее до потери пульса. Сама, говорит, мандавошка, ему на шею вешаешься. Ну, и настрапалила ее, чтобы она не вздумала никому говорить об этом, а то иначе убьет ее. Но шила-то в мешке не утаишь. Бабы всё равно всё узнают. У них на это собачий нюх. Отчим вроде как перестал обхаживать

ее после этого. Может, понял, что за это недолго и загреметь. А на зоне таких не очень привечают. А может, и на стороне ему и так хватало. Но после этого сношаться она не может. Порвал он ей что-то женское своей дылдой. Она мужиков после этого и возненавидела. Живет лишь одним: мстить всем мужикам. Думаю, она и подтолкнула вот этих, что они не только девчонок насилуют, но и пацанов, и мужиков. Это она настроила!

– Значит, они стали ее орудием мести? Попали под ее влияние?

– Выходит, что так. И вот ты думаешь, что Филипп у них главный? А на самом деле Санька верховодит. Вот какое-то у них уважение к ней. Слушаются ее, как бараны пастуха. А потому что она поумней их и у нее характер есть и злость на этот мир. А злость придает силу.

– Мстит мужикам тем, что они насилуют их? Так это понимать?

– Ну, вот примерно так. Со временем, думаю, и до папика доберется. Не может быть, чтобы не добралась. Не завидую я ему!

Снова появился Серега и позвал Пахома. Махнул рукой и показал на дверь.

– Быстро ребята работают. Молодцы! Потому как профессионалы, хоть и молодые. Если бы побольше таких! А то у нас...

Дрищенко оперировали последнего. Серега вышел на

крыльцо с полотенцем и куском мыла в упаковке. Пахом подумал, что он решил помыться. За домиком на огороде был душ. Деревянная будочкой, а наверху бывший топливный бак.

– Илья! Видишь душ? – спросил он. – Зрение-то у тебя хорошее?

– Вижу! – кивнул Илья. – Чего ж не увидеть?

– Вот это мыло очень хорошее. Заграничное. Тщательно моешься, хорошо намыливаешь вехотку. Мыла не жалеть! Можешь всё измылить!

Илья поморщился. Затоптался на месте.

– Это специальное мыло. Вперед! Я кому говорю?

– Не! – промычал Илья. – Это не для меня!

– Я не понял? Ты отстраняешься от операции. Всё! Свободен! Пошел отсюда вон!

– А вы знаете, что бамбук это трава? Вот ты знаешь?

– И при чем тут бамбук? Чего ты зубы заговариваешь

– За сутки эта трава вырастает на целый метр. А за месяц получается на тридцать метров. Это ж с десятиэтажный дом! Прикиньте! Вот это травка!

Илья попробовал изобразить на лице восхищение. Серега рыкнул. Лицо его стало свирепым.

– Всё! Понял! Лечу! Жжж! И полетел Илья!

– Как операция? Всё нормально? – спросил Пахом. – Как там эти?

– Зачем спрашиваешь? – устало сказал Серега. – Это же

Рита. Это бог медицины. Это для нее семечки!

– И что же дальше? Рита говорила? Как долго ждать?

– Пусть затянется. Но у Риты какое-то импортное средство. Говорит, что это произойдет буквально на глазах. Скоро Пахом всё закончится. И мы свободны.

– Хорошо бы! А что ты скажешь в академии, что пропустил начало занятий? Рита, думаю, соломку подстелила. Она-то очень умная.

Сергея посмотрел на него с удивлением. Покачал головой, одернул халат.

– Ты меня поражаешь своей наивностью. Я ни одной пары не пропустил. Нет! На самом деле довольно много пропустил, особенно тех, которые не по медицине. Но официально ни одной! Я хоть от министра здравоохранения могу предоставить им справку, что я находился, допустим, на стажировке в мюнхенской поликлинике. А вот как ты будешь выкручиваться? Часто у тебя ноги бегут вперед головы. Извини, конечно, Пахом!

Пахом возмутился, погрозил зачем-то пальцем:

– Я тоже предусмотрительный. Написал заявление по семейным обстоятельствам. Вот так-то, друг ситцевый!

Сергея промычал. Покачал головой, бросил взгляд в сторону душа.

Распахнулось окно. Перед окном рос высокий куст ирги.

– Проветривает, – сказал Сергей. – Что-то я проголодался. Кстати... Нет, тебя нельзя, ты же у нас впечатлительный.

Лучше припряжем товарища, который топаёт из душа. Иди сюда, дорогой!

Когда Илья приблизился, Пахом даже не поверил. Такое впечатление, что подошел другой человек. От него ничем не пахло. Точнее это был запах здорового чистого тела. Вот что делает мыло!

– Что за парфюм? – удивился он. – Или это кто-то другой? Кто вы, мужчина?

Втянул сильно воздух. Илья сухо ответил, вроде как обиженный, хотя, кажется, он вообще не умел обижаться:

– Чудо-мыло! Не презентуете маленький обмылочек? Для дальнейших обмываний. Я в полном восторге.

Сергеа улыбнулся. Развел руки и кивнул. Хорошо, еще не шаркнул ножкой.

– Мыло твоё! Только пользуйся им! Пить его нельзя!

– По правде сказать, я уже и запомнил, когда последний раз мылся. Постой! Нет! Не вспомню. Старые бомжи говорят, что нельзя мыться. На бомже не простая грязь, а защитная грязь. Смоешь ее, и зараза тебе какая-нибудь обеспечена. Поры откроются. И ползет!

– Поэтому свиньи так любят поваляться в лужах, – пошутил Пахом. – Чтобы не болеть!

– Только такое существо как человек способно находить убедительное объяснение собственной лени и порокам, – важно произнес Сергеа, как будто он читал ученый фолиант. – Имеются в виду присутствующие здесь.

На Илье были только черные трусы, выданные ему перед оздоровительной процедурой, поскольку Серега почему-то был уверен, что бомжи не носят трусов и вообще нижнего белья. Но зато надевают гору верхней одежды.

– Поражаюсь Ритиной предусмотрительности, – сказал он с восхищением.

Отправился к «тойоте» и вернулся с пакетом с надписью «Пятерочка».

– По дороге сюда она купила кое-какую одежонку. Я несколько не удивлюсь, если она Илье будет самый раз. Ведь она уже всё знала о нем до его появления.

Илья натянул серые спортивные штаны с желтой резинкой, майку-тельняшку, ноги поставил в черные сланцы. Затем повернул голову вправо и вниз, стараясь увидеть, как он выглядит сзади. Кажется, он был удивлен.

– Сейчас побреешься и сам себя не узнаешь, – сказал Серега. – Ален Деллон не пьет одеколон.

Он сложил руки на груди и, цокая языком, оглядывал Илью. Может быть, представлял себя в роли Пигмалиона? Творческая гордость самая гордая.

– Это уж принципиально нет! – заявил Илья. – Ни под каким соусом!

– Ладно! – согласился Серега. – Надеюсь, что чудо-мыло продезинфицировало и твою щетину. И без нее тебя не узнают коллеги.

– Надежда юношей питает! – прдекламировал Илья. – Но

не людей, ведущих определенный образ жизни. Они вынуждены самостоятельно добывать себе пропитание, показывая при этом чудеса изобретательности и находчивости. Вот она моя маленькая чудо-бутылочка! Моя родимая и незабвенная!

Илья вылил в себя остатки вина и крикнул. Бутылку он осторожно опустил возле крыльца. Может, намеревался забрать, когда будет уходить.

– Другой человек! Хомо новикус! – воскликнул он. – Прошу любить и жаловать! А не запеть ли?

Илья подергал на себе майку. Че Гевара задергал щеками.

– Разве можно в таком обличиі показаться перед друзьями? Они же убьют меня.

– Можете заходить, ребята! – раздался Ритин голос. – Пора уже перекусить!

Большая часть комнаты была занавешана простынями. Им пришлось ютиться в кухонном уголке. За занавесью находился стационар, где лежали только что прооперированные пациенты и их подруга. Время от времени оттуда доносились стоны и невнятное бормотание, и шевеление. Сели за стол, кроме Сереги, который готовил быстрый ужин. Пахом старался не глядеть на занавесь. Воображение представляло ему, как оттуда начинают выходить их клиенты, превратившиеся в зомби.

– Как я и предполагала, они должны были собраться вместе, не могли не собраться. Сидеть дома – это не для них.

А тут еще похмелье. Нужно что-то отыскать. Подождала Филиппа. Взлохмаченный, невымытый, помятый он вышел из подъезда. Возле урны нашел бычок, закурил, не обращая внимания на сидящих бабушек, которые, впрочем, не скрывали отвращения к нему.

Илья при этих словах крикнул и провел рукой по голове, мокрые волосы больше не лохматились, а легли ровными пластами; длинный чуб, чтобы не закрывал глаза, он направил по диагонали. Закрыв левый глаз.

– Отправились следом за ним. За телевышкой пустырь. Кругом заросли камыша. Старикова была уже там. Сидела на бетонной трубе с мобильником. Хорошее средство для современных тинэйджеров убивать время. Подошли Дрищенко с Максимовым, побазарили, покурили и пошли. Вышли с пустыря на улицу. Людей почти не было. Так редкие прохожие.

– Жажда их мучит, – встрял Илья. – А волка, понятно, ноги кормят. Надо шустрить. Они где малолеток тряханут, где пьяного обшмонают или какого одиночку обчистят. С каждого по нитке... А если встретят незнакомую парочку, парня с девкой, обберут. Набросают и обоих трахнут. Значит, день прошел недаром. В полицию обращаться, сами знаете, бесполезно. Я-то их знаю, как облупленных.

Серегу стал подавать на стол. Это были шпекачки, которые Пахом не очень-то жаловал, считая, что на эти же деньги можно купить вполне сносную колбасу, которую, к тому же,

и не надо жарить. Потом бешбармак, купленный в магазине.

– Сами понимаете, что не домашний, – сказал Серега. –

Вкус не тот.

Илья щелкнул себя по шее. Обвел всех взглядов.

– Это будет? Всё же удачно!

– Этого не будет! – сказала Рита. Строго посмотрела на

Илью.

– Слушаюсь и повинуюсь, моя госпожа! На нет и суда нет.

Илья тяжело вздохнул. Вокрутил вилку в руках.

– Они выходят на дорогу, я их догоняю, вроде бы случайно, торможу и спрашиваю: «Узнали? Вчера же на дискотеке

познакомились! Еще хотели на моей точиле прокатиться».

«Да такую страхолюдину и во сне не забудешь!» Хором ржут.

«Ну, как на счет кайф словить? – спрашиваю я. – А то од-

ной не фонтит. А знакомыми не успела обзавестись». Вау!

Крутяк! Прыгают в машину. Тут же мне с ходу Дрищенко

комплимент кидает: «Если бы ты не была такая страшная,

мы тебя бы на хор поставили! Отпендюрили бы по полной!

Потом бы замочили! А машину твою чуркам бы загнали. Те

такие машики влёт берут. Любят повыпендриваться. Но мы

здесь всё равно самые крутые! Неделе две бухали бы пол-

ной!» – «Повезло ей, крокодилнице!» Это Старикова. «Много

я страшилищ видела, а такую впервые. Тебя и орангутанг не

захочет». Доехали до магазина. Беру пиво-водка, блок сига-

рет, закусон. Они уже слюней удержать не могут. Впервые

их на халяву добровольно так потчуют. Глаза у них горят.

Ажно трясутся от нетерпения. «Махнем, – говорят, – на озеро. Там клёво! Девки ходят. Протянем кого-нибудь! Бухла вон сколько! С ночевкой остаемся». И всё в таком духе. Я, конечно, соглашаюсь. Даже подхихикиваю, когда они ржут. Филипп до того разохотился, что уже хотел меня за ляжку схватить. Потом поглядел и убрал руку. Всё-таки не только красота – великая сила. «А что, ребята, давайте начнем! – предлагаю я. – Трубы-то горят! Чего сидим-маемся?» Они по бутылке пива открывают. Я им каждому по таблетке протягиваю. Разумеется, всё время грохочет самый отстойный музон. Это меня больше всего доставало. «С этим, – говорю, – кайф будет обалденным! Полный улёт!» И вот через двадцать минут мы уже здесь с растениями, из памяти которых всё будет удалено за сегодняшний день. Как видите, всё легко и просто! Проще, чем вы думали.

– А долго у них это будет заживать? – спросил Пахом. – Когда мы можем приступить к заключительному пункту? Пора уже заканчивать.

– У меня для этого есть прекрасный заморский препарат. Раны затягиваются буквально на глазах любопытных. Желашь посмотреть? Давай проведу экскурсию!

Пахом заскрипел зубами. И замотал головой.

– Пару дней придется подождать. Тем более, что время нужно на подготовку. Заканчивайте с конструкцией.

Один Илья жевал без аппетита. Он за долгие годы впервые ужинал без горячительного. Глаза его были полны тоски.

Было уже за полночь. Стали располагаться на ночлег. Рита, естественно, оставалась в домике. Серега с Пахомом решили заночевать в машинах. А вот куда определить Илью? Но он их опередил, сказал, обращаясь к Сереге:

– Я уже отвык от всякого комфорта. Пойду в свою берлогу. Там быстрее засну и высплюсь лучше. Уговаривать не надо!

Они согласились. В этот раз Пахом заснул быстро и хорошо выспался, что с ним редко бывало в последние дни. Утром проснулся свежим.

Серега занес и бросил на стол рулон плакатов. Он поднялся раньше.

– Читайте! Завидуйте! В наш городок приедет великий художник! – проскандировал он. – Когда буду на пенсии, обязательно сяду за написание «Записок гениального хирурга». Самое главное – название у меня уже придумано. Дело останется за малым. Но, может быть, как вы считаете, уже сейчас мне стоит переквалифицироваться в гениального русского классика литературы? Стихи-то вон какие модные! Я сам придумал.

– Я не люблю стихов, – сказал Илья. Он уже вернулся, когда они проснулись.

Пришел совершенно трезвый и чистый, как будто ночь провел в гостинице, а не в логове. На одежде ни соринки.

– В этом мы солидарны! – воскликнул Пахом и, к удивлению для самого себя, хлопнул Илью по плечу. Немного за-

держал руку.

Илья пристально посмотрел на него. Для него это тоже было неожиданно.

– А мне можно высказать своё некомпетентное мнение. Хотя вам, знатокам литературы, оно может показаться глупым, – вступила в разговор Рита, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не заулыбаться. – Подруга моя, она готовится стать психотерапевтом, написала курсовую по стихотерапии. Не знаю, ее это термин или нет. Это не какое-то теоретическое рассуждение, а выводы, основанные на экспериментах и наблюдениях. Она работала с разными категориями больных, в том числе и в психушке. Чтение и слушание стихов помогало некоторым больным справиться с недугами там, где были бессильны прописанные процедуры. После этого они становились истовыми любителями поэзии. Так что хотя бы для медицины оставьте Пушкина и Блока. Ну, еще парочку поэтов.

– Так что же у нас нам нарисовано-написано, гениальный русский классик? Вы не позволите?

Пахом развернул плакат. Хмыкнул и скривился

– Какой-то мужик с совершенно дебильной рожей и почему-то одним ухом. Я бы, посмотрев такой рекламный плакат, ни за что бы ни пошел. Ты что, Серега? Что за фигня? И подпись «Гениальнейший художник всех времен и народов Ваню Гогин устроит в вашем городе одну из своих инсталляций. Лучше сразу застрелиться, чем не посмотреть на это!»

В пустых клетках, как я понимаю, нужно только вписать время и место. Правильно я понимаю?

Сергея отвернулся и засмеялся. Рита и Илья улыбались.

– Это же Ван Гог, – сказал Илья и почесал голову. – Неплохой был мужик.

Все посмотрели на него. Пахом растерянным взглядом. Как же он облажался! Особенно стыдно было перед Ритой. Какой-то бомж его заткнул за пояс.

– Голландец что ли? – спросил он, надеясь реабилитировать себя. – Ах, да! Вспомнил!

Все засмеялись. Да что же это такое? Впервые он почувствовал себя питекантропом. Значит, опять мимо!

– А второе ухо ему заретушировали? Это должно что-то означать? Какой-то непонятный символ.

– Однажды он поссорился с другим великим художником. Того звали Поль Гоген. Гоген был искусных фехтовальщиком. Выхватил шпагу и отрубил ему ухо, – сказал Илья. – Хотя широко распространена легенда, что как-то было у него такое настроение, взял и отчихнул.

– Что возьмешь с сумасшедшего? – пробурчал Пахом. – Да все художники – идиоты!

– Поручим это дело Илье, – сказала Рита. – Тем более, что он лучше всех нас знает живопись. А еще он хорошо знает город. Плакаты расклеиваешь в самых людных местах, но так, чтобы это прошло незаметно. Положишь их в мешок. Плакаты самонаклеивающиеся. Несколько раз провел ладо-

нями и всё. Их потом только отскоблить можно.

– Если он напьется, Рита? – спросил Серега. – Может, не надо?

– Нет! Он не напьется! – рывкнула Рита. – Всё! Завтракаем и за работу. И никаких перекуров! Совсем уже разболтались!

Из «стационара» раздался скрип раскладушки. Сразу наступила тишина.

– Никак приходят в себя, – сказал Пахом и поморщился. Привстал и отодвинул табуретку.

– Рановато еще, – успокоила его Рита. – А шевелиться они должны.

– А они не сдохнут там от истощения? Ведь столько времени маковой росинки... Хотя однажды с похмелья я двое суток не ел, – проговорил Пахом. Аппетита у него по утрам не было.

– Во-первых, за трое суток еще никто не умирал от истощения. Верующие люди неделями постятся. Во-вторых, я их подкармливаю искусственными растворами. Хотя ты этого, конечно, не видел. Но беспокоит меня не это. Здесь всё идет, как надо.

– Что, товарищ командир, вас беспокоит? – спросил Серега, подобострастно улыбнувшись.

– Глупые вопросы, которые вы задаете постоянно. Это затягивает подготовку. А нам надо поторопиться. Вечером завтра всё закончится. На само представление мы не останемся. Посмотрим в Интернете. Там его завалят клипами. И сколь-

ко же он соберет просмотров? А вот как вы считаете, у Филиппова старшего не начался уже нервный тик от постоянных звонков мамы, в очередной раз разыскивающей блудного, но любимого сыночка? Быстро заканчиваем прием пищи и за дело! Это приказ! Давайте пошевеливайтесь, лодыри!

– Уи! Мон женераль! Жё тем, мон амур!

Сергея щелкнул каблуками, быстро соскочив с табуретки.

– Разве, Сережа, ты в школе изучал французский язык?

Вообще-то, это редкость.

– Нет! Язык, которым надлежит говорить с неприятелем, сиречь немецкий. Кстати, у нас была прекрасная немочка. Старушка из фольксдойче.

– Да мы же полиглоты! Как я могла забыть!

– А знаете ли вы, фройляйн, что больше всего людей, говорящих на английском языке, проживает в Китае. Вообще, мне кажется, что у китайцев больше всего способностей к изучению иностранных языков. Потому что после китайского любой язык покажется детской игрушкой.

– Хватит! Я вижу, что вы весьма основательно подкрепились и поэтому вас потянуло на болтовню. Вот почему после сытной еды не тянет на работу? Хотя назвать это сытной едой можно только с большой натяжкой. Ноги в горсть и скачками! За работу, ребята!

– Если ноги взять в горсть, никак не получится скакать. Представьте эту позу!

У Сереги было явно шутовское настроение. С чего бы это?

– Кажется, я связалась с болтунами. Я теряю к вам остатки уважения.

– Вообще-то я молчу, – резонно заметил Илья. – Хотя тоже мог бы вставить свое веское слово. Оно у меня всегда имеется.

– Ну, хоть ты меня не расстраивай! – взмолилась Рита. Она молитвенно сложила руки.

– Я уже бегу! Меня уже нет!

Илья поднялся. Провел ладонью по щетине.

– Прошу пARDону! А где мешочек взять? Вы представьте, если меня увидят с плакатами под мышкой.

– Я еще должна вам мешки искать! И это мужики! – Рита свирепо взглянула на них.

– Исчезаю! Хотя я уже исчез.

Илья бросился к выходу. Распахнув двери, обернулся и помахал рукой.

Пахом занялся в гараже конструкцией. К вечеру она была готова. Он любил всякое конструирование. Всё работало. Но нельзя было сказать, что как часики. Кое-какие шероховатости. А Пахом, как технарь, понимал, что машину губят мелочи. Или то, что принято считать мелочами. Он не решился оставлять недоделки на завтра. Поэтому в домике появился поздней ночью. Тихо приоткрыл дверь. Но она всё равно скрипнула. Ему был оставлен ужин. Этой ночью дежурил Серега, который посапывал и посвистывал на хозяйкиной постели. «Вот так он будет дежурить и в больни-

це!» Пахом покачал головой. Серегины трели не показались ему слишком музыкальными и, быстро похватав, он пошел в «жигули». Хоть и придется спать в позе, не родившегося еще на свет младенца, зато в тишине. Он уже открыл дверку, как услышал за спиной тихий просящий голос:

– Пахом, постой! Надо переговорить! Это очень важно!

– Ты не спишь, Рита? – удивился он. – Я, право, удивлен.

– Нам надо поговорить! Именно сейчас и здесь!

Она прикоснулась к его локтю. Он ощутил три точки.

– Давай завтра! Устал смертельно. С ног валюсь! – Пахом покачал головой.

– Я хочу наедине. А завтра вряд ли получится. Кто-нибудь всегда будет рядом. Больше такого момента может и не быть.

– Ну, да! Хорошо! Конечно, надо поговорить.

Они сели на передние кресла «жигулей». Пахом за рулевое сидение.

– Пахом! Послушай! Только внимательно, прошу!

Она положила ладонь ему на плечо и сидела, повернувшись к нему, и так близко, что он чувствовал тепло ее дыхания на своей щеке. Если бы она не была такой...

– Не знаю, что со мной творится. Никогда еще такого со мной не было. Я в растерянности. Я не знаю...

«Ну, вот и началось! – подумал Пахом. – Все бабы одинаковые, даже такие, как Рита. А мне что делать? Уступить? Ведь всё-таки я ее должник. Или как-то! Вот, блин, влип!» Пахом всё сильнее сжимал рулевое колесо. Со всей силы на-

давил на тормоз. Потом отпустил его.

– Я не могла уснуть. Ждала, когда ты пройдешь. Я, может быть, не права. Скорей всего не права. Но меня это мучает, терзает. Я не могла не сказать тебе об этом. Иначе... Ну, просто должна сказать!

– Я очень-очень уважаю тебя. Поверь! Подобной девушки я еще не встречал. Ты необыкновенная. У тебя будет блестящее будущее! Я горд знакомством с тобой.

Пахом сам удивился, как гладко текли из него слова. Это была риторика. А риторика – это плохо.

– Ты удивительная и необыкновенная. Ты просто чудо! Честно!

– Пахом! Пожалуйста! Не перебивай меня! Не надо этих слов.

Она повернулась к переднему стеклу. Убрала руку с плеча.

– Это совсем не то, что ты подумал. Да я и мысли такой не допускаю! При моей-то внешности! Или ты считаешь, что я совсем дура? Ничто человеческое мне не чуждо. Чуждо! Так уж распорядилась природа. Против этого не попрешь.

«Не то? А что же? Девушка не спит, ждет тебя, садится с тобой ночью в автомобиль, чуть ли не прилипает к тебе, начинает страстно шептать. И что же тогда это может быть?»

Пахом провел пальцем по лобовому стеклу.

– Не то, Пахом, что ты думаешь. Я хочу поговорить о нашем деле. И только о нем.

А что о нем говорить? Всё решено-перерешено. Каждый пункт продумали. Вроде всё предусмотрели. Пахом повернулся к Рите.

– О каком деле? О чем ты? Что еще говорить?

– О нашем деле! То, что мы сейчас делаем. О чем же еще?

Пахом насторожился. Что-то ему сразу не понравилось.

Рита выглядела совершенно спокойной.

– Мы поступаем неправильно. Теперь я в этом окончательно убеждена. Вот так, Пахом!

– То есть? Поясни! Я не понял.

Пахом убрал руки с руля. Рита провела по верхней части панели, поднесла ладошку ко рту и дунула. Была ли пыль, ни она, ни он не увидели. Она обтерла ладошку о колено. Прямо в глаза светила луна.

– Им нужно дать шанс. Мы должны им дать шанс.

– Рита! О чем ты? Какой шанс? Ты слышишь себя? Слышишь, какой ты бред городишь? Подонки! Законченные уроды! Если мы их не остановим, они еще столько зла принесут. И не забывай, что они убийцы. И может быть, Стас – не единственная их жертва. Я уверен в этом.

– Знаю. Но мы не должны им уподобляться. Мы же – не они.

– А мы им разве уподобляемся? Мы им оставляем жизнь. И мы их не насилуем. Мы их только накажем. Пусть наказание и не исправит...

– То, что мы сделали и еще сделаем с ними, это хуже убий-

ства. То, что они сделали с тобой, никто не узнает. А про них будут знать все и всегда. Это клеймо навечно. Пройдет время и твоя рана затянется. Конечно, ты никогда уже не забудешь об этом, ты будешь жить с этим. Но всё утихнет. Это будет только твоя тайна. Человеческая психика так устроена, что плохое мы не вспоминаем, делаем вид, что этого не было. То, что мы сделаем с ними, навсегда вычеркнет их из этой жизни. Для них уже не будет жизни.

– Рита! Мы остановили зло. Мы Робин Гуды!

– Я не о них. Я о нас. Это не просто месть. Это злорадная месть. Изощренная, фантастическая. С притопом и прихлопом! Вот мы как вас! Я ужаснулась, когда до меня это дошло.

– А когда ты их кастрировала, ты не ужаснулась? Когда ты их резала?

– Нет, не ужаснулась! Кастрировать их нужно было. Я бы всех насильников, педофилов, извращенцев кастрировала. Может быть, их стало бы поменьше. Пример для других. Хотя вряд ли.

– Ну, хоть здесь я с тобой согласен. Илья пакет с их причиндалами отнес на помойку, тут же, говорит, растащили собаки. А вдруг ты одумалась бы, и решила всё вернуть на место. Ты же гениальный хирург! Всё можешь! Ладно, Рита! Понял я. Ты выходишь из игры. Нет! Я тебя не осуждаю. Я и права такого не имею. Я тебе благодарен. Как в старину говорили, премного благодарен. Утром Серега тебя отвезет.

Вечером он уже вернется сюда. Мы с Ильей всё доделаем. И завтра всё закончится. Финита ля комедия! Да, впрочем, ты уже и не нужна здесь.

– Завтра ничего не закончится. Завтра только начнется.

– Что ты имеешь в виду. Говоришь как-то абстрактно!

– Только начнется. И для них, и, самое главное, для тебя.

Вот что плохо!

– Да! Я испытаю чувство глубокого удовлетворения. Я женею, у меня будут дети, и я буду их воспитывать нормальными людьми. Постараюсь, чтобы они были нормальными. А у этих уже не будет никакого будущего. Но они сами себя лишили его. Зло пресечено! Понимаешь? В этом мире на капельку меньше стало зла.

– Это ты, Пахом, не понимаешь. Зло перейдет в тебя. Теперь ты знаешь способ, как отомстить за любую обиду. Нет! Не убить! Это слишком просто. А отомстить очень зло и изощренно. Твоя месть будет в следующий раз, если что-то случится, еще более жестокой. Фантазия у тебя есть. Ладно! Что бросаться словами?

Она щелкнула сумочкой. Достала пистолет. Положила на колени.

– Давай я сейчас пойду и застрелю их. Это будет гораздо лучше, чем то, что ты собираешься сделать с ними. Я готова это сделать.

Пахом мягко забрал у нее пистолет. Поднял к глазам.

– Вот уж, наш дорогой доктор Рита, нет! Убить пригово-

ренного к смертной казни до смертной казни, – это подарок, о котором он мечтает. Приговоренный должен пройти через весь неторопливый ритуал смертной казни, который с каждой секундой будет наполнять его всё большим ужасом от одного ощущения, что каждое мгновение приближает его к последней черте. Этого я хочу! А твои пули – это подарок им, они даже не успеют ничего осознать. А я не хочу им делать подарков. Я хочу, чтобы они прошли через ад. Решено! Да! Да! Может быть, будет по-твоему, и я стану монстром, которого ты мне описала, который придумывает всё более изощренную месть. Это не тебя убили, а Стаса. Убили на моих глазах. И не тебя насильовали эти твари, а меня. И нате! Мы им дарим эпоху милосердия. Ой! они сразу перевоспитались! За мной, а не за тобой гнались по этому сранному городишке. И я убегал, как заяц, с разорванной жопой от гончих, потому что мной руководил инстинкт выживания. Хватит городить! Спать! Завтра напряженный день! Но самый счастливый день в моей жизни. Мой звездный час!

Рита выбралась из «жигулей», тихо прикрыв дверь. Пошла в дом.

28. И КАМНИ НЕ ПРИВЯЗАЛИ

Любое утро начинается с рассвета. Он может быть самого разного свойства: ярким и солнечным, холодным и туманным, серо-буро-малиновым. Но за ночью непременно наступит рассвет. В сентябре рассвет в наших широтах начинает уже припоздняться, потихоньку, помаленьку, по минутке. И вот уже и в восемь часов темновато. Но с другой стороны, если не нужно отправляться на работу, мы можем позволить себе лишние полчаса еще понежиться в темноте или полумгле, на которую наш организм настраивается как на продолжение сна. А потом зима с еще долгим темным утром!

Проснулся Пахом позже всех. Серега уже священнодействовал у плиты под байки неунывающего Ильи. Как известно, тяготы жизни делают характер людей еще более жизнерадостным. Позвонев уличным рукомойником и побрызгав на лицо и шею холодную утреннюю воду, Пахом кое-как вытерся и зашел в домик, шумно зевнув, чем, вероятно, распугал последних мышей. Говорили только Серега и Илья. Мололи всякую чушь.

– Ну, что, братцы кролики, за работу! Труба, как говорится, зовет!

Серега потер ладони. Улыбнулся и подмигнул Пахому.

– А где праздник на лице, полностью лишенном всякого интеллекта? – воскликнул Серега. – С чем день начнешь, с

тем и закончишь!

Все присутствующие поняли, что он имеет в виду не свое лицо. И были очень этим довольны.

– Тяжелый ты человек, Пахом, если не умеешь радоваться каждому новому дню. Нет в тебе оптимизма и такого легкого радостного дембилизма, который придает вкус жизни. За стол, господа! И затем, как говорит наш командир, работать, работать и работать, поскольку, если бы живые существа не работали, то Земля была бы не планетой людей, а планетой лошадей. И к тому же с завтрешнего... нет! Скорей с послезавтрешнего дня нам предстоит учиться, учиться и учиться, за исключением некоторых лиц, которые, даже учась, ничему не учатся. Я имею в виду...

– Я своё отучился, – с полным ртом пробормотал Илья. – Учеба мозги сушит.

За окном было тихо, ясно и солнечно. Листья еще не начинали желтеть, то есть лето вроде бы продолжалось. И мухи летали по-летнему.

– Теперь я сам могу хоть кого учить, – чавкал Илья. – Могу организовать мастер-класс.

– Ну, да! Открой курсы молодого бомжа! – хотхотнул Серега. – Мы с Пахомом обязательно запишемся. Может быть, пригодится.

– Как там эти? – спросил Пахом у вышедшей из-за занавеси Риты, которая вынесла бинты.

Она посмотрела поверх его головы в окно, там шелестел

темно-зелеными листьями высокий куст ирги. Он был выше дачки.

– Идут на поправку. К вечеру к ним вернется осознание реальности. Это будет сопровождаться дискомфортными ощущениями в области паха, – сухо докладывала Рита. – Такая тянущая боль.

– Конструкцию надо довести до блеска! – проговорил Серега. – Вот с нее сейчас и начнем! Переходим в распоряжение Кулибина!

– Ага! – кивнул Пахом, без всякого аппетита жуя сардельку.

– А конкретно, что нам делать, генеральный конструктор? Расставь точки над и!

– Разбираем конструкцию и всё раскладываем по коробкам, – вяло проговорил Пахом.

– Зачем? – удивился Серега. – Всё увезем за два рейса. А разберем, потом долбайся на месте, теряй время, почему зря. А там у нас времени будет в обрез. Всё надо сделать мухой! Там некогда будет!

– Не будет двух рейсов! Будет только один. Загрузим всё сразу!

– Ну, один так один! С профессионалами спорить, себе дороже. Нужно только безропотно подчиняться их приказам. Что мы и делаем!

Втроем они демонтировали конструкцию, разобрав ее до последнего винтика и сложив всё по коробкам. Серега по-

стоянно ворчал, что они занимаются ерундой, но свою работу делал. Работал он в перчатках.

– Пахом! Я не пойму две вещи, – сказал он, – Почему ты такой угрюмый? Может, ты считаешь, что план наш сорвется. Но уже всё готово! Всё получится от и до! Не надо сомневаться! Сегодня у нас будет праздник. И потом. Почему мы все разбираем до винтика? Зачем мы делаем лишнюю ненужную работу? А потом всё заново собирать? Увезли бы за два рейса на двух машинах. Меньше долботни на месте. А потом всё опять закручивай, закрепляй, проверяй! Пахом, ну что ты такой неуёмный! Фигней не майся! Чего ты навывдумывал?

Подошла Рита. Лицо у нее какое-то было серое. И очень скучное.

– Что-то с Максимовым пошло не так! Надо бы «скорую». Я боюсь, ребята! Осложнение! Я поставила укол, но...

– Я не узнаю тебя, Рита! – воскликнул Серега. – Ты думаешь, о чем ты говоришь? Какая тебе «скорая»?

Он постучал себя по голове. Сегодня его все огорчали, кроме Ильи, который был немногословен. Сереге он явно отдавал предпочтение.

– Вызвать «скорую»! Ты что совсем?

Серега истерично рассмеялся. Развел руками и наклонил голову.

– Да давайте сразу пойдемте в полицию с чистосердечным признанием! А? У меня там друг и коллега Филиппов-стар-

ший. Может быть, по благу хоть почки не отобьет. Отделаемся легкими телесными повреждениями. Здорово же? Так же?

– Он несколько часов может потерпеть? – спросил Пахом. – Ну, хотя бы пару часиков?

На Риту он упорно не смотрел. И спрашивая, разглядывал свои ладони, как будто там была заноза. Руки были в масле.

– Может и потерпеть. Поставлю ему укол.

– Тогда загружаем их! – скомандовал Пахом голосом, не допускающим неповиновения.

Сергея и Илья остолбенели. Переглянулись между собой.

– Что происходит? – спросил Сергей. – Если план поменялся, почему меня не поставили в известность? Или я уже не при делах? Пахом! Почему ты молчишь? Рита! В чем дело? Да объясните же!

– Пойдемте выводить их! – сказал Пахом. Первым направился в дом.

– Чудны дела твои, Господи! – воскликнул Сергей, сложив ладони у подбородка и задрал голову. Может, надеялся там увидеть облик.

– Не богохульствуй! – рявкнул Илья. Погрозил ему пальцем.

– Максимова нужно выносить, – сказала Рита. – И осторожно! Без рывков! И положите его.

– А почему бы его не пристрелить, чтобы не мучился? – усмехнулся Сергей. – Думаю, он был бы нам благодарен. За-

чем ему теперь жизнь!

Четверку распределили по машинам. Максимова положили на сидение.

– Ты не знаешь это место на озере, где они обычно собираются, бухают? – спросил Пахом у Риты. – Они еще говорили про него.

– Найду! Озеро-то не слишком большое.

– Ну, тогда ты за рулем. Едешь первой! Погнали, мужики! Хотя постойте! Еще не всё. Серега! У нас что-нибудь осталось в кассе? Ну, чего затих?

Сергей ведал финансами по совместительству. И поэтому называл себя министром финансов. Считал он великолепно.

– А как же! Я бережливый и экономный. Кстати, в коррупции не замечен.

– Не были ли вы столь любезны, господин министр финансов, предоставить отчет по бюджету? Если вас не затруднит.

Сергей достал деньги. Пахом отсчитал несколько купюр. Это была месячная пенсия.

– Это хозяйке. За ее гостеприимство.

– Но у нас же полный расчет вперед! Пахом – ты плохой финансист.

Пахом положил деньги на кухонный стол. А сверху поставил банку. Мало ли что? В окно могли заглянуть бродяги или пацаны. Если они увидят деньги, обязательно заберутся. А хозяйка обязательно будет убирать со стола.

Остальные он протянул Илье. Илья посмотрел на деньги.

– Спасибо тебе! Не хворай! И не теряй чувство оптимизма! А может быть, вернешься к нормальной жизни? Могу оставить телефон.

Илья выдернул три сотенки, сунул их в карман, а остальные бросил на стол. Даже не пересчитывая.

– Запыюсь! Зачем мне столько? Мне столько нельзя.

– Купи пожрать! Ну, чего ты?

– Ты что? Тратить деньги на еду? Меня же не поймут.

Илья засмеялся. Смех у него был грубоватым.

– Эх, точно! Надо открывать курсы молодого бомжа! Не приспособленные вы к жизни люди. А точнее, не видели еще.

За Чернореченском было Круглое озеро, на котором летом собирались горожане и жители окрестных деревень. Зимой здесь работала лыжная база с сауной и небольшой закуской. Если бы летним жарким деньком с неба бы начали падать яблоки, то ни одно бы не упало на мелкий серый песок. Только с северной стороны стояли заросли камышей. Сейчас здесь было безлюдно. Они остановились возле деревянного моста, который соединял берега речушки, впадавшей в озеро. Говорят, что эта речка протекает через три района области. Всех четверых положили под мостом на песок. Дрищенко стонал. Максимов тяжело дышал, подсвистывая при каждом вздохе. Грудь его подымалась.

– Всё закончилось! – сказал Пахом. – Пора, братцы, домой!

– Может быть, хоть камни привяжем к ногам и оттащим в

воду? – предложил Серега. – Я могу и один.

Рита проверила у лежащих пульс. Поехали дальше. В нескольких километрах от озера был овраг, который местные жители превратили в свалку. Туда выбросили коробки с разобранной конструкцией. Когда они отъезжали, неизвестно откуда возник бомж, который стал открывать коробки. Увидев в них цветной металл, весьма обрадовался. Стал вытаскивать по одной.

– Ты, Пахом, дурак! – проговорил Серега. – Самый настоящий идиот!

– Посигналь Рите, пусть она остановится. Ты слышишь меня?

– Ты что обиделся? Пересесть хочешь? Пожалуйста, я не возражаю.

– Сигналь, чтобы она остановилась.

Рита съехала к обочине. Вышла из машины.

– Подождите меня здесь! Я быстренько! Кое-что забыл. Не успеете докурить, я уже буду здесь.

– Никак в магазин за стрессоснимателем? – спросил Серега, ухмыльнувшись.

– Ага! Именно за ним.

– Так у Риты, знаешь, еще сколько этого добра осталось! Давай достану! Квась всю дорогу!

– Тыстро я! Быстро! Понимаете, кое-что забыл.

– Ну, давай! Только не гони! Какое-то у тебя состояньице!

Помахал Пахому. Но тот этого не видел. Помахивая клю-

чами, шел к машине.

Рита с Сергеем сидели в «тойоте». Пахом развернулся на «жигулях» и поехал в город. На железнодорожном переезде простоял минут пять.

29. ВОТ И ВСЁ

Капитан Филиппов, упершись ладонями в край стола, поднялся со стула. Молча оглядел вошедшего, потом с левой стороны уголок рта скривился, как будто он сжевал лимон.

– Это ты? Как живете-можете?

Пахом кивнул. Поглядел на стол.

– Я привез ваши вещи. Одежду, которую вы мне тогда дали.

Он поставил пакет, прислонив его к шкафу. Сверху лежала ветровка.

– Я благодарен вам, капитан. Это не ирония.

Филиппов оперся о подоконник. Потом сел на него.

– Ты убил их? Я сразу должен был догадаться. Куда ты их дел?

– Нет, они живы. Я никого не убивал. Скоро вам позвонят и скажут, где они. Но... впрочем, увидите сами. Они немного искалечены.

Филиппов поднял телефонную трубку. Подержал ее и положил на место. Сел за стол.

– Что ты с ними сделал? Не мог же ты их избить?

– Их кастрировали. Ну, кроме девчонки. Операцию делал хороший доктор, их жизни ничего не угрожает. Вы сами убедитесь. Только вот этого нет.

Филиппов засмеялся. Опустил голову и закачал ею из сто-

роны в сторону.

– Блин! Какой я осел всё-таки! Дурак ты, капитан Филиппов!

Он поднялся и оттолкнул стул-кресло. Оно откатилось в угол.

– Это мне должна была прийти в голову эта простая идея. И всё бы давно закончилось. Не было бы ничего.

– Я арестован? Вы меня арестуете?

– За что? Я этого не говорил. У тебя были сообщники? Конечно. Были. И среди них медик.

Пахом посмотрел в сторону. Филиппов наклонился вперед и выдохнул на него перегар. Пахом посмотрел на один угол, потом на другой.

– Выметывайся из города! Вас здесь не было. Понятно? – прошипел Филиппов, опершись кулаками в стол..

Пахом вышел из полиции. Остановился за городом, где его поджидали Серега с Ритой. Серега потрогал Риту за плечо и пошел к нему.

Ппересел за руль «жигулей». Пахом махом выхлестал, к удивлению друга, треть бутылки водки. Был солнечный сентябрьский день. Колеса мягко шелестели об асфальт. Пахома разморило и стало клонить в сон. Голова моталась из стороны в сторону.

– Дамы и господа! Все, кому старше шестнадцати лет, спешим в привокзальный парк. Вас ожидает необычайное зрелище! Только сегодня, только сейчас вечером суперсовре-

менная арт-инсталляция. Величайший художник Иван Гогов со своим гениальным творением!

В центре парка на полянке, окруженной зарослями кустарников, из полумрака начинают высвечиваться фигуры. Они извиваются, стонут. Но что это? Какой кошмар! Уберите детей! К первой фигуре сзади пристраивается вторая и начинает характерные ритмичные движения. Вторую сзади обрабатывает третий фигурант. За ним, низко наклонившись, стоит девчушка, и, чмокая, обрабатывает его анус. С языка у нее течет слюна.

– Да это же Филипп Филиппов! Это же он!

– А за ним Дрищенко! Они вместе учатся!

– Максимов! Старикова! Блин! Вот это да!

– Ну, как живые! Прямо натурально глядятся.

– Да живые мы, живые! Снимите нас отсюда! – кричат и стонут фигуранты. – Зачем нас сюда посадили?

И работают, работают, работают! Всё быстрее и громче! Зрители всё прибывают.

Капает кровь. У всех, кроме Стариковой.

– Вызовите, в конце концов, полицию! – истошный женский вопль.

– Офигеть! Классно! Сами себя трахают! Надо снять! Надо выложить в интернет! Сколько лайков наберем!

Появляется полиция, оттесняет зевак. Оцепляет поляну. Фигуранты продолжают работать друг над другом. В полиции тоже служат люди, и они наблюдают, смачно коммен-

тируя происходящее. Потом не спеша приступают к исполнению своего профессионального долга. Снимают одного за другим. Те валятся на землю, тяжело дыша. Их поднимают. Они, как в дурмане. Озираются с удивлением. Постепенно возвращается сознание, и они видят наготу других и свою, между ног большие искусственные фаллосы. Филиппов берет его в руки.

– А гдн мои яйца? – раздается вопль Филиппа. – Куда подевались мои яйца? Посмотрите, их в жопе нет? Куда они подевались?

Филипп сгибается дугой и рассматривает междуножье. Их нет! Он распрямляется и беспомощно оглядывается. И чувствует на шее железную хватку. Начинает задыхаться. Выпученные глаза его становятся еще больше. Кажется, что сейчас они выпадут из глазниц. Широко открытым ртом он пытается втянуть воздух. Грудная клетка быстро поднимается и опускается. Он быстро переступает с ноги на ногу.

– Доигрался, сучонок! Допрыгался! Всё! Оттрахался! Сейчас только тебя будут трахать во все дыры! – шипит Филиппов-старший, обдавая братца запахом перегара и сала. – Если бы не мать, ее жалко, я бы тебя, тварюга, давным-давно собственными руками задушил. Я одного чеха так душил. Он ручками-ножками сучит, а я его душу. Пока не остановили! Лучше бы тебя прибили!

Он отпускает его, и Филиппов-младший мешком падает ему под ноги, руками держится за горло, хрипит, всасывая

воздух. Старший Филиппов пинает его под ребра. Плюет на него.

– Жопу надо вытирать! – кричит Санька Максимову и бьется в истерике. – У меня весь язык в говне. Тварь ты поганная!

Она сидит на корточках и рыгает прямо себе на колени. Лицо у нее красное.

Гаснет иллюминация. И вдруг грохот, яркая вспышка. Никто ничего не может понять. Первая мысль: террорист-смертник взорвал себя. Вот и до их городка докатилось! Но недаром их столько учили по программе антитеррора!

Кто-то закрывает руками голову, кто-то падает лицом вниз, потому что им говорили, что так надо поступать в случае угрозы взрыва. На месте констуркции лишь искореженные трубки, дымятся провода. Никаких осколков. Саморазрушающаяся конструкция! Пост-постмодерн!

– Что это было? Что это было? – со всех сторон. Кто им объяснит?

– По телеку как-то показывали в «Вестях». Это такой вид искусства, – говорит мужчина в очках.

– Блиииин! Бл... Сволочи! Всякую фигню напридумывали!

– Кажется, я заснул! – Пахом трясет головой. Глядит на Серегу.

– Что тебе снится крейсер «Аврора» в час, когда утро встает над Невой? – мурлыкает Серега. За окном шуршание колес.

Вдалеке светились огни большого города. Там уже другая жизнь, там уже другая планета. А Чернореченск – это был лишь кошмарный сон, который надо забыть поскорее. Нет никакого Чернореченска!

Вечерний город как легкодоступная женщина. Ты можешь получить от него массу удовольствия. Но за всё надо платить. Поэтому бомжи к вечернему времени пропивают всю дневную выручку и спят на задворках, которые все, кроме бездомных собак и крыс, обходят стороной.

Парочка медленно идет в темноте по тропинке. Сквозь кроны деревьев пробивается лунный свет.

– Лёша! Держи меня крепко, чтобы я не оступилась! – говорит она, прижимая его локоть к своему телу. – Мне страшно! А вдруг из кустов что-нибудь выскочит? Какой-нибудь зверь? Вампир! Нападет на нас!

– Я у тебя для чего? Да я любого зверя раз и готово! Со мной не надо бояться!

Они вышли на поляну. Лунная дорожка перечеркнула тропинку и скамейку с бетонными краями. А дальше темнота.

– Лен! Я люблю тебя сильно-сильно! Я не могу без тебя!
Он привлек девушку к себе. Они слились в поцелуе. Его

руки становились всё настойчивей. На спине нащупал лифчик.

– Лена! Милая! Я умру от счастья! Как это прекрасно! Это безумно! Божественно!

Целуя, он подвигал ее к скамейке и, придерживая, отпустил на скамейку и сам опустился. Тесно прижался к ней.

– Я тебя тоже люблю, милый мой! Ты самый лучший.

Он положил ее на скамейку и стал задирать ей юбку. Они, не переставая, целовались. Это был бесконечный поцелуй.

– Оба-на! Отодрали кабана! Вся деревня трабана!

Как гром, раздался голос над ними. Они попытались вскочить, но сверху его крепко прижали коленом. Рука держала за шею.

– Дальше мы уже сами управимся! Не кочегары мы, не плотники!

Максимов и Дрищенко схватили парня под руки и поволкли к клену, несколько раз по дороге ударив его под дых, чтобы не трепыхался. Старикова поставила ногу на лицо девушке, которая пыталась подняться. На подошве была грязь.

– Лежи, сука! Попробуй только дернись!

Филиппов приспустил джинсы. Сдернул цветные трусы.

– Сань! Там в пакете мой инструмент! Достань, пожалуйста! Чтобы мне не отвлекаться!

Он пристроил между ног полуметровый черный имитатор и стал рукою водить вперед-назад, как бы занимаясь мастурбацией. При этом постанывал.

– Ну, давай, хороший мой! Нравится, детка? Ну, тогда поперли! Обрабатываем первую дырочку! А потом другие!

Он резко загнал имитатор ей между ног, даже не сняв с нее трусиков. Девушки громко завизжала.

Дрищенко и Максимов, поставив парня на колени, привязали ему руки к клену, и вдвоем стали снимать с него брюки. Старикова шла к ним с пакетом. Достала их имитаторы.

Заржали. Иго-го-го!

Пахом повесился в последних числах сентября на пустыре, завязав на суке старого корявого клена ремешок от спортивной сумки, с которой он ходил в университет. По ночам даже отчаянные смельчаки не решались пройти через этот пустырь. Его нашли утром. Сумка с эмблемой сочинской олимпиады стояла возле его ног. В ней было несколько учебников и тетрадей с конспектами. Посмертной записки ни в сумке, ни в карманах не было. Ах да! В сумке еще был сложенный в несколько раз глянцевый плакат с объявлением выступления гениального художника Ивана Гогова в Чернореченске. На фотографии у мужика почему-то не было одного уха. Вещи отдали родителям. Дела заводить не стали.